

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт истории

Исторический ежегодник

2014

Выпуск 8

Новосибирск
2014

ББК 63.3
И 905

Исторический Ежегодник. 2014.: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: «Сибпринт», 2014. Вып. 8. 187 с.

ISBN 978-5-94301-563-2

Главный редактор: д.и.н. А. Х. Элерт; ответственный секретарь: к.и.н. Р. Е. Романов. Члены редколлегии: В. В. Введенский, Н. С. Коробейникова, И. А. Шпилов.

Рецензенты:

д.и.н. В. А. Исупов
д.и.н. В. Г. Кокоулин
к.и.н. Д. Г. Симонов

*Рекомендовано к печати учёным советом
Института истории СО РАН*

В восьмом выпуске ежегодника представлены исследования молодых историков, посвященные актуальным вопросам истории России. В сборнике содержатся разделы, в которых отражены аспекты общественно-политической жизни, социально-экономического и демографического, социокультурного развития, военной истории. Тематика ежегодника охватывает отечественную историю с XVI до второй половины XX в.

Издание рассчитано на специалистов, преподавателей и всех интересующихся историей России.

ISBN978-5-94301-563-2

© Институт истории СО РАН, 2014

Содержание

Общественно-политическая жизнь

- Афанасьев П. А.* Конфликт интересов томского губернатора П.К. Грана и Кабинета Его Императорского Величества (1911–1913 гг.)..... 5
- Павленко А. П.* Общественно-политическая деятельность командного состава Черноморского флота в 1917 г..... 23
- Халоша К. В.* В.М. Чернов на посту министра земледелия: триумф или трагедия (в оценках современной зарубежной историографии на примере работ А. Трапезника и С. Б. Соссинского)..... 40

Социально-экономическое и демографическое развитие

- Румянцев П. П.* Пенсионное обеспечение служебного персонала золотопромышленных предприятий Западной Сибири в конце XIX – начала XX вв..... 52
- Романов Р. Е.* Заработная плата рабочих в военно-промышленном производстве Новосибирска в 1941–1945 гг.: стимул к труду?..... 62
- Морозова О. В.* Условия и механизмы продовольственного снабжения в городе Сталинске в годы Великой Отечественной войны..... 89
- Лапердин В. Б.* Миграции населения Западной Сибири в послевоенные годы как фактор укрепления сибирского тыла..... 103

Социокультурное развитие

- Игнаткин П. С.* Этнографическая и социально-политическая классификация коренных народов Сибири в Московской Руси XVI–XVII вв.: роль природно-географических объектов и пространственных ориентиров..... 117
- Макаров А. Н., Макарова Н. Н.* «Боевое искусство карикатуры» в периодической печати Магнитогорска (1929–1935 гг.)..... 133
- Якушенко О. В.* Роль западных трансферов в советской архитектуре хрущевской «оттепели»..... 148

Военная история

<i>Илюшин Б. А.</i> К вопросу об использовании огнестрельного оружия российскими служилыми татарами XVI–XVII вв.....	161
<i>Дмитриев А. В.</i> Условия, формы и механизмы вовлечения аборигенов Сибири в военные действия на стороне русских властей в конце XVI – начале XVIII вв.....	170
Список сокращений.....	185
К сведению авторов.....	186

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470)571.1

П.А. АФАНАСЬЕВ**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ТОМСКОГО ГУБЕРНАТОРА
П.К. ГРАНА И КАБИНЕТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
(1911–1913 ГГ.) ***

канд. ист. наук

Алтайская государственная педагогическая академия

E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

Статья посвящена изучению деятельности томского губернатора П.К. Грана в отношении Алтайского округа. Руководивший губернией в период подъема крестьянского движения, П.К. Гран в своих действиях исходил из цели предотвращения массовых волнений населения. Поэтому губернатор не выступал против методов политики Кабинета его императорского величества на Алтае. Материалы статьи показывают, что лишь весной 1912 г. П.К. Гран на короткое время стал самостоятельной фигурой, выдвинув предложения по землеустройству всего населения Алтая. Проведенный анализ свидетельствует, что это вызвало затяжное противостояние губернатора с Кабинетом. Автор приходит к выводу, что осторожная деятельность П.К. Грана в Томской губернии лишь усилила агрессивность Кабинета в защите алтайских владений императора.

Ключевые слова: Кабинет Его Императорского Величества, Алтайский округ, Томская губерния, землеустройство, П.К. Гран, А.А. Макаров, Е.Н. Волков, В.Б. Фредерикс.

Алтайские владения Кабинета его императорского величества (Кабинет) с момента их зарождения в середине XVIII в. не составляли самостоятельной административно-территориальной единицы. Будучи ведомственным хозяйственным образованием, Алтайский округ располагался на территории общегосударственных административных единиц, с 1804 до 1917 г. находясь в пределах Томской губернии. Наложение ведомственной и общегосударственной территориальной структуры приводило к сложному характеру управления югом Западной Сибири, вызывая трения кабинетских и государственных управленческих структур, в первую очередь, в распоряжении местным населением для выполнения им заводских работ. По оценкам М.М. Сперанского, такое положение превращало Томскую губернию в «самую несвязанную и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Алтайского края, проект № 13-11-22007а(р)

© Афанасьев П.А., 2014

потому самую трудную в управлении», а владения Кабинета в ней составляли «губернию в губернии»¹. Однако в горнозаводскую эпоху попытки разграничить ведомственную и государственную власти не были успешны, поскольку распоряжение заводской администрацией населением считалось основой благополучия кабинетской промышленности.

С освобождением населения Алтая от обязательных работ в 1861 г. исчезала необходимость взаимосвязи двух систем управления. В силу нерешенности земельного вопроса только с началом в 1899 г. землеустроительной реформы кабинетские владения на Алтае окончательно переставали быть связанными с губернскими властями. Поскольку процедура землеустройства предусматривала участие губернской администрации в качестве одной из сторон, поэтому с 1899 г. в истории Алтайского округа начался последний период вынужденного взаимодействия местной кабинетской бюрократии с губернскими властями. Особый интерес эти отношения представляют на завершающем этапе землеустройства, совпавшем с руководством Томской губернией в 1911–1913 гг. Петром Карловичем Граном. На этот период пришелся пик общественного противодействия земельной политике Кабинета на Алтае, а сам округ по оценкам историков вышел на первое место в Сибири по количеству крестьянских выступлений, не уступая накалу борьбы в Европейской России [1; 2, с. 206].

Как правило, объяснение совокупности данных фактов исследователи давали в рамках традиций изучения кабинетского хозяйства начала XX века. В отличие от горнозаводского периода, взаимоотношения кабинетских и губернских властей в начале XX в., уже не определяя развитие Алтайского округа, лишь констатировались в рамках землеустройства как преобладание интересов коронного ведомства. Описывая лишь единичные случаи взаимодействия, возникавшие в периоды крестьянских волнений, историки рассматривали их исключительно в пределах реакции населения на землеустройство. Подобный подход, оставляющий в стороне анализ действий и позицию губернских властей как одного из участников региональной деятельности Кабинета, начиная с монографии Г.П. Жидкова [3, с. 222–224], во многом существует до сих пор. Обособленно рассматривается также деятельность губернских структур. Несмотря на наличие работ, детально рассматривающих функционирование руководящего органа губернии (А.В. Палин), оценка деятельности руководителей Томской губернии предреволюционного периода дается в отрыве от широкого общественно-политического контекста. В частности, период управления П.К. Грана рассматривается без учета сложной обстановки в алтайской части губернии. В

¹ *Отчет* тайного советника Сперанского в обозрении Сибири // Прутченко С.С. Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. II. Приложения. С. 47–48.

одном из последних обобщающих очерков о нем составители указали лишь на выпавшую П.К. Грану эпоху юбилеев, среди которых важнейшим было трехсотлетие династии, и выборов в Государственную думу [4, с. 193–194]. Между тем, начатое ранее изучение общественного противодействия хозяйственной политике Кабинета на Алтае убеждает, что деятельность П.К. Грана как томского губернатора рельефно характеризует не только методы Кабинета, но и характер взаимоотношений коронной структуры, обеспечивавшей интересы монарха, с государством. Поэтому в статье ставится задача анализа действий томского губернатора П.К. Грана по отношению к Алтайскому округу в контексте широкой общественно-политической ситуации, складывавшейся вокруг коронного ведомства и монархии.

Начало второго десятилетия XX в. в Алтайском округе характеризовалось обострением земельных споров населения с местной администрацией. Этому способствовали массовый приток в регион переселенцев, а также начавшееся с 1910 г. жесткое отношение к населению местных чинов Кабинета в рамках отстаивания хозяйственных интересов ведомства. Одним из результатов нажима стало то, что уже в августе 1910 г. П.А. Столыпину и А.В. Кривошеину во время их поездки по Сибири было направлено огромное число жалоб крестьян на землеустроителей [5, с. 317]. В этих условиях 28 февраля 1911 г. новым томским губернатором был назначен П.К. Гран. Его служебная деятельность до назначения не была связана с Томской губернией. Некоторое время П.К. Гран служил в тюремном ведомстве, а в Томскую губернию он был назначен с должности иркутского губернатора [4, с. 193]. В аттестации П.К. Грана, данной в 1909 г. П.А. Столыпину, среди прочих качеств отмечались «настойчивость в достижении правильно назначаемых задач», недюжинные административные способности, позволившие «упорядочить ... деятельность подведомственных ему учреждений»². Летом 1910 г. в новой конфиденциальной характеристике иркутского губернатора П.А. Столыпину как итог деятельности П.К. Грана отмечались «крупные результаты в деле упорядочения уклада местной жизни»³. Возможно, упомянутые качества способствовали назначению П.К. Грана руководителем одной из непростых сибирских губерний с целью ослабить напряженность в отношениях крестьян и Кабинета. Неизбежность возникновения трений между Кабинетом, казной и крестьянами еще в 1910 г. была отмечала прессой при характеристике ужесточения позиции местных чинов Кабинета в землеустройстве. В ответ «Алтайская газета» призывала государственные структуры в лице местного переселенческого управления и губернского правления «занять по отношению к Кабинету такую же позицию изготовки

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 47 (1911 г.). Д. 337. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 5.

к борьбе, какую этот занял по отношению к названным чинам и ведомствам»⁴. Поэтому от позиции вновь назначенного губернатора зависела степень конфликтности отношений с Кабинетом и успешность защиты населения от давления кабинетских чинов.

П.К. Гран вступил в управление губернией 27 мая 1911 г. Уже первые дни его пребывания в новой должности ознаменовались осложнением обстановки в губернии, вызванной Павловским волнением 31 мая. Подробно описанное в литературе, волнение представляло яркий пример антикабинетского протеста населения. Резонансное событие не могло остаться без внимания губернатора, в обязанности которого по закону входило «охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого»⁵. Уже 14 июня П.К. Гран совершил поездку в район волнения «с целью выяснения коренных причин и обстоятельств ... беспорядков»⁶. По итогам посещения района волнения губернатор вместе с подробным описанием произошедших событий доложил министру внутренних дел, что волнение возникло вследствие «обострившихся отношений на почве землепользования между местными учреждениями ведомства Кабинета с одной стороны и населением с другой». Раскрывая этот тезис, губернатор объяснил, что Кабинет стремится на Алтае к упорядочению своего хозяйства и установлению правовых отношений с населением, не желавшим «примириться с мыслью о том, что земля и лес чужие, а не собственные» и поэтому ищущим повод отомстить Кабинету. Признавая безусловную законность всех настойчивых действий местных чинов Кабинета по ликвидации бесплатных пользований землей и лесом, П.К. Гран уверенно заявил министру внутренних дел, что претензия населения, основанная на факте пользования отрезанной землей, «не может быть оправдана»⁷.

Позиция губернатора, по его же словам, была сформулирована после общения с представителями администрации Алтайского округа. Но еще с 1907 г. после посещения округа новым управляющим Кабинета Е.Н. Волковым высказанная им мысль о «правовом перевоспитании» населения в отношении земельно-лесных угодий была принята служащими округа в качестве одного из руководств к действию [6, с. 219]. Поэтому П.К. Гран полностью повторил бюрократическую трактовку ситуации, исходившую от представителей коронного ведомства, вследствие чего считал произошедшее волнение вполне закономерным событием. Подобное не критичное восприятие цели и методов кабинетского ведомства на Алтае бы-

⁴ *Новый курс* Кабинета // Алтайская газета. 1910. 24 июня.

⁵ *Свод законов Российской империи*. СПб., 1892. Т. 2. Ст. 270.

⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 14, 16 об. – 17.

ло вполне оправданно для вновь назначенного губернатора, еще не успевшего вникнуть в сложившуюся в регионе ситуацию. К тому же, естественной целью вновь назначенного губернатора было стремление не допустить расширения волнений и избежать жестокости их подавления. Указав министру внутренних дел на «естественный антагонизм интересов Кабинета и сельского населения Алтайского округа», П.К. Гран всерьез беспокоился повторением волнений «на широком пространстве»⁸. В силу этого, методы деятельности Кабинета на Алтае вряд ли вызвали опасения губернатора, и коронное ведомство, по-видимому, представлялось ему одной из «родственных» бюрократических структур. Поэтому осторожная позиция вновь назначенного томского губернатора формально поддерживала Кабинет в его противодействии с населением.

На управляющего Кабинетом Е.Н. Волкова, ознакомленного с донесением П.К. Грана, очевидно, произвело благоприятное впечатление «в высшей степени беспристрастное и правильное объяснение причин беспорядков» в силу солидарности с позицией Кабинета. Для Е.Н. Волкова это означало, что Министерство внутренних дел восприняло события в трактовке Кабинета, что давало ему уверенность в успехе совместной работы двух ведомств «над упорядочением общего положения в Алтайском округе». Е.Н. Волков не только повторил, но и усилил позицию, изложенную в донесении П.К. Грана. Руководитель Кабинета был убежден в необходимости дальнейшего противостояния с «некультурной массой ... населения»: «В данное время неизбежна самая серьезная борьба с произволом населения, стремящегося внести прежний хаос в земельные отношения»⁹. Поэтому П.К. Гран по итогам Павловского волнения невольно способствовал усилению позиции Кабинета и лояльности к ведомству со стороны МВД.

Озабоченный сохранением спокойствия на территории Томской губернии, П.К. Гран, скорее всего, не стремился вникать в особенности деятельности чинов Кабинета в Алтайском округе. Об этом косвенно свидетельствует данная ему в конце 1911 г. характеристика. Управляющий Земским отделом МВД отмечал, что П.К. Гран «сразу вошел в курс сложного управления Томской губернией», обновил состав крестьянских деятелей и в целом «обращает серьезное внимание на работу крестьянских учреждений»¹⁰. Постепенное смещение акцентов деятельности томского губернатора началось после назначения в сентябре 1912 г. министром внутренних дел А.А. Макарова. Он, как бывший прокурор, по словам недовольной им императрицы Александры Федоровны, мог «мыслить только с точки зрения буквы писаного закона», за что,

⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 34, 35.

¹⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 47 (1911 г.). Д. 337. Л. 2.

по свидетельству С.Ю. Витте, при дворе его за глаза называли «честный нотариус». Современники невысоко характеризовали деловые качества Макарова, отмечая при этом его корректность, такт и твердость [7, с. 451, 452, 459, 461]. Уже в ноябре 1911 г. позиция законности коснулась деятельности П.К. Грана, которому новый министр указал на «неудовлетворительное разрешение» дел по землеустройству, выразившееся в том, что Общее губернское присутствие при утверждении наделов не заботилось «о соблюдении интересов населения». По словам П.К. Грана, данное указание министра было принято «к неуклонному руководству для возможного изменения отношения Губернского присутствия к делам по землеустройству на землях Кабинета»¹¹. Очевидно, после этого губернатор стал постепенно склоняться к поддержке населения, по-прежнему не выступая против методов земельной политики Кабинета, которые в это же время подверглись жесткой критике в крупных журналах [8, с. 103–105, 110–111]. Отсутствие документальных доказательств позволяет лишь предположить, что совпавшее по времени указание А.А. Макарова П.К. Грану и беспрепятственная критика Кабинета в журналах могли отражать намерение нового министра внутренних дел вернуть в законное направление землеустроительную деятельность в Алтайском округе.

Начало изменения позиции губернатора определенно обозначилось в его отношении к проблеме неприписанного населения Алтая, не получившего землеустройства и вынужденного арендовать земли Кабинета. Впервые обозначенная П.К. Граном при анализе Павловского волнения, она вновь была поднята МВД в начале 1912 г. Предоставив в министерство требуемые сведения, губернатор отметил, что группы неприписанного населения «причиняют губернской и уездной администрации очень много хлопот». Поэтому П.К. Гран высказался о необходимости их землеустройства, предлагая передать его осуществление Алтайскому землеустройству или местной переселенческой организации. Само землеустройство П.К. Гран оценил, как повод, а не причину к неизбежному возникновению новых беспорядков из-за нежелания крестьян к вынужденной интенсификации хозяйства вследствие потери прежде обрабатывавшихся объемов земель¹². Тем самым губернатор, вновь не подвергая сомнению методы землеустройства, впервые высказался за его распространение на все население Алтайского округа. МВД не развило это предложение никакими инициативами, возможно, не желая усиливать недовольство Кабинета, занятого в это время противодействием критическим публикациям прессы.

¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 1926. Л. 100 – 100 об.

¹² Там же. Д. 192а. Л. 45, 49 об. – 50 об.

Втягивание П.К. Грана в непосредственное взаимодействие с Кабинетом произошло в ходе развития «мормышанского дела», возникшего на почве не признания населением итогов землеустройства в селе Мормышы и захвата спорного участка без уплаты арендной платы¹³. Начальник Алтайского округа В.П. Михайлов при посещении беспокойного села в феврале 1912 г. выступил категорически против самовольного использования крестьянами спорной земли, предложив лишь взять ее в аренду по «какой угодно низкой цене». Однако после переговоров с населением В.П. Михайлов посоветовал жителям села подать прошение на высочайшее имя с просьбой о прирезке спорной земли¹⁴.

Категоричная позиция В.П. Михайлова, считавшего желанием крестьян «безусловно неподлежащими удовлетворению» и, высказанное им же предложение более льготной сдачи земли в аренду П.К. Гран в письме министру внутренних дел охарактеризовал как противоречивые. Обсуждение в Томске мер по предотвращению возможных крупных беспорядков, подобных Павловским, также не привело к однозначному решению, поскольку как положительный исход поданного монарху прошения крестьян, так и репрессивное преследование волнений населения пришлось бы распространять на все соседние с Мормышами селения, рассматриваемого ими как пример. Опасаясь возможных волнений, П.К. Гран высказался за убеждение крестьян в незаконности захвата ими спорной земли. Решение всего вопроса «в его совокупности» губернатор отложил до проведения консультаций с управляющим Кабинетом и министром внутренних дел в ходе разрешенной ему поездки в Петербург¹⁵.

Попытка урегулирования ситуации на местном уровне не только выявила слабую согласованность и скрытое неприятие между губернатором и начальником Алтайского округа, но и ставила губернатора в сложное положение. Любое развитие событий характеризовало губернские власти как не забочущиеся об интересах крестьян: в лучшем случае – как безынициативную сторону, а в наиболее возможном варианте – как карающую силу с использованием войск. Взаимосвязь этого с действиями В.П. Михайлова сразу же отметил начальник Томского губернского жандармского управления Мазурин. В донесении в Петербург он указал, что мормышанский случай является не первым примером, «когда благодаря какой-то двойной игре создается почти искусственное осложнение, грозящее повторением Павловских событий»¹⁶. Тем не менее, томский губернатор, в отличие от начальника

¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 42 – 42 об., 87 об. – 88.

¹⁴ Там же. Л. 62, 88, 89.

¹⁵ Там же. Л. 62 – 62 об., 64 об., 411 об.

¹⁶ Там же. Л. 89.

округа, в разрешении конфликта склонялся преимущественно к интересам крестьянского хозяйства. Озабоченность П.К. Грана вызывала не только обустроенность населения на спорной земле, но и обеспечивавшееся за счет нее благосостояние крестьян Мормышей¹⁷.

Очередная попытка решения мормышанской проблемы состоялась уже в Петербурге 24 апреля 1912 г. на заседании Совета министров с участием П.К. Грана и управляющего Кабинетом. Томский губернатор фактически обвинил В.П. Михайлова в препятствии губернскому правлению по подчинению крестьян из-за «привходящего обстоятельства» в виде рекомендации начальника округа населению подать прошение царю на прирезку спорной земли. Е.Н. Волков, снимая эти обвинения, в ответ отметил постоянную доброжелательность Кабинета к «заявляемым крестьянами земельным притязаниям». Итоговое решение Совета министров рекомендовало передать спорный участок крестьянам, что фактически основывалось на высказанном ранее П.К. Граном мнении о длительном проживании и обустроенности крестьян на спорном участке. Хотя формально проблема передавалась императору для вынесения резолюции на поданное мормышанцами прошение, рекомендация Совета «склониться к более благоприятному для крестьян решению» была, очевидно, принята под влиянием опасений П.К. Грана и министра внутренних дел о возможности возникновения крестьянских волнений¹⁸.

Очевидно, П.К. Гран, увидев победу своей позиции в итоговой мотивировке Совета министров и пользуясь страхом правительства перед возможным обострением борьбы крестьян на Алтае в свете недавних Ленских событий, счел удобным возобновить свои прежние предложения по наделению землей неприписанных переселенцев и арендных поселков в Алтайском округе силами Кабинета и Переселенческого управления. Уже 4 мая 1912 г. он дал министру внутренних дел телеграмму, содержащую перечень мероприятий для «достижения земельного спокойствия и предупреждения аграрных беспорядков в ... уездах Алтайского округа»¹⁹. А.А. Макаров в отличие о предыдущего раза выразил поддержку предложениям, поскольку они не только были «направлены к уничтожению тех именно поводов к недовольству, кои являлись главнейшими причинами беспорядков на почве поземельного устройства», но и оказались единственно возможными после отказа Совета министров от репрессивной политики по отношению к алтайским крестьянам²⁰. Но последующее обсуждение предложений П.К. Грана, разосланных заинтересованным ведомствам, как подробно пока-

¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 63 – 63 об.

¹⁸ Там же. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 3 – 4 об.

¹⁹ Там же. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 103 – 103 об.

²⁰ Там же. Л. 106 об.

зал А.А. Храмов [9, с. 161–172], было уже не столь успешным, поскольку 22 мая 1912 г. Николай II в ответ на доклад министра императорского двора прямо заявил, «что дальнейшие уступки земли ... повели бы к полной ликвидации владений Кабинета на Алтае»²¹. Тогда же министр императорского двора подверг критике предложения П.К. Грана, заявив, что «успокоение населения надо достигать ... строгим охранением законных прав ... землевладения, в том числе и Кабинета», а не новыми раздачами кабинетской земли²². Последовавший отзыв Переселенческого управления мог лишь отвергнуть предложения П.К. Грана, мотивируя это тем, что земельная политика в Алтайском округе «зависит всецело от Министерства императорского двора», поэтому задача всех местных властей – подчиниться этой политике²³. В сложившейся ситуации А.А. Макаров в начале июня 1912 г. вынес подобное указание, отметив, что в обязанность губернатора входит «принятие самых решительных мер к охранению законных прав Кабинета»²⁴. И хотя итоговый журнал Совета министров состоялся лишь 20 июля и 4 октября 1912 г., в начале июня 1912 г. уже было ясно, что повлиять на земельную политику Кабинета в Алтайском округе П.К. Грану не удалось. Закономерность этого была очевидной, поскольку земельную политику во владениях императора «Министерство двора признало ... вполне соответствующим высочайшим указаниям», делая бесосновательными любые попытки сторонних ведомств по ее корректировке.

Еще до получения разъяснений своего высшего руководства по внесенным предложениям, П.К. Гран в первой половине мая 1912 г. совершил поездку по наиболее беспокойным районам Алтайского округа. Массовая подача всеподданнейших прошений на имя императора убедила губернатора в том, что крестьяне «за редкими исключениями, крайне недовольны результатами землеустройства, произведенного чинами Алтайского округа Кабинета». Поэтому П.К. Гран по итогам поездки вновь настойчиво советовал приступить к реализации его предложений²⁵. Внешне создавалось впечатление, что позиция П.К. Грана была направлена на защиту интересов населения. Между тем, для губернатора, как и ранее, важнее оказалась попытка предотвратить возможность конфликтов в будущем. Противника на этом пути П.К. Гран увидел в начальнике округа В.П. Михайлове, охарактеризовав его А.А. Макарову как человека с «редким самомнением, отсутствием дальновидности и не стесняющегося в средствах для достижения своих це-

²¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 81.

²² Там же. Л. 80 об.

²³ Там же. Л. 36.

²⁴ Там же. Л. 45.

²⁵ Там же. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 115–116.

лей»²⁶. Подобные качества вызывали враждебное отношение населения к местным чинам Кабинета, что лишь укрепляло опасение П.К. Грана «даже за ближайшее будущее». Поэтому в оценке сложившейся обстановки в округе предложения томского губернатора, по-прежнему, не определялись враждебным отношением к деятельности Кабинета, хотя и были направлены на предотвращение антикабинетских выступлений за счет уступок в земельной политике коронного ведомства.

Тем не менее, после получения указаний императора о земельной политике на Алтае, 27 мая 1912 г. управляющий Кабинетом Е.Н. Волков в письме П.К. Грану указал на установившееся в округе «неправильное представление» в отношении земель Кабинета, рассматриваемых как фонд «на удовлетворение надобностей местных учреждений и разных групп населения». Не обвиняя губернатора напрямую в нарушении земельной политики, управляющий Кабинетом, очевидно, давал понять П.К. Грану высокую степень своего раздражения, вызванного деятельностью губернатора²⁷. Кабинет воздержался от прямых обвинений П.К. Грана только потому, что подобными действиями мог предоставить дополнительный аргумент прессе, доказывавший нежелание коронного ведомства идти на уступки населению. Очевидно, поэтому Кабинет предпочел на время отказаться от активной критики позиции губернатора, лишь выжидая удобный повод для наказания П.К. Грана, при котором ведомство формально не являлось бы инициатором преследования губернатора и было бы выведено из-под удара возможной критики.

Такой случай предоставил экстренный запрос депутатов Государственной думы министру внутренних дел, поданный 9 июня 1912 г. Он осуждал земельную политику Кабинета в Алтайском округе, принявшую «совершенно одностороннюю систему защиты исключительно частновладельческих интересов округа, игнорируя существенные нужды местного населения». Однако главное обвинение в этом депутаты вынесли не Кабинету, а Общему присутствию томского губернского управления, которое как ключевой местный орган в документальном оформлении землеустроительных итогов обвинялось в нарушении закона, «подчиняясь требованиям Алтайского округа». Поэтому фактическое содержание запроса не совпадало с его формальной частью, запрашивавшей у министра внутренних дел о его осведомленности о деятельности губернского органа «в ряде случаев... в интересах Кабинета», а также выяснявшей предполагаемые меры «для восстановления нарушенной законности»²⁸.

²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 116 об.

²⁷ Там же. Л. 239 – 239 об.

²⁸ Там же. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1440. Л. 1 – 1 об.

Уже 15 июня запрос был направлен для дачи объяснений томскому губернатору, который становился ключевой фигурой в его рассмотрении²⁹. Однако это поставило П.К. Грана в противоречивую ситуацию. С одной стороны, уже выступив в мае 1912 г. с предложениями по увеличению размеров отчуждаемых у Кабинета земель для решения возникавших проблем землеустройства на Алтае, он мог поддержать антикабинетские высказывания запроса, совпадавшие с защитой интересов населения. Но такая поддержка в свете резолютивной части запроса сразу же делала Общее присутствие томского губернского управления соучастником незаконной деятельности местных чинов Кабинета. Поэтому в складывавшейся ситуации независимо от занятой позиции П.К. Гран мог пострадать или от Кабинета, или же от самого депутатского запроса.

Еще до официального рассмотрения запроса губернатор в конфиденциальном письме министру внутренних дел попытался снять с себя ответственность, напомнив министру, что по его указанию с ноября 1911 г. он руководствовался заботой о населении при рассмотрении землеустроительных дел. Но в свете тех же ноябрьских указаний А.А. Макарова П.К. Гран вынужден был также признать недостаточное внимание Томского губернского присутствия «к бытовым особенностям поступающих земельных вопросов». По существу запроса в глазах министра внутренних дел томский губернатор однозначно оказывался ответственным за доведение внутригубернских осложнений до думской трибуны. Очевидно, осознавая это, П.К. Гран решил переложить ответственность за допущенный формальный подход к утверждению наделов на непременно члена губернского присутствия А.А. Барока, являвшегося с начала землеустройства докладчиком по всем алтайским землеустроительным делам³⁰.

Одновременно начал прощупывать почву министр императорского двора, обратившийся с письмом к А.А. Макарову 23 августа 1912 года. В отличие от П.К. Грана, В.Б. Фредерикс никак не затронул сюжеты, связанные с думским запросом, целиком сосредоточившись на изложении А.А. Макарову своей версии майских событий на Алтае, напомнив министру, что земельные предложения губернатора уже тогда были признаны незакономерными не только Министерством двора, но и Министерством внутренних дел и Переселенческим управлением. Поэтому министр расценил всю деятельность П.К. Грана как нагнетание обстановки в округе, в связи с чем ситуация на кабинетских землях лишь обострилась и «ожидается ряд насильственных выступлений со стороны крестьян». Министр двора обвинил губернскую администрацию в бездействии, делавшем невозможной

²⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 221.

³⁰ Там же. Л. 100 об. – 101.

защиту владений императора на Алтае. Поэтому, считая, что в ситуацию должно вмешаться правительство, В.Б. Фредерикс прямо попросил А.А. Макарова принять меры «для правильного разрешения осложнений»³¹, очевидно, намекая на возможность отставки П.К. Грана.

В результате, министр внутренних дел оказался в центре разрешения ставновившегося все более очевидным конфликта между губернатором и Кабинетом. Скорее всего, А.А. Макаров предпочел отложить решение до окончательного рассмотрения думского запроса томским губернатором, рассчитывая, что принятый по нему ответ поможет разрядить обстановку. Рассмотрение думского запроса в Общем присутствии томского губернского правления состоялось 24 сентября 1912 года. При подготовке заседания по существу запроса свои объяснения попросили представить А.А. Барок и заведующий Алтайским землеустройством П.М. Юхнев. П.К. Гран не стал возражать, но предложил заслушать их доклады о ходе землеустройства в Алтайском округе без обсуждения, лишь приняв к сведению, не вынося также коллегиального решения по запросу³². Позже оправдывая такой порядок заседания Общего присутствия, губернатор указал на то, что формально члены губернского управления «не могут являться судьями собственных своих решений», поэтому заключение по запросу губернатор оставил за собой. Другая причина изменения регламента, хотя и была высказана П.К. Граном для собственного оправдания в глазах коронного ведомства, представляется более существенной: губернатор не желал допустить в ходе обсуждения запроса критики деятельности Кабинета, которая «легко могла произойти»³³. Тем самым, губернатор сразу же постарался снизить для себя возможные негативные последствия рассмотрения запроса.

Против такого регламента заседания Общего присутствия активно выступил начальник Алтайского округа В.П. Михайлов. Хотя П.К. Гран дважды предлагал ему высказаться, В.П. Михайлов отказался от этого³⁴. Скорее всего, В.П. Михайлов провоцировал ситуацию, решив использовать ее против губернатора. Позже в донесении Кабинету он указал на запрет губернатора предоставить ему выступление, а в особом мнении в Кабинет сознательное изменение коллегиальной процедуры губернатором было объяснено нежеланием по итогам обсуждения принять решение о необоснованности запроса, означавшего оправдание действий Кабинета³⁵. С учетом отмеченной выше двойственности запроса и его формулировки, Общее губернское при-

³¹ РГИА. Д. 192а. Л. 314–316.

³² Там же. Л. 414 об. – 415; Д. 192б. Л. 104, 106 об.

³³ Там же. Л. 415.

³⁴ Там же. Л. 415 об.

³⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1440. Л. 38, 44 об.

судствие, снимая с себя обвинения, неизбежно должно было признать законность деятельности Кабинета, что противоречило позиции П.К. Грана, обозначенной весной 1912 года. Поэтому рассмотрение думского запроса не завершилось принятием какого-либо однозначного решения³⁶.

Заседанием воспользовался также А.А. Барок, в своем докладе снимавший с себя ответственность за указанное в запросе нарушение порядка рассмотрения землеустроительных дел. По его же словам, данную позицию после заседания поддержали многие из присутствовавших, что косвенно осуждало действия П.К. Грана. Тем не менее, А.А. Барок попытался частично оправдать губернатора перед министром внутренних дел, сообщив ему, что в личном объяснении с губернатором Барок помог осознать Грану ошибочность и опасность борьбы с Кабинетом, на которую П.К. Гран решился самостоятельно³⁷.

Рассмотрение депутатского запроса в Томском губернском присутствии открыло новый этап, ставший кульминацией противостояния Кабинета с губернатором. Если в августе В.Б. Фредерикс осторожно обвинил в лице П.К. Грана всю губернскую администрацию, то теперь провокационная позиция В.П. Михайлова при обсуждении думского запроса были использованы управляющим Кабинетом и министром императорского двора для начала активной травли томского губернатора в глазах министра внутренних дел. Уже в октябре 1912 г. глава Кабинета Е.Н. Волков в письме А.А. Макарову привел обвинения против П.К. Грана. Основным стала поддержка губернатором «незаконных домогательств населения» в отношении земель Кабинета. Губернатор обвинялся в поощрении крестьян к жалобам на землеустройство и подаче прошений императору о прирезке земли. Е.Н. Волков увидел в этом нарушение закона, поскольку П.К. Гран сам участвовал в утверждении наделов в Общем присутствии, тем самым, придавая им юридическую силу. Поэтому, провоцируя крестьян к обжалованию наделов внепроцедурным путем, губернатор фактически занял антикабинетскую позицию. История с рассмотрением думского запроса, разрешение читать лекции депутату В. Некрасову с осуждением политики Кабинета стали ярким подтверждением недопустимых действий губернатора и укрепляли уверенность главы Кабинета в том, что «в последнее время томский губернатор Гран занял открыто враждебное положение к Кабинету». В результате Е.Н. Волков пришел к выводу, что сложившееся негативное отношение губернатора к Кабинету парализует все принимаемые ведомством меры, а деятельность губернатора фактически противоречит заявляемой им защите и охране спокойствия, поскольку «затрудняет установление спокойного и

³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 1926. Л. 106 об.

³⁷ Там же. Л. 103 об. – 104 об.

нормального порядка в землеустройстве»³⁸. В свете процитированных в начале документа обязанностей губернатора, А.А. Макаров должен был сделать вывод о несоответствии П.К. Грана должности не только из-за противоречий с Кабинетом, но и по формальному невыполнению своих законных обязанностей.

Более определенно эту позицию высказал В.Б. Фредерикс, обратившийся к А.А. Макарову 22 ноября. Министр двора сосредоточился на общей оценке деятельности П.К. Грана, отметив, что нарушение интересов Кабинета началось с апреля 1912 года. Частично повторив аргументацию Е.Н. Волкова, министр в отличие от него явно хотел свести конфликт только к широкому личному противостоянию. Прежде всего, сам П.К. Гран действовал самостоятельно, а подвергся влиянию главного антикабинетского агитатора А.В. Розанова. Деятельность губернатора вызвала обострение отношений с начальником Алтайского округа, создав ситуацию, когда «два главных представителя административной власти в данной местности в своих взглядах совершенно расходятся». Министр двора В.Б. Фредерикс заявил о невозможности защищать владения Кабинета в сложившихся условиях и фактически поставил А.А. Макарову ультиматум об отставке П.К. Грана: «В случае дальнейшего пребывания Грана во главе Томской администрации, начальник и чины Алтайского округа ... будут поставлены в особо затруднительное положение ... по охранению собственности царствующего государя императора»³⁹. Через неделю В.Б. Фредерикс дополнил атаку на П.К. Грана еще более резким обвинением: «Губернатор, по-видимому, считает себя обязанным благодетельствовать всем группам населения путем поддержки их ходатайств о раздаче земель Кабинета». Но теперь, кроме губернатора, министр двора попросил А.А. Макарова «преподать чинам губернской администрации соответствующие разъяснения»⁴⁰.

Требования В.Б. Фредерикса поставили А.А. Макарова в сложную ситуацию. Поддержав в апреле позицию П.К. Грана, он теперь был фактически вынужден подчиниться главе Министерства двора. К этому времени вопрос об отставке А.А. Макарова был практически уже решен, а сам он, по словам А.В. Бельгарда, «боялся брать что-либо на свою личную ответственность и совершенно не умел выходить из сколько-нибудь необычного положения» [Цит. по: 7, с. 458, 460]. Позже газета «Русское слово» писала, что вопрос об отставке П.К. Грана в конце 1912 г. был фактически решен путем предоставления ему отпуска «по болезни» без обратного возвращения

³⁸ РГИА. Д. 192а. Л. 393, 395 – 395 об.

³⁹ Там же. Д. 192б. Л. 159–160.

⁴⁰ Там же. Д. 192а. Л. 421 об., 425.

из Петербурга в Томск⁴¹. Тем не менее, губернатор попытался оправдать свои действия в ответ на обвинения со стороны Е.Н. Волкова, демонстрируя, что всегда действовал в рамках закона и разрешений МВД, не всегда к тому же успевая за противоречивыми действиями В.П. Михайлова⁴². А.А. Макаров подготовил на основе объяснений П.К. Грана уклончивый ответ Е.Н. Волкову, фактически защищавший губернатора и указывавший, что ведомства должны установить единство и солидарность действий в Алтайском округе⁴³. Данный ответ, составленный в декабре 1912 г., очевидно, не был отправлен адресату, поскольку 16 декабря 1912 г. А.А. Макарова на посту министра сменил Н.А. Маклаков. Однако благодаря этому П.К. Гран остался на посту губернатора⁴⁴.

Новый министр внутренних дел Н.А. Маклаков уже 2 января 1913 г. получил письмо от В.Б. Фредерикса с изложением всей предшествовавшей переписки двух министров и очередным требованием оказать «на местную администрацию самое решительное воздействие». Н.А. Маклаков в ответ наложил жесткую и однозначную резолюцию: «Губернатор принял курс неверный, отношения запутал и население сбил с должного пути неосмотрительностью своих решений. Это надо круто изменить... и сделать это надо не резко, но твердо и решительно»⁴⁵. В этом духе был подготовлен ответ П.К. Грану, в котором Н.А. Маклаков обвинял его в осложнении недовольства населения округа «благодаря недостаточно внимательному и продуманному образу действий». Губернатор обвинялся в том, что вселил в население уверенность в правоте домогательств. Поэтому министр открыто объявил П.К. Грану, что в случае массовых волнений населения на Алтае виновным и ответственным будет признан только он⁴⁶. Это же письмо нового министра объясняло причину сохранения П.К. Грана на посту губернатора: Н.А. Маклаков возложил лично на губернатора установление «мирных и спокойных отношений населения к Кабинету», напомнив при этом, что «все домогательства и выступления крестьян должны быть самым решительным образом прекращаемы»⁴⁷. П.К. Грану оставалось лишь подчиниться, поскольку слова министра означали признание краха предшествовавших усилий губернатора. Уже в марте и апреле 1913 г. П.К. Гран реализовал решения высших властей об отказе дополнительных прирезок земли алтайским крестьянам, причем донесения губернатора выражали полную покорность,

⁴¹ *Отголоски* алтайского землеустройства // Русское слово. 1913. 12 апреля.

⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 409–417.

⁴³ Там же. Д. 192б. Л. 186.

⁴⁴ *Отголоски* алтайского землеустройства // Русское слово. 1913. 12 апреля.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192б. Л. 167, 168 об.

⁴⁶ Там же. Л. 173 – 174 об.

⁴⁷ Там же. Л. 174.

завершившись в итоге сообщением, что «недоразумения ... на почве землеустройства прекращены», а с наступлением пахоты «окончательно установится общее успокоение»⁴⁸. Завершив эту работу, 4 мая 1913 г. П.К. Гран был освобожден от должности томского губернатора [4, с. 194].

Итак, почти двухлетнее пребывание П.К. Грана в должности томского губернатора в целом не характеризовалось постоянным и непримиримым противостоянием деятельности Кабинета в Алтайском округе. Большая часть службы губернатора направлялась стремлением к поддержанию спокойствия в губернии и предотвращению повторения массовых крестьянских волнений, с которого началось его управление Томской губернией. Данная цель преобладала вплоть ноября 1911 г., когда после указаний нового министра внутренних дел А.А. Макарова П.К. Гран начал постепенно склоняться к поддержке населения, при этом никак не выступая против методов земельной политики Кабинета. Возможно, что А.А. Макаров решил использовать деятельность П.К. Грана для возврата кабинетского землеустройства на Алтае в строго законные рамки. Самостоятельная активность губернатора в отношении земель Алтайского округа начала наблюдаться лишь с весны 1912 г., став результатом непонимания с начальником округа В.П. Михайловым в ходе попыток разрешения «мормышанского дела». Кульминация успеха для П.К. Грана наступила после фактической поддержки Советом министров его позиции по мормышанскому вопросу. Поэтому губернатор счел момент удобным для заявления предложений по землеустройству всего населения Алтайского округа в целях урегулирования положения в регионе. Очевидно, П.К. Гран не до конца осознавал, что с этого момента он вступал в противостояние с Кабинетом, сумевшего заручиться однозначной поддержкой императора. Поэтому вся деятельность губернатора в мае 1912 г. стала переломным моментом в пребывании его в должности, а его временный успех не воплотился в попытку пересмотра методов кабинетского землеустройства на Алтае.

Хотя оппозиционная пресса в это время выражала похожие с губернатором взгляды, П.К. Гран в силу своего должностного положения не мог опереться на открытое общественное недовольство алтайской деятельностью Кабинета и поэтому, скорее всего, действовал самостоятельно. Этим с успехом воспользовалось коронное ведомство. Деятельность губернатора явилась для него неожиданным дополнительным дестабилизирующим фактором, однако менее опасным, чем информационная борьба в прессе. По-видимому, отставка ненадежного с точки зрения интересов Кабинета губернатора стала для коронного ведомства очевидным делом времени. Но для П.К. Грана и

⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 1926. Л. 252, 297 об.

министра внутренних дел неизбежность этого обозначилась лишь после думского запроса о закономерности хода алтайского землеустройства и начавшейся травли со стороны Министерства императорского двора. П.К. Гран был обвинен в предвзятом отношении к защите законных интересов Кабинета. Однако отставка губернатора с такой формулировкой не могла стать удобной для Кабинета, поэтому в его руках П.К. Гран с начала 1913 г. вплоть до отставки превратился в послушного исполнителя непопулярных решений.

Деятельность томского губернатора П.К. Грана вряд ли следует рассматривать как последовательную и осознанную антикабинетскую борьбу. Хотя описанные события внешне подтверждают выдвинутый А.Е. Кухаренко тезис о наступлении государства на Кабинет в начале XX в. [10, с. 90, 92], тем не менее, следует признать явную недостаточность подобной характеристики действий томского губернатора. Предотвращая опасность новых крестьянских выступлений, П.К. Гран лишь на короткое время, весной 1912 г., стал самостоятельной фигурой, не получив в дальнейшем последовательной поддержки ни со стороны МВД, ни со стороны Переселенческого управления, ни со стороны депутатов Государственной думы. Деятельность П.К. Грана не привела к попытке объединения всех государственных институтов, противостоявших Кабинету. Наоборот, активность губернатора усилила агрессивность монархии в лице Кабинета и Министерства двора в прямолинейной защите императорских владений на Алтае, в очередной раз продемонстрировав отсутствие гибкости российской монархии. Учитывая, что П.К. Гран выступал лишь за более осторожное и мягкое проведение землеустройства, его отставка стала очередным сомнительным успехом коронного ведомства в череде таких же «достижений» 1912–1913 годов. Тем не менее, во многом неожиданное сопротивление деятельности Кабинета в Алтайском округе со стороны губернатора лишь укрепило и усилило стремление ведомства к скорейшему завершению землеустройства и обретению полной самостоятельности в распоряжении владениями императора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев П.А.* Противодействие «новому курсу» земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в Алтайском округе в начале 1910-х годов // Исторический ежегодник. 2013. Новосибирск, 2013. С. 44–60.
2. *Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н.* Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986.
3. *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. 264 с.

4. *Яковенко А.В., Гахов В.Д.* Томские губернаторы. Томск, 2012. 224 с.
5. *История Алтая*. Ч. I. С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995. 480 с.
6. *Эксплуатация* природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. 260 с.
7. *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Российские прокуроры. М., 1999. С. 447–468.
8. *Афанасьев П.А.* Информационная борьба против земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в журнальной прессе 1911–1912 гг. // Исторический Ежегодник. 2012. Новосибирск, 2012. С. 100–115.
9. *Храмков А.А.* Обсуждение в правительстве царской России землеустроительной политики в Алтайском округе в 1911–1913 гг. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 157–180.
10. *Кухаренко А.Е.* Трансформация экономической политики в Алтайском округе в связи с новым направлением эволюции Кабинета Его Императорского Величества в 1899–1917 гг. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. Барнаул, 2009. С. 87–94.

P.A. AFANASIEV

THE CONFLICT OF INTERESTS BETWEEN THE TOMSK GOVERNOR P.K. GRAN AND THE CABINET OF HIS EMPEROR MAJESTY (1911–1913)

The article is devoted to the studying of activity of the Tomsk governor P.K. Gran in relation the Altai district. P.K. Gran, who governed of the province (gubernia) during the height of the peasant movement, tried to prevent the mass public unrest. In this regard, the Governor was not opposed to policy approach of the Cabinet of His Imperial Majesty in Altai. According to the historical materials the author makes an attempt to show that only on a short time in the spring of 1912, P.K. Gran really became an independent figure. Precisely at this time he put forward the proposals for the land management of the Altai population. The analysis suggests that it led to a protracted confrontation of the Governor with the Cabinet. The author also comes to conclusion that P.K. Gran's careful activity in the Tomsk province only increased aggression of the Cabinet in attempts to protect the Emperor's possession in the Altai district.

Keywords: the Cabinet of His Emperor Majesty, the Altai district, the Tomsk province, organization of land exploitation (zemleustroystvo), P.K. Gran, A.A. Makarov, E.N. Volkov, V.B. Frederix.

УДК 94.359.32

А.П. ПАВЛЕНКО

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КОМАНДНОГО СОСТАВА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
В 1917 Г.**

Уральский федеральный университет
Pavlenko-07@yandex.ru

В исследовании рассматривается политическая деятельность офицеров Черноморского флота в революции 1917 года. В частности, проанализированы политические взгляды офицеров, их участие в работе выборных органов власти, общественных организаций и партий. Сделан вывод о том, что в 1917 г. сформировалась группа активного командного состава, которая в начале революции сумела оказать ощутимое влияние на политическую обстановку на флоте.

Ключевые слова: революция 1917 г., Черноморский флот, офицеры, А.В. Колчак, Учредительное собрание, политические партии.

В вооруженных силах традиционного типа командный состав, как правило, аполитичен, корпоративен, живет узкопрофессиональными интересами и лоялен к существующей власти [1, с. 19–30]. Однако бурные события русской истории начала XX в., и прежде всего, революция 1917 г., серьезно изменили эту картину.

В советской историографии офицерство Черноморского флота в 1917 г. не было объектом специального изучения. Но в ряде работ их политическая деятельность рассматривалась через призму развития революционного движения. Советскими историками морское офицерство традиционно рассматривалось как контрреволюционная сила [2–4].

Академик И.И. Минц отмечал, что существует ряд слабо исследованных тем в изучении 1917 года. Научный совет Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской Социалистической Революции» составил список таких вопросов и предложил сосредоточить усилия историков на них. В их числе были указаны: «Состав и эволюция офицерского корпуса русской армии в 1914–1917 гг.», «Офицерские организации в Вооруженных силах России в 1917–1918 гг.» [5, с. 18–20]. Но до начала перестройки эти темы так и оставались на периферии исследовательского интереса.

В современной историографии, напротив, офицерский корпус находится в центре внимания историков. Среди черноморцев наибольший интерес авторов вызывает личность А.В. Колчака – командующего Черноморским флотом в 1917 г [6–9]. Однако масштабная фигура будущего лидера Белого движения закрывает от взгляда исследователей политическую деятельность других представителей командного состава. Только в небольшом числе работ рассматривается общественная активность отдельных офицеров Черноморского флота [10–13].

Наше исследование базируется на комплексе источников разного видового происхождения. Прежде всего, это архивные делопроизводственные документы, содержащие информацию о деятельности Севастопольского совета, штаба командующего Черноморским флотом, общественных организаций, выборах в Учредительное собрание, а также опубликованные материалы допроса А.В. Колчака в 1920 г. в Иркутске. Большую роль в нашей работе сыграли источники личного происхождения. Воспоминания и дневники отличаются субъективностью и требуют очень осторожного обращения с содержащимися в них данными. Но зачастую именно они позволяют судить о личных взглядах их авторов. Также была привлечена периодическая печать Севастополя и Новороссийска, в которой нашла отражение общественно-политическая обстановка в этих базах флота.

Начавшаяся в феврале 1917 г. революция на Черноморском флоте прошла относительно спокойно. Взгляды командного состава на произошедшие события прослеживаются по многочисленным источникам разного происхождения.

23 марта 1917 г. в докладе капитана первого ранга М.И. Смирнова вице-адмиралу А.В. Колчаку отмечалось, что после бесед со строевыми офицерами он пришел к заключению: «до сего времени не все даже отдают себе ясный отчет, кто является у нас в настоящий момент Верховным правительством». Говоря о политических знаниях командиров, докладчик отмечал, что они в большинстве «не знакомы с сущностью государственного устройства»¹.

Согласно мемуарам прапорщика В.К. Жукова, 5 марта 1917 г. начальник штаба флота контр-адмирал С.С. Погуляев в беседе с делегацией Севастопольской городской думы на вопрос о своем взгляде на революцию ответил, «что он – строевой офицер и политикой не занимается, но достаточно и того, что всё офицерство признало новое правительство и подчиняется его распоряжениям»².

Эмигрант-монархист, полковник С.Н. Сомов в неопубликованных воспоминаниях так охарактеризовал позицию черноморского командного состава в начале революции: «Во имя спасения России пренебречь личными симпа-

¹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1238. Л. 3, 5.

² Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1931. С. 24.

тиями и всеми силами поддержать авторитет Временного правительства, а также доверие к нему солдатских масс». Однако в апреле 1917 г. среди сухопутных офицеров Севастопольской крепости, по мнению мемуариста, настроения изменились: «Офицерству уже надоела революция и весь последовавший за нею сумбур и неразбериха». В их среде «начала зарождаться мысль, что при сложившихся условиях служба при Временном правительстве является соучастием в преступлении развала России»³.

В 1920 г. на допросе адмирал А.В. Колчак показал, что приветствовал революцию 1917 г., как возможность для подъема энтузиазма в народе и армии, чтобы довести Первую мировую войну до победы. Перед революцией стало ясно, что существующий режим завершить войну победой не сможет и должны произойти изменения⁴. Однако к информации судебно-следственных документов необходимо подходить критично, сопоставляя её с другими данными. В первой половине марта 1917 г. в черновиках частных писем к А.В. Тимиревой командующий Черноморским флотом без всякого восторга характеризовал сложившуюся в Севастополе обстановку⁵. А.В. Колчак был кадровым военным, милитаристом, воспевавшим войну. Он рассматривал доведение мировой войны до победы выше политических вопросов. Революция же вела к разложению вооруженных сил.

Согласно стенограмме допроса, вице-адмирал в начале 1917 г. «считал необходимым поддерживать Временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала, и как военный, я считал нужным поддерживать ее всеми силами»⁶. В протоколе допроса записана следующая заслуживающая пристального внимания фраза: «Полагая, что вновь образовавшаяся власть носит временный характер, я считал, что новый государственный строй должен быть установлен каким-либо учредительным органом, Учредительным собранием или Земским собором...; считал, что монархия восстановлена не будет, что установлен строй республиканский, и такой строй считал приемлемым и наиболее соответствующим создавшейся обстановке»⁷. Можно предположить, что А.В. Колчаку, всю жизнь служившего императору, было непросто прийти к этому умозаключению.

Полковник Н.Н. Кришевский в мемуарах характеризовал свои взгляды

³ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1. Л. 169, 199–200.

⁴ *Допрос* Колчака. Л., 1925. С. 44.

⁵ *Письма* А.В. Колчака к А.В. Тимиревой // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996. С. 156–158, 160–161.

⁶ *Допрос* Колчака. С. 45.

⁷ *Подлинные протоколы допросов* А.В. Колчака и А.В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 97.

ды до 1917 г. как монархические⁸. В начале марта 1917 г. этот офицер, служил в Евпатории в седьмом полку Черноморской дивизии. Когда стало известно о приходе к власти Временного правительства, он подумал: «что всё это временно, что монархия не умрет, ибо это понятие не фиксировалось в наших головах». Однако, по признанию Н.Н. Кришевского, «мы в этот момент искренне переживали веру в народ и Вр. правительство». В день, когда стало известно о победе революции, была радость, единение нижних чинов, командиров, гражданских жителей Евпатории. Но «всё это счастье продолжалось всего лишь несколько часов», до конфликта между мемуаристом и солдатами в тот же день⁹.

М.И. Смирнов писал в воспоминаниях: «Психология морских офицеров в это время [март 1917 г.] может быть обрисована следующим образом. Офицеры присягали и служили царю и отечеству. Царь отрекся от престола и повелел служить новому правительству. Царя больше не было, но оставалось отечество. Большинство офицеров флота считало, что без царя отечество погибнет. Что оставалось делать? Могло быть два решения: одно – оставить свои корабли и должности и уйти... Другое решение – оставаться и во имя родины исполнять служебный долг – противодействовать агитации и стараться влиять на команду, несмотря на сознание безнадежности этого»¹⁰.

Очень негативное отношение к начавшейся революции в мемуарах высказал подводник капитан второго ранга Н.А. Монастырев, главным образом в связи с развалом дисциплины. Отрицательно характеризует он и Временное правительство. Свое состояние от получения первых известий об отречении от престола Николая II и перехода власти к Временному правительству и Петроградскому совету офицер изложил так: «От этих известий заныло сердце и загудела голова. Я растерялся, не веря своим ушам, надеясь, что кто-нибудь появится и опровергнет всё это, как абсурдный слух»¹¹.

Согласно дневниковым записям, сложные чувства весной 1917 г. испытывал начальник штаба Черноморской дивизии подполковник А.И. Веховской. С одной стороны, он приветствовал произошедшую революцию как возможность развития для страны и народа, с другой стороны – опасался наступления развала и анархии¹². В мемуарах, написанных при советской власти, акцент расставлен по-другому. А.И. Верховский подчеркивает

⁸ Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 гг.) // Архив Русской Революции. М., 1992. Т. 13. С. 78.

⁹ Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 гг.). С. 78–82.

¹⁰ Смирнов М.И. Адмирал А.В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 81–82.

¹¹ Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 82–83.

¹² Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 32–42.

позитивное отношение к происходящим в марте 1917 г. событиям и только несколько строк посвящает своей тревоге о боеспособности армии¹³.

При анализе воспоминаний необходимо учитывать, что в них могут отражаться не мысли авторов в момент описываемых событий, а рефлексия во время написания источника. Иногда мысли человека о каком-либо историческом факте, выраженные в мемуарах, расходятся с тем, что он делал во время описываемого события и как его поступки оценивали другие лица. Начальник штаба Севастопольской крепости генерал-майор Ф.П. Рерберг в воспоминаниях очень критично отзывается о революции¹⁴. Но современники давали ему в 1917 г. другие оценки. А.И. Верховский писал, что Ф.П. Рерберг «с первого часа искренне приветствовал революцию»¹⁵. Об отношении к генерал-майору со стороны демократических органов и подчиненных свидетельствует следующий факт. В октябре 1917 г., когда появилась информация об отстранении офицера от должности, Севастопольский совет, Городская дума и части гарнизона просили оставить его на месте¹⁶.

Существуют два архивных рукописных документа, вышедших из-под пера капитана второго ранга В.В. Николя 9 марта 1917 года. Это обращение к командному составу флота и текст заявления, которое, по замыслу автора, офицеры-черноморцы должны были произнести перед матросами.

Капитан второго ранга начинает свое обращение к офицерам с того, что предлагает им «в эти великие дни» «говорить и действовать, надо говорить с командой, нам надо словом и делом удерживать команду на правильном пути и сворачивать ее с дорог, ведущих к опасности». Необходимо создать новую прочную дисциплину «на взаимном уважении и доверии», а не на «страхе». В источнике много места отводится призыву отказаться от брани в адрес подчиненных, словам о необходимости понять матроса, завоевать доверие команды. Для последнего офицерам нужно сознаться в своих ошибках, «может и невольных, не зависевших от нас, а созданных прежним временем, являвшимся пережитком крепостного права»¹⁷.

Второй документ состоит из нескольких пунктов. В первом было заявлено, что командный состав проникнут сознанием долга довести Первую мировую войну до победы. Второй раздел имеет большое политическое значение – он гласит о признании офицерами новой власти и о готовности принять решение Учредительного собрания о выборе государственного строя¹⁸.

¹³ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 165–169.

¹⁴ Рерберг Ф.П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 56–57; № 12. С. 59–64.

¹⁵ Верховский А.И. На трудном перевале. С. 188.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 154 об.

¹⁷ Там же. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 73. Л. 129–130.

¹⁸ Там же. Л. 332.

Третий пункт был связан с вопросом о мерах наказания, применявшихся к матросам. В.В. Николая предлагает формулировку: «...офицеры Черноморского флота признают, что было немало ненормальностей в прежних взаимоотношениях своих с командой, явившихся результатом несовершенства прежнего режима и непрочности основ былой дисциплины, допускавшей подъем произвола и применение некоторыми офицерами мер (наказания), иногда унижавших человеческое достоинство...». К ним отнесено рукоприкладство, грубая брань, чрезмерное лишение права съезда с корабля на берег, постановка «под винтовку»¹⁹. В условиях революции проблема отношений нижних чинов и командиров требовала какого-то решения и В.В. Николая предложил свой «рецепт».

Четвертый и пятый разделы гласят о том, что офицерам нужно признать, что некоторые из них слишком далеко стояли от интересов команды. Они должны заявить о том, что осуждают поступки некоторых своих товарищей, и обратиться к команде с призывом забыть прошлое, объединиться с офицерами и на основе полного взаимного доверия и уважения основать разумную несокрушимую дисциплину²⁰. Призывы к единению личного состава были очень характерны для Черноморского флота в начале революции.

При написании данных документов В.В. Николая ставил цель нормализовать отношения офицеров и нижних чинов, тем самым, сохранив боеспособность Черноморского флота для продолжения войны. Оба этих источника так и остались рукописными черновиками. Они отражают возвышенно-восторженное ожидание автором позитивных перемен, демократизм и гуманизм. Последующие события показали иллюзорность многого из того, о чем он писал.

Для поддержания организованности личного состава и боеспособности флота капитан первого ранга М.И. Смирнов задумался об установлении единомыслия в офицерской среде. В его докладе командующему флотом А.В. Колчаку от 23 марта 1917 г. предлагался комплекс мер для организации офицеров путем установления на них влияния вышестоящих начальников. Единство мысли командиров должно было быть обеспечено благодаря внедрению в сознание каждого из них ряда идей. Во-первых, о сути военной дисциплины, «при которой всякое приказание начальника, в пределах, представленных законом, должно быть беспрекословно исполнено подчиненным». Во-вторых, о сущности государственного устройства России. В-третьих, об обязанности повиноваться только Временному правительству, и назначенным им властям, а не какой-либо иной организации или партии. В-четвертых, о необходимости для офицеров «своим примером и ин-

¹⁹ РГАВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 73. Л. 332 – 332 об.

²⁰ Там же. Л. 332 об. – 333.

теллектуальным развитием влиять на команду и путем бесед и лекций внедрять» в сознание подчиненных необходимые знания и понятия²¹.

В 1917 г. начинается активная политическая деятельность вице-адмирала А.В. Колчака. Благодаря гибким действиям командующего, на Черноморском флоте в первые месяцы революции была относительная стабильность, экипажи кораблей сохраняли дисциплину и боеспособность. Это привело к росту политического авторитета А.В. Колчака в России [14, с. 119–133]. Летом 1917 г., после его ухода с должности командующего флотом, на вице-адмирала делали ставку консервативные силы (потенциальный кандидат на роль военного диктатора) [15, с. 29].

В течение 1917 г. в вооруженных силах активно действовали политические партии. Среди тех сил, которые взаимодействовали с офицерским составом, была Партия народной свободы (кадеты). Они выступали за сохранение основ традиционной армии и продолжение Первой мировой войны до победного окончания. При ЦК партии была создана военная комиссия, проводившая политику кадетов в вооруженных силах. Она занималась распространением агитационных материалов, формировала в воинских частях партийные группы, сотрудничала с военной элитой, осуществляла идейное руководство офицерскими организациями [16, с. 25–26]. Не был исключением и Черноморский флот. В Севастополе функционировала военная секция местного комитета партии кадетов, возглавлял которую в октябре 1917 г. капитан второго ранга В.П. Родзянко²².

В середине июля 1917 г. на выборах в Севастопольскую городскую думу в списке кандидатов в гласные от кадетов из 22 мест семь были отданы командному составу Черноморского флота. Морские офицеры были представлены капитаном первого ранга М.М. Римским-Корсаковым, подполковником П.В. Маловым и поручиком И.А. Парсенюком. Трое кандидатов являлись военными врачами (В.В. Владимиров, М.М. Костров, А.З. Лемперт), один – военно-морской чиновник (А.И. Суматчиков)²³.

Исследователь В.И. Королев определял партийную принадлежность командующего флотом А.В. Колчака как кадета [17, с. 4], однако вице-адмирал на протяжении всей своей жизни был беспартийным.

Партия социалистов-революционеров в вооруженных силах, по мнению исследователя М.В. Загоруйко, заметные усилия направляла на привлечение на свою сторону младших офицеров. Кроме партийных организаций в рядах вооруженных сил, эсеры активно использовали военные отделы советов, в которых они нередко доминировали [16, с. 25–26].

²¹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1238. Л. 3–4.

²² Там же. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 13. Л. 75.

²³ *Крымский вестник*. 1917. 25 июля. № 171.

В числе черноморских офицеров – членов ПСР выделялся ряд лиц, которые занимались активной общественно-политической деятельностью. Среди них прапорщик И.П. Широкий – член Севастопольского Центрального военного исполнительного комитета и местного Совета первого созыва²⁴, председатель Севастопольской городской думы [12, с. 77]. Прапорщик К.В. Сафонов возглавлял Севастопольский совет первого и второго созывов²⁵. В Одессе, по воспоминаниям Г.П. Ачканова, к эсерам примыкал председатель Совета солдатских и офицерских депутатов капитан первого ранга А.В. Зарудный²⁶. Но среди лидеров крупных черноморских организаций ПСР офицеров не было.

В августе 1917 г. в городскую думу Николаева социалисты-революционеры провели ряд офицеров: инженер-механика капитана второго ранга А.А. Брилинского, лейтенанта Г.Ф. Дудкина, инженер-механика мичмана Ф.И. Гиля, поручика армии П.А. Флоренсова, прапорщиков ополчения С.Г. Терешенко и И.И. Иванова²⁷.

Полковник Н.Н. Кришевский вспоминал, что в Севастополе весной 1917 г. среди офицеров армии и флота появились симпатии к эсерам в связи с их идеей оборончества, призывами «не к разрушению, а к созиданию». Судя по описанию мемуаристом деятельности этой партии, можно предположить, что в тот момент он ей тоже симпатизировал. Но в массе, по признанию полковника, офицеры оставались аполитичными и беспартийными²⁸.

Севастопольские социал-демократы (меньшевики), по воспоминаниям их однопартийца Н.А. Борисова, имели влияние в основном на рабочих, и лидеры были в основном из этой же среды. Но «на крайне левом фланге» местной организации находился начальник Качинской воздухоплавательной школы капитан К.М. Богдановский²⁹. В Николаеве меньшевик поручик Я.П. Ряпоп возглавлял местный совет и был гласным городской думы³⁰. В целом, можно сказать, что влияние идей меньшевиков на черноморских офицеров было незначительным.

Социал-демократы (большевики) в течение 1917 г. имели в командном составе Черноморского флота единичных представителей. Например, пра-

²⁴ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 38 об, 40; *Крымский вестник*. 1917. 9 марта. № 62.

²⁵ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 38; *Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов*. 1917. 13 июля. № 46.

²⁶ *Ачканов Г.* От Февраля к Октябрю // *Октябрь на Одешине*. 1917–1927. Одесса, 1927. С. 6.

²⁷ *Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов*. 1917. 18 августа. № 89; 27 августа. № 97.

²⁸ *Кришевский Н.* В Крыму (1916–1918 гг.). С. 89–90.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 795. Л. 10 об. – 11.

³⁰ *Трудовая газета*. 1917. 16 марта. № 2379; *Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов*. 1917. 18 августа. № 89; 27 августа. № 97.

порщика К.Я. Зедина – участника революционного движения с 1903 г., попавшего на флот по мобилизации во время войны [18, с. 448–449].

Офицеры-черноморцы были представлены в выборных органах власти в военно-морских базах и крепостях в 1917 – начале 1918 годов. Всего в ходе исследования было выявлено 132 представителя командного состава (большой частью в составе Советов, а также в городских думах и комитетах общественной безопасности). В их числе были не только офицеры военного времени, имевшие другую психологию и жизненный опыт, чем профессиональные военные, но и сопоставимое количество кадровых офицеров, преимущественно молодых. В Советах командный состав был в меньшинстве, однако он сумел занять важные руководящие должности, особенно весной – летом 1917 года. Эти офицеры, как правило, играли конструктивную роль, налаживая отношения выборных органов с командованием, борясь с разложением флота, «окультуривая» процесс революционных изменений, поднимая авторитет командиров в глазах матросов и солдат [19].

В 1917 г. на Черноморском флоте формируется несколько национальных организаций. Самой мощной из них была Черноморская украинская громада, в силу того, что удельный вес матросов-малороссов являлся очень большим. Эта организация примыкала к группе украинских автономистов-федералистов и в качестве фракции включала в себя партию украинских социалистов-революционеров (УПСР)³¹. Громада была проводником политики Украинской центральной рады (УЦР), находившейся в Киеве³². По воспоминаниям вольноопределяющегося М. Михайлика, в Севастополе в конце марта – начале апреля прошли организационные мероприятия, была избрана рада (совет) громады из 24 членов, принят устав. В состав рады вошли подполковник по Адмиралтейству В.А. Савченко-Бельский, штабс-капитан корпуса корабельных инженеров Н.К. Неклиевич, подполковник военно-морского судебного ведомства В.М. Богомолец и зауряд-врач А.Ю. Сакович³³.

Громада выступала за украинизацию Черноморского флота – переход кораблей и частей под юрисдикцию киевской УЦР, которая сначала выступала за автономизацию Украины в составе России, а затем – за независимость.

Следует отметить, что у основания организации стояли люди, которые еще до революции были членами севастопольского нелегального культурно-просветительского кружка «Кобзар». Среди них были вышеупомянутые В.А. Савченко-Бельский и Н.К. Неклиевич [20, с. 199]. Первый из них

³¹ *Крымский вестник*. 1917. 1 июля. № 151.

³² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 951. Л. 30.

³³ *Михайлик М.* Український національний рух у Криму в 1917 році. Недокінчений рукопис бл. пам'яті поручика М.М. // *Хроніка-2000*. Вип. 34. URL: <http://ukrlife.org/main/prosvita/moving.htm> (дата обращения 15.06.2014).

командовал в 1917 г. Севастопольским флотским полужкипажем, и, используя служебное положение, проводил политику украинизации этой части [21].

Были предприняты попытки украинизации отдельных кораблей, прежде всего, крейсера «Память Меркурия», который поднял украинский флаг 12 ноября 1917 года. Часть команды (великороссы) заявила о своем несогласии с этим и 13 ноября покинула корабль³⁴. Офицеры, ушедшие с этого корабля, получили другие назначения³⁵. Командование флотом пошло навстречу малороссам, 16 ноября назначив специальную комиссию для передачи имущества крейсера комиссару УЦР Е.Н. Акимову³⁶, фактически признав свершившийся факт.

Назначение офицеров, поддерживавших украинизацию, на крейсер на освободившиеся должности, прекрасно иллюстрирует возможности быстрого карьерного роста в условиях революции. К исполнению обязанностей командира крейсера был допущен мичман Дьяченко, ст. офицером корабля стал мичман А. Сенковский, артиллерийским офицером – мичман Чернецкий, штурманским офицером – мичман Степанов, минным офицером – прапорщик Петренко³⁷.

Украинским воинским генеральным комитетом (Киев) в качестве представителя в штаб командующего Черноморским флотом 12 октября 1917 г. был командирован капитан второго ранга Е.Н. Акимов³⁸. Командующий контр-адмирал А.В. Немитц оказался в непростых условиях – на российский флот, подчиняющийся центральному правительству, сепаратисты назначают своего комиссара. Однако «из-за обострения и осложнения украинского вопроса в Черноморском флоте» А.В. Немитц был вынужден официально признать это назначение³⁹, 7 ноября оповестив об этом приказом, отметив, что в вопросах, требующих посредничества между малороссами и учреждениями флота, можно обращаться к Е.Н. Акимову⁴⁰.

Безусловным лидером севастопольского украинского движения стал член УПСР подручник армии К.П. Величко. Революцию он встретил в Саратове прапорщиком запасного полка, сразу же активно включившись в общественно-политическую деятельность. Офицер был избран членом ротного и полкового комитетов, председателем оргкомитета местного Совета солдатских и офицерских депутатов, членом Саратовского совета солдатских и

³⁴ *Військово-морське будівництво* в Україні у ХХ ст. Зб. док. Севастополь, 2013. С. 40–42, 55.

³⁵ *Научно-справочная библиотека* РГАВМФ. Приказы командующего ЧФ. 1917 г. Ч. 6. № 4738, 4761, 4783, 4805.

³⁶ Там же. № 4746.

³⁷ Там же. № 4804, 4871.

³⁸ Там же. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 108.

³⁹ *Військово-морське будівництво...* С. 30.

⁴⁰ *Научно-справочная библиотека* РГАВМФ. Приказы командующего ЧФ. 1917 г. Ч. 6. № 4644.

рабочих депутатов. В мае 1917 г. К.П. Величко был делегирован на всеукраинский Войсковой съезд, на котором стал членом Совета войсковых депутатов⁴¹. В июне он был направлен в Севастополь от Центральной рады (был кооптирован в ее состав) [13, с. 174]. В.К. Жуков в мемуарах охарактеризовал К.П. Величко как яркого представителя украинского национального движения и талантливого оратора⁴².

При просмотре источников и исследовательских работ всего на данный момент было выявлено 22 офицера и врача Черноморского флота (не считая Акимова и Величко), которые принимали участие в украинском национальном движении в разных базах флота. Поэтому нельзя сказать, что среди черноморских офицеров-малороссов оно имело большое число сторонников.

На Черноморском флоте были созданы другие национальные организации, которых, однако, по масштабам деятельности нельзя сравнить с украинцами. Наиболее широко пыталось развернуться «Великорусское вече». Старшиной организации был ст. офицер линкора «Георгий Победоносец» лейтенант А.М. Шестаков, в состав руководства входили несколько офицеров. По данным мемуаров В.К. Жукова, «Великорусское вече» просуществовало около двух месяцев и распалось в результате решительной кампании, проведенной против него большевиками, анархистами и интернационалистами⁴³.

Несколько представителей командного состава Черноморского флота состояли в польских национальных организациях. Инженер-механик капитан второго ранга В.К. Моргулевец в июле 1917 г. был вице-председателем Союза военных поляков (в Севастополе)⁴⁴. Инженер-механик капитан первого ранга Ф.К. Бобровский стал единственным гласным, избранным от польского движения в гордому Севастополя⁴⁵. Лейтенант С.И. Рымшевич 18 ноября 1917 г. был назначен представителем Главного военно-исполнительного комитета по формированию польских воинских частей в Причерноморье⁴⁶. Мичман К. Таубе в феврале «поступил в распоряжение» Союза военнослужащих поляков г. Елизаветграда⁴⁷.

Попытка сформировать на Черном море профессиональную офицерскую организацию для защиты единства и интересов корпорации, поддержания боеспособности флота, имела ограниченный успех. В апреле 1917 г. был создан Союз офицеров Черноморского флота, просуществовавший как мини-

⁴¹ *Известия* Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 20 октября. № 127.

⁴² Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 87.

⁴³ Там же. С. 88–89.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 931. Л. 16.

⁴⁵ *Известия* Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 26 июля. № 57.

⁴⁶ *Научно-справочная библиотека* РГАВМФ. Приказы командующего ЧФ. 1917 г. Ч. 6. № 4785.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 8А. Л. 192 – 192 об.

мум до октября⁴⁸. Возглавил его капитан первого ранга А.В. Немитц. Союз занимал консервативные позиции (но не контрреволюционные), отстаивая традиционные принципы организации вооруженных сил⁴⁹. В тоже время он признавал республиканский строй наиболее подходящим типом государственного устройства. Наткнувшись на сильное противодействие со стороны нижних чинов, Союз офицеров широко развернуться так и не сумел. Нельзя сказать, что его деятельность оказывала сильное влияние на общественную жизнь Черноморского флота, организовать эффективное объединение командного состава так и не удалось.

7 мая 1917 г. в Ставке Верховного главнокомандующего в г. Могилеве открылся всероссийский Съезд офицеров армии и флота. На нем присутствовали четыре делегата от Черного моря: капитан второго ранга М.А. Кितिцын (избран товарищем председателя съезда⁵⁰), ст. лейтенант Н.Д. Каллистов, лейтенант Б.В. Неаронов, полковник Кравчук⁵¹.

Одним из итогов работы съезда было принятие 21 мая решения о создании общероссийского Союза офицеров армии и флота⁵². Принятый в тот же день устав Союза гласил, что это профессиональная организация, созданная для объединения командного состава и работы по укреплению боевой мощи армии, не имеющая «никакой политической платформы» и не преследующая «никаких политических целей»⁵³. Последние слова оказались декларацией, так как Главный комитет союза офицеров в итоге занялся подготовкой к установлению военной диктатуры, взаимодействуя в этом вопросе с рядом высших военачальников, включая генерала Л.Г. Корнилова. А.И. Деникин писал, что «с первых же дней существования комитета в составе его образовался тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета» [15, с. 28–29]. В Главный комитет входили два черноморца – капитан второго ранга М.А. Кितिцын и капитан первого ранга В.И. Лебедев [22, с. 222–223].

После выступления 25 апреля 1917 г. командующего флотом вице-адмирала А.В. Колчака перед севастопольскими моряками с патриотической речью была оперативно организована посылка Черноморской делегации на фронты, в Москву и Петроград для агитации за продолжение войны. 28 апреля 1917 г. Центральный исполнительный комитет Севастопольского совета утвердил результаты выборов в депутацию. В неё вошли 28 офицеров, 14 кондукторов, 78 матросов, 41 солдат, 23 рабочих.

⁴⁸ РГАВМФ. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 99. Последнее упоминание в источнике датируется 21 октября 1917 г.

⁴⁹ *Известия* Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 28 июня. № 36.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 5. Л. 2.

⁵¹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 930. Л. 42.

⁵² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 5. Л. 18.

⁵³ Там же. Д. 1. Л. 1.

От ЦИК Совета ее дополнили 6 чел., в том числе лейтенанты Б.К. Писемский и Е.В. Ромушкевич⁵⁴. В руководство входили прапорщики Иткин и Маховский⁵⁵.

Известность приобрели выступления членов делегации в московской городской думе 2 мая 1917 года. Лейтенант К.Г. Люби на этом собрании говорил о необходимости сохранения дисциплины, единения личного состава, выполнения приказов командиров подчиненными⁵⁶.

В течение 1917 г. большое внимание общества привлекала идея созыва Учредительного собрания. В соответствии с положением о выборах был образован специальный Черноморский флотский избирательный округ, в который вошли команды кораблей и береговых частей, служащие и рабочие учреждений флота⁵⁷.

В компании по выборам в Учредительное собрание приняли активное участие представители командного состава Черноморского флота. Первым номером в числе кандидатов был зарегистрирован подпоручик К.П. Величко, выдвинутый от партии украинских эсеров⁵⁸.

Черноморские офицеры попробовали выставить своих кандидатов. Первоначально это был контр-адмирал Л.Л. Иванов. 16 октября 1917 г. в Окружную комиссию по выборам были предоставлены необходимые документы, и на следующий день его кандидатура прошла регистрацию⁵⁹. За выдвижение контр-адмирала поставили подписи 126 чел., из них 114 офицеров, 8 врачей, 1 военно-морской чиновник и 1 штурман торгового флота⁶⁰. Налицо имела место корпоративная поддержка командным составом своего выдвиженца в Учредительное собрание.

Однако появился новый кандидат, пользующийся огромным авторитетом в среде офицеров – А.В. Колчак, находящийся за рубежом во главе военно-морской миссии. Его выдвинула Партия народной свободы. Кандидатура контр-адмирала Л.Л. Иванова была снята по заявлению его представителя в непосредственной связи с выдвижением А.В. Колчака⁶¹. Свои подписи в поддержку А.В. Колчака поставило 200 чел., из них

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 60 – 60 об.

⁵⁵ *Военно-исторический музей* ЧФ. Инв. № 6956. Приказ № 3514; РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 46.

⁵⁶ *Речи* представителей Черноморского флота, произнесенные в собрании Московской городской думы 2 мая 1917 г. М., 1917. С. 3–4.

⁵⁷ *Положение* о выборах в Учредительное собрание // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 181.

⁵⁸ *Крымский вестник*. 1917. 25 октября. № 247.

⁵⁹ РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁶⁰ Подсчитано по: Там же. Д. 13. Л. 116 – 117 об., 171 – 173 об. (Два человека были пропущены делопроизводителем на эсминце «Дерзкий» при снятии копии, предоставленной в комиссию).

⁶¹ Там же. Л. 123.

180 офицеров, 15 врачей, 2 гардемарина, по одному охотнику флота, чиновнику и судовому священнику⁶².

В связи с формальным несоответствием предоставленных документов Положению о выборах, кандидатура А.В. Колчака была снята 31 октября 1917 г.⁶³, то есть за день до начала голосования по Черноморскому флотскому округу. Кандидат кадетов был зарегистрирован на основании двух телеграмм, которые затем были признаны несоответствующими закону о выборах⁶⁴. Требовалось личное заявление кандидата в письменном или телеграфном виде, а вместо этого сообщалось, что у партии кадетов имеется согласие А.В. Колчака баллотироваться⁶⁵. Затем пришла телеграмма адмирала из США, отвечающая всем требованиям, но полученная с опозданием на полтора дня⁶⁶ (23 октября 1917 г. в 12 часов дня, а крайний срок подачи исправленных документов истек 21 числа). Кадеты не согласились со снятием А.В. Колчака, и продолжили агитацию, призывая голосовать за него⁶⁷. Результаты выборов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Итоги выборов в Учредительное собрание
по Черноморскому флотскому округу*

№	ФИО кандидата	Организация, выдвинувшая кандидата	Голоса, %
1	И.И. Фундаминский-Бунаков	Партия эсеров	39,7%
2	К.П. Величко	Партия украинских эсеров	23,0%
3	Н.И. Островская	Партия большевиков	19,2%
4	М.Н. Ермолин	Центральный комитет Черноморского флота и Севастопольский отдел союза моряков и речников	8,5%
5	Н.Л. Конторович	Партия меньшевиков	3,5%
Недействительные голоса			6,1%
Из них за А.В. Колчака (партия кадетов)			3,5%

* Составлено по: РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 об, Д. 2. Л. 10 об.

Таким образом, большинство офицеров Черноморского флота и береговых гарнизонов к началу революционных событий были аполитичными,

⁶² Подсчитано по: РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 13. Л. 72 – 74 об, 84–87.

⁶³ Там же. Д. 1. Л. 20 об. – 21.

⁶⁴ Там же. Д. 13. Л. 95.

⁶⁵ Там же. Л. 75, 91.

⁶⁶ Там же. Л. 92.

⁶⁷ РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Д. 13. Л. 111А; *Крымский Вестник*. 1917. 3–5 ноября. № 255–257.

слабо разбирались в общественно-политических вопросах. Они были готовы принять происходящие изменения, признать новое правительство, руководствуясь соображениями служебного долга. Часть командного состава в начале революции испытывали надежду на обновление страны, другая – справедливо опасалась, что внутренние потрясения погубят вооруженные силы и приведут к проигрышу в мировой войне.

Общая тенденция 1917 г. – активизация общественно-политической жизни – распространилась и на офицерский корпус Черноморского флота. Сформировалась группа общественно активного командного состава, который в начале революции сумел оказать заметное влияние на политическую обстановку на флоте. В то же время в составе партий и национальных движений находилась лишь небольшая часть командиров. Факторами, ограничивающими втягивание офицеров в общественную жизнь, были традиционная аполитичность, отсутствие или недостаток знаний в этой сфере (у них было хорошее военно-техническое, а не политической образование), несоответствие программ многих партий взглядам офицеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Назаренко К.Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. 488 с.
2. *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971. 488 с.
3. *Сирченко И.Т.* Выполняя приказ В.И. Ленина... (потопление Черноморского флота в 1918 г.). М., 1979. 280 с.
4. *Дещинский Л.Е.* Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. Львов, 1982. 256 с.
5. *Минц И.И.* Великий Октябрь – поворотный пункт в истории человечества (некоторые итоги и задачи изучения проблемы) // История СССР. 1975. № 6. С. 3–21.
6. *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. 702 с.
7. *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. 637 с.
8. *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. 538 с.
9. *Смолин А.В.* Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. 200 с.
10. *Шишкин В.И.* «С уходом А.В. Колчака закрылась последняя светлая страница истории Черноморского флота». Воспоминания Р.Р. Левговда. 1919 г. // Исторический архив. 2008. № 5. С. 126–160.

11. *Крестьянников В.В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 177–199.

12. *Потемкин Е.Л.* Социалисты-революционеры Таврической губернии в 1917–1918 годах. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 172 с.

13. *Крестьянников В.В.* Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 171–177.

14. *Павленко А.П.* Политическая деятельность вице-адмирала А.В. Колчака (февраль – июнь 1917) // Известия Уральского федерального университета. 2013. Сер. 2. № 3 (117). С. 119–133.

15. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. 376 с.

16. *Загоруйко М.В.* Российское офицерство в 1917 году (февраль – октябрь). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 30 с.

17. *Королев В.И.* Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). Симферополь, 1994. 38 с.

18. *Толстов И., Столяренко М.* Зедин Карл Янович // Герои Октября. Т. 1. Л., 1967. С. 448–450.

19. *Павленко А.П.* Офицеры Черноморского флота в органах власти в 1917 г. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 98–112.

20. *Проданюк Ф.* Будівництво Українського флоту в добу Центральної Ради // Українська Центральна Рада: поступ націєтворення та державобудівництва. Київ, 2002. С. 199–209.

21. *Савченко Г.* Український Рух у гарнізонах російської армії Кримського півострова у 1917 році // Крим в історичних реаліях України. Київ, 2004. URL: http://ukrlife.org/main/uacrim/conf_gux1917.htm (дата обращения 15.06.2014).

22. *Копылов Н.А.* «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 238 с.

A.P PAVLENKO

**THE SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF THE BLACK SEA
FLEET'S COMMAND PERSONNEL IN 1917.**

The paper deals with the political activities of the Black Sea Fleet's officers during the Revolution of 1917. In particular, the analysis of the political views of the officers and their participation in activity of the elected authorities, public organizations and parties is made. The author comes to conclusion that the group of an active command staff was formed in 1917, which had a significant impact upon the political situation in the fleet at the beginning of the Revolution.

Keywords: Revolution of 1917, the Black Sea Fleet, officers, A.V. Kolchak, the Constituent Assembly, the political parties.

УДК 930 + 929 + 93

К.В. ХАЛОША

**В.М. ЧЕРНОВ НА ПОСТУ МИНИСТРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ:
ТРИУМФ ИЛИ ТРАГЕДИЯ (В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТ
А. ТРАПЕЗНИКА И С.Б. СОССИНСКОГО).**

Омский государственный университет
E-mail: ksenya_khalosha@mail.ru

В статье рассматривается деятельность лидера партии социалистов-революционеров В.М. Чернова на посту министра земледелия. Автором анализируются наиболее поздние работы двух представителей зарубежной историографии, что, безусловно, отражает новизну и достоинство работы. Сделан вывод о том, что оба историка в своих работах выделяют те факторы, которые оказали значительное влияние на политическую деятельность В.М. Чернова в 1917 году. А главные расхождения исследователей касаются личностных качеств вождя эсеров.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, Временное правительство, советы, апрельский кризис, I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Демократическое совещание.

Говоря о революционном процессе 1917 г., нельзя обойти стороной субъективный фактор, который в условиях тяжелейшего общественного, политического, экономического кризиса сыграл решающую роль в судьбе России. Сыграл в полном соответствии с выводами революциологии о соотношении объективного и субъективного/субъектного начал в ходе революции.

В начале XX в. на политическую арену выдвинулось немало ярких фигур, оставивших заметный след на страницах истории нашей страны. Эти личности, принадлежавшие к разным кругам общества, придерживавшиеся различных идеологий, были объединены единой мыслью – идеей переустройства страны, вывода ее из кризиса, а в итоге идеей выбора исторического пути развития России.

В.М. Чернов в советской историографии долгое время был незаслуженно обойден вниманием исследователей. В дореволюционной литературе одни авторы обвиняли эсеровского теоретика в «чудовищном симбиозе» славянофильских и социалистических идей, другие – признавали правоту его взглядов на «своеобразие русских экономических отношений» [Цит. по: 1, с. 7]. Плюрализм мнений относительно данной фигуры исчезает вместе со становлени-

ем советской исторической науки и марксистской методологии, одновременно с этим сужается источниковая база исследований. Эсеровский лидер, его деятельность и теоретическое наследие рассматривались в рамках изучения самой партии, и эти работы отличались идейно-политической направленностью, для них был характерен сугубо критический настрой в отношении партии и ее лидера [2–6]. В.М. Чернов обвинялся в мелкобуржуазном характере своих взглядов, предстал, в конечном счёте, обманщиком народа, врагом своей родины, заговорщиком. Зафиксировал на долгие десятилетия этот образ опубликованный в 1938 г. учебник «История ВКП(б): Краткий курс» [7, с. 186–187, 343].

Интерес советских ученых к истории эсеровской партии повысился, начиная со второй половины 1950-х годов. Выходят в свет крупные работы, посвященные истории эсеровской партии [8–10]. Расширилась проблематика исследований, признавался вклад социалистов-революционеров в борьбу с самодержавием. Но сохранились однозначно негативные оценки послефевральского и послеоктябрьского этапов в истории эсеровской партии, а также принцип жесткой классовой детерминированности [11–15].

Среди работ, написанных об эсеровской партии в последние десятилетия существования Советского Союза, выделяются труды историка К.В. Гусева [16–18]. Исследователь рассматривал историю партии, начиная с ее возникновения, используя широкий круг источников. Гусев отмечал в своих работах, что деревня после Февральской революции верила эсерам, а авторитет В.М. Чернова был непоколебим. Хотя сам историк считал, что эсеры отнюдь не собирались начинать ни немедленную социализацию земли, ни решительное наступление на помещиков, ни безотлагательный созыв Учредительного собрания.

Начало 90-х годов XX в. знаменовалось существенным поворотом не только в методологии, подходах и оценках исследователей, но также и в тематике поисков – в частности, обозначился интерес к изучению личности В.М. Чернова, его роли в организации и деятельности эсеровской партии, к его концепции социального, экономического и политического переустройства России.

Анализу политических взглядов В.М. Чернова до 1920-х годов посвящена работа А.А. Федорченко «Политическая концепция В.М. Чернова» [19]. Историк отмечает тенденцию к сближению взглядов Чернова с позициями западной социал-демократии. Также он критикует эсеровскую программу за ее эклектизм и терминологическую путаницу, а ее лидера В.М. Чернова за противоречивую и непоследовательную политическую деятельность.

Появляется новая работа К.В. Гусева «Виктор Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова)» [20]. Автор

пересматривает свои прежние оценки в отношении лидера и теоретика эсеров, признавая его важную роль в процессе становления и развития партии, признавая преимущества его аграрной программы, близко к сердцу принятой крестьянством и отвечающей представлениям о справедливости.

В начале XXI в. на основе новых источников из отечественных и зарубежных архивных, библиотечных коллекций продолжается изучение теоретического наследия В.М. Чернова, вносятся дополнения в его биографию, а также заполняются пробелы в его жизнеописании.

В отличие от отечественных исследователей зарубежные историки заинтересовались личностью В.М. Чернова еще при его жизни, в особенности, их волновали научные и теоретические взгляды Виктора Михайловича. Авторы отмечали роль эсеровского лидера в обновлении народничества путем сочетания идей его основоположников с позитивистическими идеями Авенариуса и Маха, марксизмом, а также с этико-социологической школой. Оценивая его социологические работы, отмечали их философско-гносеологическую базу и переключку с современными направлениями в науке начала XX в. [21–23].

Иностранцы-свидетели событий 1917 г. в России также упоминали социалистов-революционеров и их лидера – В.М. Чернова. Одним из очевидцев был американский журналист Д. Рид. Характеризуя особенности русской революции, Рид писал, что до ноябрьского восстания Россия была страной другого века, невероятно консервативной, ей быстро пришлось привыкнуть к новому и ускоренному темпу жизни. Вследствие этого «политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево» – «"умеренные" социалистические вожди ... оказались слишком реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле» [24].

Изучение эсеровской партии за рубежом имело свою особенность. Если в Советском союзе определяющим фактором был принцип классовой детерминированности, то зарубежные историки при написании работ руководствовались стремлением противопоставить социалистов-революционеров большевикам как партию демократов партии диктаторов [25–30].

Со второй половины XX в. активизировалось изучение политического и научного наследия В.М. Чернова с выходом работ О. Редке [31]. Изначально Редке дал высокую оценку деятельности и программе В.М. Чернова, однако в работах, вышедших в 1960-е годов, он пересмотрел свои позиции – аграрная программа партии представлялась теперь утопичной, а недостатки В.М. Чернова как лидера, по мнению автора, сыграли решающую роль в поражении «эсеровства» в 1917 г. [32, с. 17–18].

В целом в интересующей нас зарубежной историографии можно вычленить два направления: одни историки делали акцент на утопичности программы социа-

листов-революционеров, другие пытались выявить, насколько требования, выдвигаемые эсерами, соответствовали «чаяниям» народа, а также раскрыть спектр причин, приведших партию к поражению в 1917 г. [33, с. 15].

Работы американского исследователя С.Б. Соссинского [34] и новозеландского историка А. Трапезника [35] представляют собой наиболее поздние оценки теоретической, организационной и политической деятельности В.М. Чернова, данные в зарубежной историографии. Условно эти работы можно рассмотреть в рамках двух, сложившихся в зарубежной литературе, упомянутых выше направлений.

Диссертационное исследование С.Б. Соссинского, внука В.М. Чернова, практически единственная фундаментальная работа, посвященная персонально Чернову. Автор, используя широкий круг источников, в том числе из коллекций Гуверовского архива, подробно останавливается на становлении мировоззрения Чернова, дает целостную характеристику его философско-этическим взглядам и жизненного пути.

А. Трапезник в своей книге исследует попытку эсеровского лидера внедрить свою теорию в практику, а идеологию в реальность. Круг источников новозеландского историка значительно уже и представлен опубликованными воспоминаниями самого В.М. Чернова, воспоминаниями его современников, а также работами уже названного историка Редке, с чьими выводами во многом и соглашается.

Выбор этих работ представляется интересным в связи с тем, что в них содержатся во многом противоположные точки зрения на концепцию российской революции В.М. Чернова, а также прослеживаются расхождения в оценках политической деятельности эсеровского лидера в 1917 г., его роли и влияния в эсеровской партии. В особенности по периоду, когда В.М. Чернов был министром земледелия Временного правительства.

Кроме того, действительно этот период можно назвать одним из самых противоречивых в политической практике В.М. Чернова – отказ от прежних установок, пересмотр своих взглядов, противоречивость политических шагов, а самое главное – бездействие, молчание и «властebоязнь». Хотя два важнейших вопроса революции 1917 г. – аграрный и вопрос о мире, так и не решенных Временным правительством, были проанализированы В.М. Черновым задолго до революционных событий 1917 г., как, впрочем, и вопрос национальный, государственного устройства и некоторые другие. И как показало время, решение ряда из них по «черновскому» варианту наиболее отвечало запросам современной ему России¹.

¹ Свидетельством заключавшегося в теоретических наработках В.М. Чернова конструктивного потенциала стали и первые декреты Советской власти – Декрет о земле, решение национального вопроса, позднее – нэповская концепция. Такой поворот большевиков к крестьянству,

Расхождения исследователей начинаются с описания февральских событий в Петрограде. Для С.Б. Соссинского эти события произошли непосредственно с участием революционных элементов. А. Трапезник, цитируя В.М. Чернова, пишет о том, что «ни большевики, ни меньшевики, ни Рабочая группа, ни эсеры, как по отдельности, так и общими усилиями, не смогли вывести на улицу петроградских рабочих. Это сделал некто куда более могущественный: Царь-Голод» [35, р. 104.].

Однако, говоря о прибытии В.М. Чернова в Россию, оба исследователя отмечают, что его возвращение в Петроград, состоявшееся через пять дней после Ленинского, было встречено триумфальным приемом. Но новозеландский историк в своем исследовании замечает, что роль эсеровского лидера в революции до вхождения его во Временное правительство была минимальна, что он больше оттачивал свои литературные навыки и таланты оратора, чем участвовал в «делах революции» [35, р. 104.]. С.Б. Соссинский же пишет о том, что с первых часов прибытия в Россию В.М. Чернов с головой погрузился в революционную деятельность. Особое внимание американский историк уделяет проблеме взаимоотношения лидера партии социалистов-революционеров и Временного правительства, в особенности по вопросу о войне и мире, когда эсеровский теоретик отстаивал в правительстве мысль о том, что отказ революционной России от империалистических целей войны будет встречен с сочувствием на Западе и спровоцирует пересмотр союзниками целей войны в целом [34, р. 142.]. По мнению С.Б. Соссинского, В.М. Чернов и до революции, и в ходе революции одинаково оценивал суть Первой мировой войны как империалистической, но сыграла свою роль вера в возможность радикального изменения планов союзников под влиянием Временного правительства. По мнению историка, В.М. Чернов искренне полагал, что союзники согласятся пересмотреть свои империалистические планы под воздействием правительства революционной России (что сразу вызывает сомнения в адекватности позиции вождя эсеров).

В целом, деятельность В.М. Чернова по решению внешнеполитического вопроса, его кампания, направленная против министра иностранных дел Милюкова (о чём пишут и С.Б. Соссинский, и А. Трапезник), сыграла видную роль в отставке – «капитуляции» последнего. По словам первого из историков, В.М. Чернов «не прятался за анонимностью редколлегии, а набросился на Милюкова в серии написанных им статьей, опираясь на свое грозное полемическое умение, посылал стрелу за стрелой в упрямого

обращение В.И. Ленина к народническим по существу наработкам по аграрно-крестьянскому вопросу, является безусловным доказательством, что черновская аграрная программа оказалась более созвучна крестьянским запросам, как и федерация – интересам народов страны, нежели социал-демократические программные установки.

профессора» [35, р. 145]. Но, заметим, с другой стороны: разве смена лиц изменила внешнеполитический курс страны, когда даже осенью 1917 г. новый глава МИДа стремился продолжать линию Милюкова, только более закамуфлировано?

Что касается вопроса о вхождении эсеров, в частности, В.М. Чернова во Временное правительство, А. Трапезник главную причину того, что еще до образования коалиционного правительства эсеровская партия и ее лидер приняли решение поддержать Временное правительство, усматривает в слабости и неорганизованности самой партии социалистов-революционеров, которая выбирая между захватом и поддержкой Временного правительства, склонилась ко второму варианту. Цитируя «Дело народа», историк замечает, что эту первоначальную поддержку несоциалистического Временного правительства эсеры не рассматривали как участие в его работе, не говоря уже коалиции [35, р. 105]. По мнению А. Трапезника, об участии и коалиции партия задумалась уже после, когда апрельский кризис поставил и Советы, и партию эсеров перед очередной дилеммой. И так как у них не было никакого желания взять власть, они, вместо этого стремились оказывать давление на буржуазное правительство. Но – правительство в кризисе, бездействовать эсеры больше не могли – поэтому было сформировано коалиционное Временное правительство (подчеркнём – как спасение буржуазной власти). Как пишет А. Трапезник, с этого момента В.М. Чернов, будучи одновременно министром земледелия и лидером крупнейшей социалистической партии в России, должен был бы оказаться на пике своей политической деятельности и карьеры. Но автор оценивает этот период как время «нарастающей слабости» главы ПСР. То есть, изначально новозеландский историк причину «нерешительности» эсеров видит в слабой организации, но позже приходит к новому выводу – это нежелание брать власть в свои руки.

Среди объективных причин падения влияния эсеровского теоретика, А. Трапезник усматривает сложность аграрного вопроса, решать который приходилось под давлением военного времени, что вынуждало правительство, в том числе и министра земледелия социалиста В.М. Чернова, запретив крестьянам захватывать землю, дожидаться Учредительного собрания для решения вопроса о земле. Кроме того, причины слабости ПСР исследователь видит в недостаточности внимания среди партийных руководителей к реализации социальной революции. Но возможно ли было приступить к ней без решения аграрного вопроса?!

Характеризуя внутривнутрипартийную ситуацию – в частности работу третьего съезда партии социалистов-революционеров, проходившего с 25 мая по 4 июня 1917 г., он называет искусственным компромисс между отдельными фракциями. Ссылаясь на О. Редке, А. Трапезник пишет о том, что

единственным звеном, скрепляющим трещины в составе партии, был центр во главе с В.М. Черновым. Его способность к поиску компромисса, талант оратора – все то, что держало расколовшуюся на три крыла² партию [35, р. 108–109]. Третий съезд социалистов-революционеров принял резолюции по главным вопросам революции: о войне и мире, о земле, о власти. При решении вопроса о войне и мире, по справедливому замечанию А. Трапезника, В.М. Чернов полностью отказывается от своей интернационалистской позиции, и в принятой партией резолюции отсутствует какое-либо упоминание о «третьей силе», которая должна завершить войну. По мнению исследователя, противоречивая политика эсеровского лидера и всей партии привела к тому, что они отказались от прежних своих установок не только относительно войны, но и земельного вопроса. Захват земли, провозглашенный эсерами (как пишет А. Трапезник) в годы первой русской революции, был отменен. Кроме того, учитывая последствия столыпинских реформ, съезд подтвердил право на индивидуальное пользование землей. Также третий съезд, по мнению исследователя, так и не смог решить национальный вопрос.

Подводя итоги третьего съезда партии эсеров, А. Трапезник говорит о непростительных ошибках, совершенных партией и о молчаливом согласии при этом В.М. Чернова, фактически о его бездейственности, о компромиссе, достигнутом ценой провала и поражения самой крупной социалистической партии России [35, р. 108–109].

В.М. Чернов как министр земледелия, по мнению А. Трапезника, в двух коалиционных правительствах с мая по август 1917 г. был в уникальном положении для осуществления аграрной политики партии, поэтому ответственность за невыполнение этого требования ложилась непосредственно на его плечи. Рассматривая деятельность В.М. Чернова на посту министра земледелия, А. Трапезник считает, что все те переходные меры, что были предприняты министром-эсером, не имели никакого отношения к «социализации» земли.

Кроме того, В.М. Чернову пришлось выдержать несколько проверок своего авторитета и престижа в массах. Во-первых, во время июльского восстания, когда он был схвачен матросами, требовавшими взятия власти Советами, и освобожден Троцким, во-вторых, когда против него развернулась кампания в буржуазной прессе, обвинившая его в «пораженчестве». Относительно последней В.М. Чернов получил поддержку не только от крестьянских масс, но и рабочих: в знак протеста против его диффамации массовые митинги прошли на нескольких фабриках и заводах. Тем не менее, и в новом коалицион-

² К 1917 г. эсеры разделились на три фракции – правых, левых и центристов, их отличало различие в тактике (к примеру, правые эсеры выступали за борьбу до конца на фронтах Первой мировой войны, а левые эсеры были против этого), но в стратегии они все придерживались единства.

ном правительстве очередные попытки В.М. Чернова провести аграрные законы были встречены бездействием и потерпели неудачу [35, р. 116].

Пожалуй, самая главная неудача ждала лидера эсеровской партии на Демократическом совещании, на котором после решения против коалиции и несмотря на резолюцию В.М. Чернова о неподдержке идеи коалиционного правительства с кадетами, лидерами ПСР и меньшевиков было политикански проташено решение о создании очередной коалиции, которую В.М. Чернов сразу назвал мертворожденной. Данный факт признает и А. Трапезник в своей работе [35, р. 119].

Однако С.Б. Соссинский, отмечая деятельность В.М. Чернова на посту министра земледелия, с сожалением обозначает, что последующие месяцы в жизни лидера социалистов-революционеров (после апрельского кризиса), связанные с Временным правительством, несмотря на его ключевой пост министра земледелия, не получили значительного внимания историков, которые были в основном заняты анализом деятельности Ленина [34, р. 149–150]. Говоря о том, что пребывание В.М. Чернова на посту министра земледелия оказалось одним из спорных периодов его жизни, С.Б. Соссинский анализирует причины неудач, затруднений в реализации, в первую очередь, аграрной программы партии социалистов-революционеров [34, р. 152]. Их он видит в том, что, с одной стороны, министерство земледелия состояло по большей части из бывших царских чиновников, а с другой – В.М. Чернову, вместе с тем, приходилось вести энергичную борьбу против левых экстремистов в Советах, а также с радикально настроенными массами. Военное время и экономический кризис в стране также накладывали отпечаток на деятельность министра сельского хозяйства, кроме того, преградой для проведения «социализации» земли выступала необходимость подготовительных преобразований и ожидание Учредительного собрания, которое должно было закрепить совершенные во время революции преобразования, в том числе и в аграрной сфере. Все это, по мнению С.Б. Соссинского, было главным препятствием на пути реформ [34, р. 153–155]. Однако о каких преобразованиях ведет речь автор, если партия во главе с ее лидером практически отвернулась, отказалась от реализации своей программы и боролась против преобразований, идущих снизу?!

В отличие от А. Трапезника, опирающегося в своих рассуждениях о лидерских качествах В.М. Чернова на работы О. Редке, С.Б. Соссинский не соглашается с отрицательной оценкой эсеровского теоретика этими историками. Признавая сложность и неоднозначность положения В.М. Чернова, исследователь отмечает, что он значительное время и усилия приложил к тому, чтобы партия социалистов-революционеров за несколько месяцев после Февральской революции была преобразована из разрушенной подпольной орга-

низации в крупнейшую политическую партию в России, с массовой поддержкой среди крестьян, рабочих и интеллигенции [34, р. 156].

А на посту министра земледелия, по мнению С.Б. Соссинского, прежде всего, В.М. Чернов преуспел в продвижении двух важных мер: он представил в правительство проект по аннулированию ключевых мер Столыпинской аграрной реформы, которая была направлена против крестьянской общины³. 12 июля 1917 г., воспользовавшись правительственным кризисом, Чернов подписал закон об ограничении земельных сделок.

Говоря об итогах специальной сессии правительства, посвященной аграрному вопросу и состоявшейся 9 августа, С.Б. Соссинский отмечает, что, отказавшись от действенной аграрной политики, Временное правительство потеряло последний шанс на восстановление поддержки населения. А Демократическое совещание и неудавшаяся попытка В.М. Чернова критиковать его итоги в прессе были нижней точкой его влияния в окончательно расколовшейся партии социалистов-революционеров.

Вывод С.Б. Соссинского относительно деятельности В.М. Чернова на посту министра земледелия заключается в том, что летом 1917 г. вождь эсеров был на пике своей популярности. Если можно было исключить то, что произошло осенью, никто не сомневался бы в эффективности Чернова-политика. Но октябрь 1917 г., по мнению С.Б. Соссинского, превратил В.М. Чернова в «жалкого и безнадежного неудачника» [34, р. 160]. Однако заметим, что летние «достижения» министра-реформатора следует сопоставлять, во-первых, с требованиями I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (май 1917 г. – знаменитые 242 наказа) и, во-вторых – с практикой реализации даже этих скромных законов, проведенных министром в жизнь.

Таким образом, оба историка в своих работах выделяют те факторы, оказавшие значительное влияние на политическую деятельность В.М. Чернова в 1917 года. К ним относились состояние войны, в котором находилась Россия, двоевластие, а поэтому необходимость лавировать среди двух движущих сил – буржуазной, цензовой Россией и радикально настроенными массами. Политические условия, в которых оказался эсеровский теоретик, возможно, и не изменили его самосознания как революционера, но явно повлияли на его деятельность, которая стала слишком осторожной и нерешительной.

Главные расхождения исследователей касаются личностных качеств В.М. Чернов. С.Б. Соссинский действительно дает его «переоценку», отмечая достижения, которые сделал В.М. Чернов как лидер партии. Однако многие доказательства автора кажутся неубедительными: не раскрыты при-

³ 23 июня В.М. Чернов сумел провести через правительство закон об отмене столыпинской земельной реформы, но сразу вслед за этим потерпел два серьезных поражения.

чины (кроме выше указанных) промедления, отказа теоретика от прежних взглядов. Ведь глава ПСР в своих дореволюционных работах упоминал, что время революции будет испытанием, а корректировать действия по осуществлению программы придется, исходя из сложившейся ситуации. Еще во время первой русской революции он писал о том, что возможно временное единение сил буржуазии и социалистов, но в таких условиях необходимо стойко стоять на своих убеждениях. Но именно свои взгляды предаст В.М. Чернов в 1917 году. Эта роль субъективного фактора остается не раскрытой в работе С.Б. Соссинского, хотя именно в ней видится одна из главных причин поражения Чернова в 1917 г. Дореволюционный теоретик оказался гораздо сильнее политика периода революции. Впрочем, отмеченная политическими оппонентами-современниками его склонность к западному социал-реформизму требует особого внимания и, видимо, может помочь в расшифровке личной и общей катастрофе эсеровства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. 512 с.
2. *Вардин И.В.* Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы). М., 1922.
3. *Лелевич Г.* Правда об эсерах. Гомель, 1922.
4. *Луначарский А.В.* Бывшие люди. Очерки истории партии эсеров. М., 1922.
5. *Меццержаков В.Н.* Партия социалистов-революционеров. Ч. 1–2. М., 1922.
6. *Стеклов Ю.М.* Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.
7. *История ВКП(б): Краткий курс.* М., 1946. 352 с.
8. *Большевики* в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910–1920 гг.): Сб. ст. М., 1969.
9. *Комин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
10. *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. (1917–1920). М., 1968.
11. *Соболева П.И.* Борьба большевиков с эсерами в период первой русской революции. М., 1956.
12. *Никишиев П.П.* Из истории краха левых эсеров в Туркестане. Фрунзе, 1965.
13. *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970.
14. *Спирин Л.М.* Крах одной авантюры. М., 1971.

15. *Леванов Б.В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974.
16. *Гусев К.В., Ерицян Х.А.* От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968.
17. *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963.
18. *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
19. *Федоренко А.А.* Политическая концепция В.М. Чернова. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. 194 с.
20. *Гусев К.В.* Виктор Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 2000. 288 с.
21. См.: *Масарик Т.Г.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. 1–2. СПб., 2004.
22. *Hecher J.* Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. N. Y., 1969.
23. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М., 2001.
24. *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. Предисловие Н. Ленина и Н. Крупской. М., 1924.
25. *Footman A.* The Russian Revolution. L., 1962.
26. *Scharndorf W.* Die Geschichte der KPdSU. Munchen, 1961.
27. *Wren M.* The course of Russian History. N. Y., 1958.
28. *Moorhead A.* The Russian Revolution. L., 1958.
29. *Lowton S.* An Economic History of Soviet Russia. L., 1958.
30. *Schiller O.* Die Landwirtschaft der Sowjetunion 1917–1953. Tubingen, 1954.
31. *Radkey O.H.* The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries February to October 1917. N. Y.; L., 1957.
32. Ibid. *Chernov and Agrarian Socialism before 1918 // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought.* Cambridge, Mass, 1955. P. 63–80.
33. Ibid. *The Sickle under the Hammer. The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule.* – N. Y.; L., 1963.
34. *Sossinsky S.B.* Pages from the Life and Work of an SR Leader a Reappraisal of Victor Chernov. Ph. D. diss. Boston, 1995.
35. *Trapeznik A.* V.M. Chernov: Theorist, Leader, Politician. Newcastle, 2007.

K.V. KHALOSHA

**V.M.CHERNOV AS THE MINISTER OF AGRICULTURE: TRIUMPH
OR TRAGEDY (IN ASSESSMENTS OF MODERN FOREIGN
HISTORIOGRAPHY ON THE EXAMPLE OF WORKS OF
A. TRAPEZNIK AND S. SOSSINSKY).**

The article is devoted to the activity of the leader of the Socialist Revolutionary Party V.M. Chernov as the minister of Agriculture. The author analyzes two latest works of foreign historiography, that certainly suggests the novelty and the dignity of the research. It is concluded that two mentioned above historians have allocated in their publications the factors which had a significant impact upon the political activity of V.M. Chernov in 1917. At the same time more principal divergences in opinions of these researchers are related to the personal qualities of the leader of the Socialist-Revolutionaries.

Keywords: the Socialist Revolutionary Party, the Provisional Government, the Soviets, the April crisis, the First All-Russian Congress of Peasants' Deputies, Democratic Conference.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ**

УДК 94(571)

П.П. РУМЯНЦЕВ**ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПЕРСОНАЛА
ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.***

канд. ист. наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: petroom@mail.ru

В статье рассматривается вопрос пенсионного обеспечения служебного персонала золотопромышленных предприятий Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков. На основе привлечения большого круга источников, в первую очередь, неопубликованных (архивных) и материалов периодической печати, проводится исследование формирования пенсионного обеспечения работников указанной сферы и предпринято сравнение с аналогичным положением работников золотопромышленности Восточной Сибири. Автор приходит к выводу о фактическом отсутствии действенной социальной защищенности служебного персонала в золотопромышленной сфере, основной отрасли экономики края в дореволюционный период.

Ключевые слова: золотопромышленность, Сибирь, служебный персонал, пенсионное законодательство, пенсионные кассы.

Степень социальной защиты как рабочего, так и служебного персонала, занятого в промышленной сфере в дореволюционной России, находились на крайне низком уровне. Регламентирующее социальное и правовое положение промышленных работников рабочее законодательство начало оформляться в последней четверти XIX века. Тяжелые условия труда, большая продолжительность рабочего дня, отсутствие законов по охране труда заставляли работников самим выступать инициаторами улучшения их социального положения, в том числе добиваться создания пенсионно-накопительных и другого рода страховых касс. Подобные учреждения долгое время отсутствовали в Российской империи. Появление таких организаций в России началось только в середине XIX в., в то время как в Европе их существование насчи-

* Работа выполнена в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

© Румянцев П.П., 2014

тывало не одно столетие. Первой пенсионной организацией в частном промышленном секторе можно считать возникшее в 1859 г. в среде торговых приказчиков Риги общество взаимовыручки. В горной промышленности, одной из главных отраслей дореволюционной отечественной экономики, аналогичные организации стали создаваться в то же время [1, с. 34–38]. По указу 1861 г. на каждом крупном промышленном предприятии Урала следовало создать горнозаводские товарищества, выполняющие роль взаимовыручки и взаимопомощи¹. Однако в других горных областях, в том числе и в Сибири, такого рода кассы были большой редкостью, а на частных золотопромышленных предприятиях, составлявших основу местной экономики, они отсутствовали вплоть до конца XIX века.

Несмотря на неплохую изученность вопроса об пенсионно-страховом обеспечении работников различных промышленных отраслей дореволюционной России, рабочие и служащие золотопромышленных предприятий Сибири до сих пор остаются вне поле зрения отечественных исследователей. Из работ сибирских историков можно, в первую очередь, выделить исследования В.П. Зиновьева, в которых внимание сосредоточено на вопросе пенсионного обеспечения рабочих на золотых промыслах в Сибири и их прошениях о выдаче пенсий, которые рассматриваются как важный источник по изучению дореволюционного пролетариата в Сибири [2; 3]. Также вопрос о пенсионном положении приисковых рабочих нашел отражение в работах В.И. Маркова [4]. Автором данной статьи уже была предпринята попытка исследования вопроса о формировании пенсионного обеспечения приисковых служащих, на примере золотопромышленных предприятий Восточной Сибири [5]. Однако до сих пор подобных исследований по служебному персоналу Западной Сибири не проводилось. Тем самым цель данной статьи заключается в необходимости определения уровня пенсионной обеспеченности служебного персонала золотопромышленных предприятий Западной Сибири, задействованный в одной из ключевых отраслей экономики края в дореволюционное время – золотопромышленности. К тому же такое исследование способно уточнить наши представления о степени социальной защищенности промышленных работников в указанный период времени.

Самой первой золотопромышленной фирмой дореволюционной России разработала устав ссудо-сберегательной кассы для своего служебного персонала «Компания Промышленности в разных местах Восточной Сибири» («Компания промышленности...»). 11 мая 1896 г. устав пенсионной кассы служащих названной компании утвердил министр Земледелия и гос-

¹ *Высочайше утвержденное Положение* о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов (8 марта 1861 г.) [№ 36719] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. С. 441–442.

ударственных имуществ². Именно с этого времени касса начинает свое функционирование [5].

Пример оказался «заразительным» и в других золотопромышленных компаниях Сибири создание подобной организации становится актуальной. Одними из первых этот вопрос подняли золотопромышленники Томской губернии. Вопрос о создании ссудо-сберегательной кассы обсуждался уже на состоявшемся в декабре 1897 г. I съезде золотопромышленников Томского горного района. Золотопромышленник М.С. Фридман в своей речи настаивал на создании сразу нескольких обществ вспомоществования, деятельность которых бы распространилась на небольшие отдельные золотопромышленные районы, объединенные единым уставом, утвержденным местным губернатором. Свою позицию промышленный деятель аргументировал тем, что центр управления обществом не может быть на самих золотопромышленных предприятиях, а организация его в крупных городах, как Томск, не даст возможности большинству членов принять участие в делах общества, тем самым управление сосредоточится в чужих руках, что крайне нежелательно. К тому же, по мысли М.С. Фридмана, прекращение деятельности одного из обществ дает возможность бывшим его членам присоединиться к другому ближайшему обществу с перенесением туда всех имеющихся денежных средств³.

На III съезде золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа в 1899 г. было постановлено создать такую же по типу кассу, что и в «Компании промышленности...», куда могли входить и приисковые рабочие. Источники поступления денежных средств в кассу были определены следующие: первоначальный капитал в размере 2 тыс. руб., полученный от золотопромышленников горного округа, ежегодные взносы от владельцев золотых промыслов в размере 1 руб. 25 коп. с каждого полученного фунта шлихового золота, вычеты из зарплат рабочих по 1 %, служащих – 3 %. К этому стоит прибавить, что уставной капитал предполагалось разместить в банк и получаемые с него дивиденды являлись бы еще одним источником поступления денежных средств в кассу. По подсчетам специалистов, за 25 лет деятельности общество смогло бы выдать пособий на сумму 170 тысяч рублей. Всего предполагалось разделить участников кассы на три категории, именно к последней и следовало отнести служебный персонал. Размеры пенсии определялись в зависимости от размера жалованья служащих и разделялись

² Утвержденный 11 мая 1896 г. Министром Земледелия и Государственных Имуществ Устав пенсионной кассы служащих по управлению золотыми приисками Прибрежно-Витимской компании и Компании промышленности в различных местах Восточной Сибири (11 мая 1896 г.) [№ 12834] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 2-е. С. 146–150.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

на шесть разрядов (от 144 до 480 руб. в год). Однако делегаты съезда постановили, что выплачиваемые служебному персоналу пенсии не соответствуют суммам взносов от них, что со временем приведет к разорению кассы и по этой причине вопрос о создании подобной организации был отложен на какое-то время⁴.

Тем не менее, спустя сравнительно небольшой промежуток времени, вопрос о создании пенсионной кассы был доведен до конца и 10 ноября 1904 г. министр Земледелия и государственных имуществ утвердил устав сберегательно-вспомогательной кассы служащих и рабочих золотых промыслов Южно-Енисейского горного округа. Приведем основные положения функционирования этой кассы в сравнении с аналогичным предприятием «Компании промышленности...». Как видно из названия, участниками ее могли стать как рабочие, так и служащие золотопромышленных предприятий указанного горного округа. Капитал кассы состоял из двух частей: сберегательной и накопительной. Первая из них формировалась за счет пятипроцентных взносов от участников кассы, десятипроцентных взносов членами кассы от добытого золота старательским путем (так называемые золотничные работы), от взносов золотопромышленников в размере четверти копейки с каждого добытого золотника шлихового золота. Вспомогательный капитал составлялся из отчислений золотопромышленников округа в размере опять же четверти копейки с каждого добытого золотника благородного металла, а также из пожертвований и других случайных поступлений в кассу. Названные капиталы фиксировались и велись в отдельных книгах – «книга А» и «книга В». Все суммы кассы необходимо было вносить в красноярское отделение Госбанка или размещать в доходные финансовые бумаги⁵. Как видно, разработчики устава кассы пошли на увеличение отчислений от рабочих и служащих для увеличения капитала кассы.

Устав пенсионной кассы «Компании промышленности...» предусматривал четыре источника формирования оборотного капитала: непосредственно сам капитал, образованный из взносов владельцев предприятий и взносов из других источников; проценты с указанного капитала; ежегодные вычеты из жалованья служебного персонала компаний в размере 2 % и из наград в размере 5 %; ежегодный взнос от владельцев компании в размере не менее 10 тыс. руб. Для увеличения средств уставного капитала свободные налич-

⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 312. Л. 139–145.

⁵ Устав сберегательно-вспомогательной кассы служащих и рабочих золотых промыслов Южно-Енисейского горного округа // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1905. № 2. С. 25–26.

ные суммы кассы разрешалось потратить на государственные ценные бумаги или облигации, а также размещать в казенные кредитные учреждения⁶.

Правление всеми делами сберегательно-вспомогательной кассы служащих и рабочих золотых промыслов Южно-Енисейского горного округа должно было быть сосредоточено в руках распорядителя Бюро золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа, окружного инженера или его помощника, золотопромышленников этого же округа. В обязанность правления, помимо руководства делами кассы, входило составление обязательных годовых отчетов с подробностями обо всех финансовых операциях.

Каждому участнику кассы полагалось вести отдельные расчетные книжки, где фиксировались вся информация о его текущем счете, при этом отдельно указывалось состояние счета по «книжке А» и «книжке В». Участник кассы мог получить свои накопления сразу из двух книг в следующих случаях: при выходе из числа ее членов (при условии срока членства в кассе не менее 10 лет), в связи с невозможностью более работать по состоянию здоровья или преклонного возраста, в случае смерти члена кассы все накопления передаются его законным наследникам или согласно завещанию. В случаях досрочного выхода из состава участников кассы (ранее десятилетнего срока) и удаления по каким-либо причинам с приисков Южно-Енисейского золотопромышленного округа участник мог рассчитывать на получение накопившейся суммы только по «книжке В»⁷.

Устав пенсионной касса «Компании промышленности...» подразумевал пожизненный характер выдачи пенсий. Участники этой кассы разделялись на три разряда и соответственно с этим делением должны были получать пенсии от 300 до 900 руб. ежегодно. Размер пенсии для каждого разряда привязывался к рабочему стажу участников кассы на предприятиях «Компании промышленности...»: отслуживший от 20 и более лет имел право претендовать на полное содержание пенсии в соответствии со своим разрядом, 15 лет – 75 % и 10 лет – 50 % от размера пенсии⁸.

⁶ Утвержденный 11 мая 1896 г. Министром Земледелия и Государственных Имуществ Устав пенсионной кассы служащих по управлению золотыми приисками Прибрежно-Витимской компании и Компании промышленности в различных местах Восточной Сибири (11 мая 1896 г.) [№ 12834] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 2-е. С. 146.

⁷ Устав сберегательно-вспомогательной кассы служащих и рабочих золотых промыслов Южно-Енисейского горного округа // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1905. № 2. С. 25–26.

⁸ Утвержденный 11 мая 1896 г. Министром Земледелия и Государственных Имуществ Устав пенсионной кассы служащих по управлению золотыми приисками Прибрежно-Витимской компании и Компании промышленности в различных местах Восточной Сибири (11 мая 1896 г.) [№ 12834] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 2-е. С. 146–150.

Тем самым из приведенной информации можно заключить, что касса в «Компании промышленности...» носила пенсионный характер организации, а касса для золотых промыслов Южно-Енисейского горного округа – накопительно-сберегательный. Такое отличие можно объяснить меньшими заработками работников золотопромышленных предприятий Западной Сибири и количеством добываемого в ней золота по сравнению с аналогичными показателями для Восточной Сибири. Так, если с 1891 по 1900 г. на золотопромышленных предприятиях Западной Сибири было добыто 1708 пудов золота (27,9 т), то в восточной части Сибирского региона в эти же годы было получено 16456 пуд. (269,5 т), то есть почти в 10 раз больше [6, с. 258]. Следовательно, у занятых в золотопромышленной отрасли на территории западной части Сибири было меньше финансовых возможностей для увеличения капитала своей кассы, поэтому здесь не могло идти речи о создании ссудо-сберегательной кассы пенсионного характера, а только накопительно-сберегательной. Возможно, это положение объясняет, почему во второй кассе участниками наравне со служебным персоналом могли быть и рабочие золотых промыслов – для увеличения капитала кассы от обязательных отчислений с их зарплат.

Однако сама касса для золотых промыслов Южно-Енисейского горного округа так и не вступила в активную фазу своего существования. На X съезде золотопромышленников указанного горного округа (1907 г.) председатель совета докладывал съезду, что одна из главных причин бездействия ссудо-сберегательной кассы заключается в отсутствии необходимого количества представителей служебного персонала золотых промыслов «облеченных достаточным доверием со стороны и располагающих достаточным опытом для ведения столь сложного дела, где малейшая оплошность, не говоря уже о злоупотреблениях, вызвала бы бурю негодования со стороны вкладчиков». В качестве выхода из сложившейся ситуации съезд предложил ходатайствовать о скорейшем открытии ссудо-сберегательной кассы при Южно-Енисейском почтовом отделении⁹.

XII съезд золотопромышленников того же горного округа констатировал, что при общем упадке золотопромышленности в регионе и создании при Южно-Енисейском почтовом отделении сберегательной кассы открытие ссудо-сберегательной кассы служащих и рабочих будет несвоевременным и поэтому следует отсрочить ее организацию до более подходящего момента¹⁰.

Если на золотопромышленных предприятиях Западной Сибири так и не получилось создать ссудо-сберегательную кассу приисковых служащих, то в Томске в конце XIX в. удалось открыть Общество вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов. Открытие такого типа заведения

⁹ ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 413. Л. 54.

¹⁰ Там же. Д. 437. Л. 89.

можно считать одним из самых прогрессивных шагов в социальной поддержке всего приискового населения Сибири. Сама идея создания подобного общества давно витала в золотопромышленных кругах. 30 октября 1894 г. в здании общественного собрания г. Томска состоялось торжественное открытие общества, где присутствовало 45 чел., пожелавших стать членами этой структуры. Окружной инженер Томского горного округа В.С. Реутовский, инициатор созданного общества, произнес речь, где озвучил главную цель новой организации: консолидация деятельности отдельных лиц для оказания помощи горным рабочим, не имеющим возможности трудиться из-за увечья, болезни или старости¹¹.

Положение служебного персонала среднего и нижнего звена на золотых промыслах, мало чем отличавшееся от положения рабочих, в скором времени убедило золотопромышленных деятелей распространить деятельность общества и на приисковых служащих. На II съезде золотопромышленников Томского горного округа в 1898 г. было принято соответствующее решение. Предлагалось создать специальное правление, которое бы ведало назначением пособий служащих, отдельно от рабочих¹². Во вступившем в силу с 1899 г. новом уставе общества одними из главных задач назывались следующие: снабжение одеждою, пищею и приютом нуждающихся тружеников горных и золотых промыслов, выдача им при тяжелых жизненных обстоятельствах денежных пособий; устройство для них особых убежищ; скорейшее излечение увечных, оказание пособий их семействам; содействие к страхованию названных категорий лиц в страховых обществах от несчастных случаев¹³.

Возникшее общество сразу же начало активную деятельность. Членами общества могли стать только те лица, кто внес ежегодный взнос в размере от пяти рублей и выше. Служащие многих золотопромышленных предприятий в Томском горном округе осознали выгоду участия в обществе и подавали прошения на членство в этом образовании, а иногда вступали в ряды общества всем служебным составом предприятия, как это произошло в случае со служащими Спасо-Преображенского прииска компании Мухина и Акулова, перечисливших на счет общества 30 руб. от шести служащих¹⁴. Популярность Томского общества вспомоществования подтверждает тот факт, что членами общества стремились стать лица, трудившиеся на золотых промыслах Восточной Сибири. В феврале 1895 г., почти сразу же после возникновения общества, поступили взносы в размере 70 руб. от управляющего и девят-

¹¹ ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

¹² Там же. Д. 7. Л. 30.

¹³ Я-ский К. Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. Кн. 5. С. 55.

¹⁴ ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 13. Л. 129.

ти служащих Успенского прииска «Компании промышленности...» с просьбой включить их в состав общества¹⁵. Таким образом, служащие даже золотопромышленных предприятий Восточной Сибири проявляли интерес к образованному обществу, пока еще распространявшего свою деятельность только на рабочих, что демонстрирует внимание служебного персонала к проблемам приискового рабочего люда. Именно пожертвования служащих и сбор ими средств, как, например, со спектаклей на Неожиданном прииске в июле 1895 г. (всего 314 руб.) являлись одним из важных источников поступлений денежных сумм в созданное общество¹⁶.

В списке жертвователей в пользу общества, а также его членами, значились известные золотопромышленные деятели такие, как золотопромышленник П.К. Гудков, врач Е.И. Коренев, состоявшие членами южно-енисейского комитета общества и ежегодно выплачивавшие членские взносы по пять рублей¹⁷. С каждым годом набиравшее популярность общество породило в среде владельцев золотых промыслов мысль о создании подобного общества среди них. Так, на IV съезде золотопромышленников Томского горного округа в 1901 году. Промышленник С.Е. Попов высказывал идею о создании аналогичного общества в целях оказания помощи золотопромышленникам, «впавшим в бедность»¹⁸.

С 1900 по 1914 гг. поступило на счет общества средств на сумму 79 158 руб. 02 коп., при расходе в 53 890 руб. 24 коп., пособий выдано на 50 641 руб. 12 коп. Число лиц, получивших пособие, составило за эти годы: 1900 г. – 102 рабочих и 5 служащих, 1901 г. – 122 и 5, 1902 г. – 134 и 5, 1903 г. – 123 и 5, 1904 г. – 102 и 5, 1905 г. – 72 и 4, 1906 г. – 77 и 4, 1907 г. – 88 и 4, 1908 г. – 80 и 4, 1909 г. – 67 и 5, 1910 г. – 67 и 7, 1911 г. – 67 и 7, 1912 г. – 73 и 7, 1913 г. – 77 рабочих и 7 служащих. Всего за эти годы пособия получили 1251 рабочих и 74 служащих¹⁹. Тем самым из представленных данных можно сделать вывод, что общество больше ориентировалось на поддержку рабочих, а не служебного персонала.

В среднем, выдаваемый бывшим приисковым служащим размер пенсионного пособия равнялся пяти рублям, и редко, когда превышал эту сумму. Также служебному персоналу могли выдаваться единовременные пособия, как бывшему служащему И.И. Антонову, получившему в 1901 г. единовременно 80 руб. для поездки на лечение. Поездка пошла ему на пользу, и Антонов

¹⁵ ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

¹⁶ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 2753. Л. 31–34.

¹⁷ Там же. Ф. 423. Оп. 1. Д. 13. Л. 179.

¹⁸ ГААК. Ф. 189. Оп. 1. Д. 22. Л. 58.

¹⁹ ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 184. Л. 366, 41в, 456, 566; Ф. 423. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

вскоре вернулся на службу²⁰. Тем самым созданное общество, хоть и не являлось ссудо-сберегательным или пенсионно-накопительным, но, тем не менее, оно могло оказывать деятельную поддержку нуждавшимся в помощи приисковым служащим, в полной мере оправдывая свое существование.

Подводя итоги, отметим следующее. На золотопромышленных предприятиях Западной Сибири в дореволюционное время так и не было создано ни одной ссудо-сберегательной и пенсионно-накопительной кассы для служебного персонала этих организаций, в отличие от Восточной Сибири, где подобные организации существовали («Компания промышленности...»). Несмотря на то, что в Томске существовало Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов, оно, как следует из нашего исследования, не могло в полной мере удовлетворить потребности служебного приискового персонала в пенсионном обеспечении и исполняло только роль временного подспорья для работников горнодобывающей промышленности.

В качестве причин такого положения дел можно выделить следующие: небольшой по количеству контингент служебного персонала на золотопромышленных предприятиях Западной Сибири; невысокие размеры жалованья самих служащих; отсутствие желания у большинства золотопромышленников и местных горных властей разрабатывать и открывать ссудо-сберегательные учреждения для своих работников (те же из них, кто выступал с инициативой улучшения социального положения своих работников, ссылаясь на опыт золотопромышленных деятелей Восточной Сибири, встречали на своем пути множество препятствий). Совокупность этих факторов показывает, что социальная защищенность и пенсионное обеспечение работников золотопромышленной отрасли производства в дореволюционное время находились на крайне низком уровне, делая беззащитными как рабочих, так и служащих перед лицом всевозможных опасностей и жизненных невзгод.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Святловский В.В.* Из истории касс взаимопомощи рабочих // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4. С. 32–46.
2. *Зиновьев В.П.* Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2007. № 1. С. 21–33.
3. *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 169–177.

²⁰ ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 19. Л. 28.

4. *Марков В.И.* Некоторые вопросы правового положения рабочих золотодобывающей промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 160–185.

5. *Румянцев П.П.* Формирование пенсионного обеспечения промышленных работников дореволюционной России на примере служебного персонала крупных золотопромышленных компаний Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 142–146.

6. *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832–1917 гг.). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. 312 с.

P.P. RUMYANTSEV

**PENSION MAINTENANCE OF THE GOLD MINING COMPANIES'
STAFF OF THE WESTERN SIBERIA IN THE END OF XIX – BEGGINING
OF THE XX CENTURIES**

The paper deals with the issue of pension maintenance of the gold mining companies' staff of the Western Siberia at the turn of the XIX – XX centuries. Based on a wide variety of historical sources, first of all including archival and periodicals materials, the author analyzed the formation of pension maintenance of workers and also made comparison of pension maintenance of the gold mining companies' staff of west and east part of Siberia. The author comes to conclusion about virtual absence of an effective social security of the workers employed in the the gold sector, which was a primary branch of the regional economy in pre-revolutionary period.

Keywords: gold mining, Siberia, staff, pension legislation, pension cash desks.

УДК 94(47+571).084.8

Р.Е. РОМАНОВ**ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ В ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НОВОСИБИРСКА В 1941–1945 ГГ.: СТИМУЛ К ТРУДУ?**

канд. ист. наук

Институт истории СО РАН

E-mail: rromanov1981@mail.ru

Данная статья посвящена выявлению роли заработной платы в стимулировании рабочих крупных предприятий Новосибирска в годы Великой Отечественной войны. С этой целью проанализированы организация и динамика оплаты труда, факторы сокращения и сохранения ее содержания в сфере оборонно-промышленного производства. Показаны структура фонда и тарифные сетки зарплаты, внедрение сдельщины и премиальных систем, ведущие к взаимообусловленному росту выработки и заработка работников, а также условия повседневной жизни, влиявшие на реальный уровень их трудовых доходов. Автор делает вывод о том, что этот уровень поддерживался за счет нормированного минимума жизненных благ, доступного через товарно-денежный обмен. Следовательно, заработок играл существенную роль в выживании и поэтому являлся одним из факторов мотивации труда рабочих важнейшего оборонно-промышленного арсенала сибирского тыла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Новосибирск, военно-промышленное производство, рабочие, заработная плата, трудовые стимулы

Одной из характерных особенностей ранней советской модернизации (конец 1920-х – начало 1950-х годов) являлось создание и развитие бинарной системы материального стимулирования труда рабочих. Большевистское государство, заинтересованное в реализации крупных индустриальных проектов в условиях снижения уровня жизни населения, целенаправленно пошло по пути сочетания денежного и натурального поощрения трудящихся¹. К первому относилась зарплата и дополнительные выплаты (от премий до соцстрахования), ко второму – нормированное снабжение и заводская социальная инфраструктура. В годы Великой Отечественной войны, когда соотношение между этими двумя группами трудовых стимулов казалось должно было измениться в пользу последних², политика их относительно сбалансированного сочетания, напротив, в целом продолжалась. Данное явление позволяет поставить вопрос о роли заработка

¹ В наибольшей степени такое сочетание проявилось во время действия всесоюзной карточной системы в 1929–1935 и 1941–1947 годах.

² Например, в годы Гражданской войны и начале НЭПа большая часть зарплаты выдавалась рабочим в виде продовольственного пайка.

в формировании и поддержании мотивации рабочих к труду в чрезвычайной обстановке 1941–1945 годов. Поиск ответа на него побуждает обратить особое внимание на систему оплаты в военно-промышленном производстве восточных районов страны, давших фронту львиную долю вооружения и боеприпасов. В частности, речь идет о предприятиях Новосибирска, в совокупности представлявших крупнейший за Уралом узел оборонной индустрии и смежных с ней отраслей машиностроения, металлургии и химической промышленности.

В советской историографии зарплата рабочего класса Российской империи и СССР, в том числе в военные годы [1], традиционно рассматривалась как один из аспектов его материально-бытового положения. В этом смысле фундаментальные работы, в которых проанализирован исторический опыт социально-экономического развития сибирского тыла, также не были исключением [2]. В 1990-е – 2000-е годы в отечественной исторической науке подходы к изучению оплаты труда на дореволюционных и советских предприятиях существенно изменились. Современные исследователи охарактеризовали место и роль заработка среди трудовых стимулов рабочих Центральной России и Урала во второй половине XIX – XX вв. [3–6], проанализировали законодательство и правоприменительную практику в области заработной платы в 1917–1941 гг. [7; 8]. В меньшей степени данные вопросы разрабатывались в контексте истории оборонной промышленности Советской России и СССР [9], в том числе периода Великой Отечественной войны [10]. На сегодняшний день тема материального стимулирования тружеников военпрома по сравнению с проблемами организации и развития выпуска вооружения и боеприпасов, по-прежнему, остается второстепенной.

Схожая ситуация сохраняется и в историческом сибиреведении. Например, в монографиях, посвященных истории создания и развития оборонного производства Сибири в годы войны [11; 12], формирования и использования его кадрового потенциала [13; 14], вопрос о заработной плате, включая применение сдельно-прогрессивных и премиальных систем, изучается преимущественно в общем русле производственной или бытовой повседневности рабочих. Вместе с тем, к настоящему времени появились отдельные исследования, в которых предпринимаются попытки оценить их заработок как трудовой стимул в условиях военного времени [15–17]. Дальнейшее изучение данного аспекта позволит в полной мере понять то, как работала система материального стимулирования на крупных предприятиях сибирского тыла и какое влияние она оказывала на мотивацию тружеников к производственной деятельности. В связи с этим целью данного исследования является выявление организации и динамики оплаты труда рабочих, а также факторов сокращения и сохранения ее реального содержания на примере военно-промышленного производства Новосибирска в 1941–1945 годах.

Методологической базой исследования является концепция о существовании трех универсальных трудовых стимулов – вознаграждения, побуждения и принуждения [18]. Согласно ее положениям заработная плата является основным видом вознаграждения рабочих, представлявшего собой совокупность материальных поощрений в денежной и натуральной форме. В годы войны эти формы были максимально взаимосвязаны друг с другом, что обусловило изменение роли зарплаты в стимулировании труда рабочего персонала новосибирских предприятий по сравнению с предвоенными пятилетками.

К началу 1940-х годов Новосибирск стал одним из динамично развивающихся индустриальных центров Западной Сибири. В городе действовали предприятия машиностроения, легкой и пищевой промышленности. Кроме того, были частично введены в эксплуатацию авиационный завод № 153 (им. Чкалова) и комбинат № 179 (Сибметаллстрой) по выпуску боеприпасов. Одновременно осуществлялось сооружение ряда новых заводов. Во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. в связи с массовой эвакуацией Новосибирск превратился в настоящий военно-промышленный мегаполис. За это время в столицу Сибири прибыли оборудование и кадры 27 крупных предприятий. На их базе было существенно расширено производство боевых самолетов и боеприпасов, созданы с нуля оптико-механическая и электротехническая отрасли. Укрепилась довоенная база машиностроения, отчасти переведенного на изготовление продукции для фронта. Появились металлургические и химические заводы, работавшие в тесной кооперации с «оборонкой». Благодаря интенсивному индустриальному развитию города общая численность рабочих новосибирской промышленности выросла с 36,2 тыс. в середине 1941 г. до 97,6 тыс. в 1943 г. [11, с. 413]. При этом доля трудящихся, занятых в оборонных и смежных с ними отраслях, выросла с 35,2 до 81,8 %. Основную массу работников военно-промышленного производства составляли женщины и молодежь, заменившие у станков мужчин, мобилизованных в действующую армию. Для интенсификации их труда руководство отраслевых наркоматов и предприятий использовало широкий набор материальных стимулов, включая различные формы денежного вознаграждения.

Организация и динамика оплаты труда

Для осмысления роли заработной платы в стимулировании рабочих необходимо, прежде всего, проанализировать организацию и динамику оплаты их труда. В данном случае на заводах Новосибирска получили развитие тенденции, характерные для советской промышленности в целом.

Фонд оплаты труда

Общую картину организации оплаты труда на предприятиях СССР в годы войны позволяет охарактеризовать структура фонда заработной платы. Последний включал совокупность всех денежных выплат персоналу, общая сумма которых строго лимитировалась отраслевыми наркоматами в зависимости от установленного для каждого завода производственного плана. Общий заработок рабочих состоял из основной зарплаты и различных доплат. Основная зарплата подразделялась на повременную и сдельную, доплаты – на прогрессивные, премиальные, сверхурочные, отпускные и т. п. В первом случае руководство наркоматов и предприятий в качестве наиболее действенного стимула для повышения производительности труда применяло сдельщину, во втором – прогрессивку и премии. Данные практики опирались на опыт активного внедрения стимулирующих форм денежного вознаграждения в промышленности в 1920-е – 1930-е годы.

В первой половине 1940-х годов подобная ситуация сложилась и в военно-промышленном производстве Новосибирска. Годовые отчеты предприятий, относившихся к станкостроительной, химической, боеприпасной и электровакуумной отраслям промышленности города, свидетельствуют о том, что более половины фонда оплаты труда или как минимум основной зарплаты рабочих приходилось на сдельщину. Совокупная доля прогрессивки и премий, напротив, имела минимальные значения, что было связано с борьбой дирекций и профсоюзов за экономию общей заработной платы. В совокупности стимулирующие выплаты, как правило, играли ведущую роль в материальном поощрении трудящихся. За годы войны их доля в денежном вознаграждении основной категории заводского персонала существенно возросла (см. табл. 1). Такое положение обуславливалось необходимостью налаживания и наращивания выпуска вооружения и боеприпасов, а также продукции, востребованной в оборонном производстве (оборудование и инструмент, химическое сырье и т. п.).

Таблица 1

Структура фонда оплаты труда рабочих на предприятиях Новосибирска
в 1940–1945 гг., в %*

Предприятие, отрасль	Виды оплаты	1940	1941	1942	1943	1944	1945
завод им. XVI партсъезда	основная зарплата/	82,3/	78,2/		82,3/	84,5/	85,6/

(станкостроительный)	сдельщина	59,9	56,1		63,7	68,0	72,5
	доплаты/ прогрессивка и премии	17,7/ 5,6	21,8/ 3,6		17,7/ 0,5	15,5/ 0,3	14,4/ 0,07
	весь фонд/ стимулирующие выплаты	100,0/ 65,5	100,0/ 59,7		100,0/ 64,2	100,0/ 68,3	100,0/ 72,57
завод № 759 (химический)	основная зарплата/ сдельщина			85,8/ 47,2	80,5/ 43,0	69,0/ 44,0	74,0/ 49,3
	доплаты/ прогрессивка и премии			14,2/ 2,8	19,5/ 6,0	31,0/ 15,8	26,0/ 10,2
	весь фонд/ стимулирующие выплаты			100,0/ 50,0	100,0/ 49,0	100,0/ 59,8	100,0/ 59,5
комбинат № 179 (производство боеприпасов)	основная зарплата/ сдельщина					79,5/ 59,8	78,0/ 58,1
	доплаты/ прогрессивка и премии					20,5/ 5,0	22,0/ 4,4
	весь фонд/ стимулирующие выплаты					100,0/ 64,8	100,0/ 62,5
завод № 617 (электро- вакуумный)	основная зарплата/ сдельщина		84,1/ 13,2	83,9/ 52,1	86,6/ 56,8	89,5/ 65,9	84,9/ 64,1
	доплаты/ прогрессивка и премии		15,9/ 0	16,1/ 0,3	13,4/ 2,3	10,5/ 3,5	15,1/ 2,5
	весь фонд/ стимулирующие выплаты		100,0/ 13,2	100,0/ 52,4	100,0/ 59,1	100,0/ 69,4	100,0/ 66,6

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 141. Л. 11; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 34. Л. 25; Д. 45. Л. 9; Д. 69. Л. 15; Д. 83. Л. 13; Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 8. Л. 11; Д. 17. Л. 12; Д. 24. Л. 16; Д. 200. Л. 12; Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; Д. 10. Л. 22.

Статистические данные по представленной группе предприятий Новосибирска показывают, что основным инструментом денежного поощрения их рабочих в годы войны являлась сдельщина. Ставка наркоматовского и заводского руководства на этот стимул оказывала существенное влияние на формирование тарифных сеток заработной платы, составлявших основу организации оплаты труда в промышленности.

Тарификация заработной платы

К началу войны в важнейших отраслях советской индустрии произошла унификация тарифных сеток и ставок заработной платы. В 1938 г. на предприятиях Наркомата оборонной промышленности была установлена единая восьмиразрядная сетка. Разница в зарплате между первым и восьмым разрядами составляла 1:3,6. В начале 1940 г. вместо действовавших ранее 20 ставок были установлены три: для повременщиков на холодных работах³; для повременщиков на горячих и вредных работах⁴ и сдельщиков на холодных работах; сдельщиков на горячих и вредных работах и станочных работах с расчетными нормами [9, с. 404, 409]. Меры по упорядочению оплаты труда коснулись также гражданских отраслей, выполнявших некоторые оборонные заказы.

С унифицированными сетками и ставками заработной платы в «грозовые сороковые» вступило и промышленное производство Новосибирска. Об этом свидетельствуют данные по комбинату Сибметаллстрой и заводу им. XVI партсъезда (см. табл. 2 и 3). На крупнейшем в стране комбинате по выпуску снарядов максимальный коэффициент оплаты труда соответствовал их предвоенному уровню в оборонной промышленности (3,6). При переходе рабочего на более высокий разряд его зарплата увеличивалась в 1,2 раза. При этом сдельщик зарабатывал на 20–30 % больше, чем повременщик. Кроме того, за выполнение работ при высоких физических нагрузках, температурном режиме в цехе, на вредных участках производства полагались надбавки в 15–20 % к сдельной ставке или повременному окладу. Благодаря этим сведениям и величине заработка повременщика первого разряда, удалось рассчитать приблизительные размеры тарифных ставок на комбинате № 179 в 1943 г. (табл. 2). Их соотношение в крайних разрядах показывает, что разница в заработной плате у самых низко- и высокооплачиваемых рабочих в действительности была пятикратной.

Схожие принципы материального стимулирования применялись и на станкостроительном заводе. Так, в 1940 г. при переходе рабочих предприятия на следующий разряд заработная плата увеличивалась на 18 %, в 1943 г. – на 20 %. В первые два года войны на предприятии, выпускавшем одновременно станки и комплектующие части боеприпасов, коэффициенты оплаты труда достигли уровня «оборонки». В 1940 г. разрыв между минимальной и максимальной ставками составлял 1:3,2, в 1943 г. – 1:3,6. Одновременно увеличилась разница в заработках повременщиков и сдельщиков (с 11,1 до 14,0 %), сдельщиков, занятых на более

³ Холодные работы – станочные операции по изготовлению металлических изделий, а также работы по обслуживанию производства (ремонт оборудования, эксплуатация электросетей и т.п.).

⁴ Горячие работы – операции, выполняемые при высоких температурных режимах (например, литейное производство или работа в котельной и т.п.); вредные работы – операции, выполняемые на производственной вредности (в основном работы с химическими веществами, в том числе взрывоопасными).

или менее тяжелых работах (от 15,7 до 19,3 %). Эти изменения в тарифной сетке привели к росту дифференциации зарплаты между самыми низко- и высокооплачиваемыми рабочими: в 1940 г. – в 4,1 раза, в 1943 г. – 4,9 раза. Последний показатель был вполне сопоставим с аналогичными данными по комбинату № 179.

Несмотря на наличие общих тенденций, в тарификации оплаты труда на комбинате Сибметаллстрой и заводе им. XVI партсъезда имели место также отраслевые различия. Основным из них являлась разница в величине поразрядных ставок рабочих. На снаряжном комбинате зарплата повременщиков, занятых на холодных работах, была на 20 % выше, чем на станкостроительном заводе. Среди сдельщиков этот показатель составлял от 26,8 до 37,4 %. На горячих и тяжелых работах заработка повременщиков Сибметаллстроя превышали уровень завода им. XVI партсъезда на 21,5 %, сдельщиков – на 27,6 %. Следовательно, на оборонных предприятиях Новосибирска действовали более высокие ставки, чем на гражданских, временно переориентированных на выпуск продукции для фронта.

Таблица 2

Тарифная сетка оплаты труда рабочих на комбинате № 179 в 1943 г.*

Разряды тарифные коэффициенты	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
повремен- щики на холодных работах	212,00	254,40	305,30	366,35	439,60	527,50	633,00	759,65
повремен- щики на горя- чих и тяжелых работах**	243,80/ 254,40	292,55/ 305,30	351,10/ 366,35	421,30/ 439,60	505,55/ 527,50	606,60/ 633,00	727,95/ 759,65	873,60/ 911,60
сдельщики на холодных работах**	254,40/ 275,60	305,30/ 330,70	366,35/ 396,90	439,60/ 476,25	527,50/ 571,50	633,00/ 685,75	759,65/ 822,90	911,60/ 987,55
сдельщики на горячих и тяжелых работах**	292,55/ 305,30	351,10/ 366,35	421,30/ 439,60	505,55/ 527,50	606,60/ 633,00	727,95/ 759,65	873,60/ 911,60	1048,35/ 1093,95

* Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43–44; ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 141. Л. 11.

** В данном случае указаны минимальный и максимальный размер ставок повременщиков и сдельщиков.

Таблица 3

Тарифная сетка месячной оплаты труда рабочих на заводе им. XVI партсъезда (1940/1943)*

Разряды	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Тарифные коэффициенты	1,0/ 1,0	1,18/ 1,2	1,39/ 1,45	1,64/ 1,75	1,94/ 2,1	2,3/ 2,5	2,7/ 3,0	3,2/ 3,6
Ставки повременщиков на холодных работах	110,25/ 176,00	129,50/ 211,20	154,00/ 253,45	180,25/ 304,10	213,50/ 364,95	253,75/ 437,95	299,45/ 525,55	353,35/ 630,65
Ставки повременщиков на горячих работах и сдельщики на холодных работах	122,50/ 200,65	145,25/ 240,75	169,75/ 288,90	201,25/ 346,70	238,00/ 416,00	281,75/ 499,20	332,45/ 599,00	392,30/ 718,80
Ставки сдельщиков на горячих работах	141,75/ 239,35	163,00/ 287,25	197,75/ 344,70	232,75/ 413,60	274,75/ 496,35	325,50/ 595,60	384,10/ 714,25	453,20/ 857,00

* ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 39. Л. 2; Д. 64. Л. 46.

Сравнительный анализ тарифных сеток заработной платы рабочих двух предприятий Новосибирска (оборонного и гражданского) в годы войны показал, что при одинаковых условиях труда сдельная оплата превышала повременную независимо от значения той или иной отрасли для обороны страны. Данный фактор позволял руководству наркоматов и дирекциям заводов принимать меры по переводу рабочего персонала, в первую очередь, на различные виды сдельщины.

Стимулирующие формы оплаты труда: сдельщина и премирование

К началу войны в советской промышленности сложились практики активного внедрения сдельной и премиальной оплаты, нацеленной на повышение производительности труда. Сдельщина оплачивалась по тарифным и прогрессивным (в зависимости от перевыполнения нормы) расценкам. Премии начислялись с учетом размера основного заработка или прогрессивной шкалы (в зависимости от перевыполнения задания). Руководствуясь директивными установками наркоматов, администрации заводов вели настоятельную борьбу за широкое распространение этих стимулов в рабочей среде.

В первой половине 1940-х годов данная задача стала еще более актуальной как для оборонной промышленности, так и смежных с ней отраслей. В частности, об этом свидетельствует высокий удельный вес сдельщиков на ряде крупных предприятий Новосибирска. С января по декабрь 1942 г. на заводе № 617 их прослойка

выросла с 19 до 61 %, с января по декабрь 1943 г. – с 49 до 64 %⁵. В середине 1942 г. на комбинате № 179 доля сельщиков достигла в среднем 60–80 %, в начале 1944 г. – 61,4 %, в начале 1945 г. – 70,2 %. В мае 1944 г. на четырех новосибирских заводах НКБ этот показатель варьировался от 47,7 до 59,2 %. В это время на сельщине находилось около 60 % рабочих промышленности боеприпасов СССР⁶.

Типичная ситуация сложилась на машиностроительных и химических предприятиях Новосибирска. Например, на заводе им. XVI партсъезда доля сельщиков увеличилась с 69,6 % в конце 1940 г. до 74,9 % в середине 1943 года⁷. На заводе № 759 в 1942 г. сельскую оплату получали 51,3 % рабочих, в 1943 г. – 56,8 %, в 1944 г. – 55,3 %. В первом квартале 1943 г. на заводе «Тяжстанкогидропресс» она выплачивалась 53,2 % трудящихся, в четвертом квартале 1943 г. – 67,8 %⁸. Приведенные данные отражают картину интенсивного применения сельщины в военно-промышленном производстве, созданного в крупнейшем индустриальном городе Западной Сибири.

Заработная плата сельщиков начислялась на основе тарифных расценок, зависевших от их квалификации и условий труда. На отдельных производственных участках, где требовалось повысить выработку, вводились также прогрессивные расценки. Представление о шкале прогрессивки на оборонных предприятиях дают документы Наркомата боеприпасов СССР. В годы войны в данной отрасли использовалось две таких шкалы с учетом разновидностей норм выработки, установленных на станочных работах. При перевыполнении опытно-статистических норм⁹ от 1 до 20 % сельская оплата за каждое сверхплановое изделие повышалась в полтора раза, от 20 % и выше – в два раза; при перевыполнении расчетных технических норм¹⁰ от 1 до 10 % – в два раза, от 10 % и выше – в четыре раза (табл. 4). В середине 1942 г. на комбинате № 179 этой системой прогрессивной оплаты были охвачены 50–60 % сельщиков (свыше 1/3 всех рабочих), а в начале 1945 г. – 31 % (свыше 1/5). На заводе № 635 на 1 января 1943 г. на прогрессивке находились 23,3 % сельщиков, на 1 января 1944 г. – 28,1 %, на 1 января 1945 г. – 35,4 %¹¹. Изменение доли рабочих, переведенных на прогрессивную сельщину, обуславливалось динамикой производительности труда, влиявшей на масштабы применения данного стимула на тех или иных предприятиях.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; Д. 10. Л. 22.

⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 30–32; ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 74. Л. 210–211.

⁷ Там же. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 39. Л. 4; Д. 75. Л. 12.

⁸ Там же. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 8. Л. 46; Д. 17. Л. 47; Д. 24. Л. 38; Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

⁹ Нормы выработки, учитывавшие только достигнутые производственные показатели.

¹⁰ Нормы выработки, учитывавшие перспективы технологического совершенствования производства.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 63; ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 31; Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 87; Д. 45. Л. 29.

Таблица 4

Шкала сдельно-прогрессивной оплаты на предприятиях НКБ СССР
в годы войны*

Виды работ	Перевыполнение нормы, %	Рост сдельного расценка за сверхплановые изделия, %
Станочные работы с опытно-статическими нормами	от 1 до 20	50
	от 20 и выше	100
Станочные работы с расчетными техническими нормами	от 1 до 10	100
	от 10 и выше	200

* ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43–44.

В гражданских отраслях промышленности Новосибирска действовали собственные системы сдельно-прогрессивной оплаты. В качестве примера можно привести шкалу прогрессивки, сложившуюся к 1940 г. на заводе им. XVI партсъезда (табл. 5). Документы предприятия не позволяют однозначно утверждать, изменилась ли эта шкала в годы войны или осталась прежней. Вместе с тем, фрагментарные данные об дальнейшем использовании на заводе подобной формы денежного стимулирования позволяют склониться к первому предположению. Так, в декабре 1943 г. на одной из отстающих от производственного графика операций была введена следующая прогрессивная система: при выполнении нормы на 100 % за одно изделие выплачивалось 65 коп., от 101 до 120 % – 1 руб. (рост расценки – на 54 %), свыше 120 % – 1 руб. 50 коп. (на 103 %)¹². Если в данном случае стопроцентный рост сдельного расценки начинался после 20 % сверхплановой выработки, то в шкале 1940 г. – после 40 %. То есть условия выплаты прогрессивки стали менее жесткими, что наводит на мысль о стремлении дирекции завода усилить ее стимулирующий эффект с целью повышения выпуска продукции.

¹² ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

Таблица 5

Шкала сдельно-прогрессивной оплаты на заводе им. XVI партсъезда
в 1940 г.*

Перевыполнение норм выработки	Рост сдельного расценка за сверхплановые изделия, %
От 1 до 10	30
10 до 20	50
20 до 40	75
40 и выше	100

* ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 39. Л. 9.

Наряду с различными видами сдельщины, для стимулирования труда на новосибирских предприятиях применялись повременно- и прогрессивно-премиальные системы. Они использовались для поощрения рабочих за снижение простоев и высокое качество ремонта оборудования, экономию топлива, сырья и материалов. В рамках повременно-премиальных систем за эти производственные достижения полагались дополнительные выплаты в размере 20–50 % тарифного оклада. На 1 января 1945 г. на комбинате № 179 таким премированием были охвачены 2,5 тыс. чел. или более половины рабочих-повременщиков¹³.

Прогрессивно-премиальные системы распространялись как на повременщиков, так и сдельщиков. Например, на заводе № 617 действовало положение о премировании рабочих и ИТР электропромышленности за экономное расходование топлива, тепловой и электрической энергии. За соблюдение норм их расхода полагалась премия в размере 10 % от сдельной ставки или повременного оклада. При снижении топливных и энергетических затрат до 5 % премиальные выплаты увеличивались на 2–5 %, от 5 до 10 % – на 5–10 %, свыше 10 % – на 10–20 %. В случае замены привозного топлива местным размер премии возрастал до 75 % от основной зарплаты. Данная система премирования была ориентирована на сталеваров, подручных сталеваров, канавщиков, разлильщиков, машинистов завалочных машин, шихтовщиков, форсунщиков, листопрокатчиков, термитчиков, стекловаров, настройщиков и установщиков электровакуумного оборудования, и ряд других рабочих специальностей, связанных с эксплуатацией топливо- или энергопотребляющих агрегатов¹⁴.

В годы войны на крупных предприятиях Новосибирска охват рабочих имевшимися в арсенале заводского руководства денежными стимулами был весьма значительным. Однако этот формальный показатель отнюдь не означал, что стимулирующие системы оплаты труда были налажены рационально и эф-

¹³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 30.¹⁴ Там же. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

фактивно. Напротив, в ходе их настройки возникали сложные проблемы, решение которых требовало особого внимания отраслевых наркоматов, профсоюзов и дирекций заводов к вопросам организации заработной платы.

Стимулирующие формы оплаты труда: проблемы внедрения и их преодоление

Комплекс документов военно-промышленных наркоматов и подчинявшихся им новосибирских предприятий позволяет выделить две основные проблемы, затруднявшие эффективное использование обычной и прогрессивной сдельщины: невыполнение норм выработки значительной частью трудящихся; отсутствие должного внимания к нормированию и организации труда со стороны руководящих ИТР.

Первая проблема была обусловлена, прежде всего, относительно низкой квалификацией рабочих. Например, в 1940 г. на комбинате «Сибметаллстрой» их средний разряд составлял 3,58, на заводе им. XVI партсъезда – 3,8 (у сдельщиков – 3,4)¹⁵. Во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. на производство поступила значительная масса женщин и молодежи, не имевших профессионального опыта. В связи с этим квалификационный уровень трудящихся стал еще ниже, особенно на эвакуированных предприятиях. В первом полугодии 1942 г. средняя разрядность рабочих завода № 208, перебазированного из Ленинграда, соответствовала коэффициенту 2,6 при плановом показателе 3,6¹⁶. Схожее положение в это время было также характерно для ряда других предприятий Новосибирска.

Невысокий культурно-технический уровень основной массы производственного персонала вел к низкой выработке даже при наличии материальных стимулов к ее повышению. Если в 1940 г. на комбинате № 179 задание не выполняли 36 % сдельщиков, то в конце 1941 г. – 41 %¹⁷. Но уже к маю 1942 г. удельный вес таких рабочих на предприятии сократился до 16,4 %. В это время на заводе им. Чкалова ниже одной нормы выработывали 14 % сдельщиков, на заводе № 69 – 15,3 %, на заводе № 208 – 17,0 %¹⁸. Снижение этого негативного показателя было вызвано ускоренной подготовкой новых кадров и повышением их квалификационного уровня.

Позитивное влияние производственного обучения на условия применения сдельщины можно показать на примере завода № 617. Данное предприятие, выпускавшее сложнейшие электровакuumные изделия, после эвакуации испытывало

¹⁵ РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1499. Л. 81; ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 39. Л. 4.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-745. Оп. 1. Д. 205. Л. 122.

¹⁷ РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1499. Л. 81; ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

¹⁸ *Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны*. Сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 365.

острейшую нехватку высококвалифицированных кадров. В 1942 г. из вновь набранных на завод работников специальности получили 1226 чел., повысили квалификацию – 617, в 1943 г. – 203 и 682 человек. Подготовка и профессиональный рост новых рабочих способствовали сокращению удельного веса сдельщиков, не выполняющих нормы. За 1942 г. их доля уменьшилась с 29,0 до 8,2 %, за 1943 г. – с 8,0–10,0 до 2,5–3,0 %¹⁹. Минимизация прослойки работников с выработкой ниже 100 % позволяла более результативно использовать сдельную и сдельно-прогрессивную оплату для интенсификации труда на предприятии.

Наряду с невысокой технической культурой, на эффективности материального стимулирования рабочих отрицательно сказывалось недостаточное внимание заводского руководства к необходимым для налаживания оборонного производства организационно-техническим мероприятиям. В первый год войны на новосибирских предприятиях НКБ рациональное использование сдельщины затрудняла слабая работа по совершенствованию системы нормирования. Весной 1942 г. в промышленности боеприпасов началась кампания по переходу с опытно-статистических норм, установившихся нередко «на глазок», на хронометражные²⁰ и расчетно-технические. Вместе с тем, в мае этого года на комбинате № 179 доля последних выросла лишь с 30,5 до 38,9 %. На заводе № 65 нормы, учитывавшие реальные производственные возможности, составляли около четверти основных количественных показателей выпуска продукции²¹. В свою очередь, преобладавшие опытно-статистические нормы относительно легко перевыполнялись значительной массой рабочих, получавших высокую зарплату без повышения производительности труда.

Другой крайностью являлась погоня многих руководящих ИТР за количественным ростом норм и снижением расценок. К середине 1942 г. на комбинате № 179 производственные показатели в среднем были повышены на 23 %, вместо плановых 10 %, а расценки – снижены на 17,5 %, вместо 9,1 %. В частности, руководство заводов № 1 и № 3 увеличило нормы на 11,3 и 18,5 % при плане в 10 %, завода № 4 – на 40 % при плане 15 %. Такой разницей в нормировании способствовал колоссальному разрыву в оплате труда у рабочих с одинаковыми профессиями и квалификациями. Например, токарь Иванов выполнил месячное задание на 107 % и заработал 1772 руб., Цыбина – 110 % и 416 руб., Щонкина – 170 % и 770 рублей. Необоснованная разница в заработной плате была связана с хаотичной выплатой прогрессивки. В июне 1942 г. в цехе № 61 ее размер у отдельных рабочих соста-

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 5. Л. 12, 15; Д. 10. Л. 22, 28.

²⁰ Нормы выработки, учитывавшие реальное время выполнения производственного задания.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 62.

вил от 14 до 1130 руб., в цехе № 66 – от 1 руб. 21 коп. до 538 рублей²². В результате на одних производственных участках комбината прогрессивная сдельщина привела к перевыполнению плана, а на других – не помогала уложиться даже в существующие нормы.

Сложившаяся на головном предприятии НКБ ситуация с организацией нормирования и оплаты труда была подвергнута анализу и критике со стороны комиссии отраслевого профсоюза, прибывшей на комбинат № 179 в августе 1942 года. По итогам ее работы было принято постановление, ориентировавшее дирекцию и завком Сибметаллстроя на создание условий для эффективного применения денежных стимулов. В дальнейшем поставленная задача была относительно успешно решена. К концу войны на предприятии выросла доля хронометражных и расчетно-технических норм: к 1 января 1944 г. – до 83,0 %, к 1 января 1945 г. – до 87,6 %. То есть более 4/5 производственных показателей приходилось на нормы, учитывавшие совершенствование технологии выпуска оборонной продукции. Благодаря более рациональному нормированию руководству комбината удалось упорядочить практику начисления зарплаты. Так, в январе 1944 г. станочники третьего разряда зарабатывали в среднем 514 рублей, в том числе за счет прогрессивки – 26 руб., четвертого разряда – 587 и 51 руб., пятого разряда – 656 и 69 руб., шестого разряда – 722 и 68 рублей²³. Следовательно, заработки, включая прогрессивные выплаты, увеличивались в соответствии с повышением разряда и производительности труда.

За годы войны на предприятиях Новосибирска произошло качественное улучшение условий и механизмов денежного стимулирования рабочих. Такая позитивная тенденция позволяла руководству заводов добиваться главной цели, ради которой оно широко внедряло сдельщину и премиальные системы – сочетания роста выработки и заработной платы трудящихся.

Динамика производительности труда и заработной платы

Более динамичный рост выпуска продукции по сравнению с увеличением заработной платой стал одной из важнейших задач экономической политики советского государства еще в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. К началу войны она была в целом осуществлена. В первой половине 1940-х годов уже реализованная ранее в отношении рабочих установка «Хочешь получить рубль, заработай три» была перенесена в военно-промышленное производство восточных районов СССР.

²² ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 61–65.

²³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 31–32.

Об этом свидетельствуют усредненные статистические показатели, позволяющие охарактеризовать соотношение среднемесячной выработки и заработной платы рабочего в промышленности Новосибирска (см. табл. 6). За 1942 г. данные приведены по 14 предприятиям, в 1943–1944 гг. – по 16 предприятиям. Такая разница в их числе не оказывает существенного влияния на общую картину динамики производительности и оплаты труда. В 1943 г. выработка выросла по сравнению с предыдущим годом на 25,4 %, заработок – на 11,0 %, в 1944 г. – на 23,4 и 14,7 %. В итоге за три года войны выпуск изделий одним рабочим увеличился на 54,7 %, а его заработная плата – на 27,3 %. В абсолютном выражении трудовые доходы рабочих по представленной группе новосибирских предприятий увеличились с 520 до 662 руб. (табл. 6).

В оборонных отраслях разрыв между приростом выработки и заработка был значительно выше, чем в гражданских. В 1944 г. в военной промышленности Новосибирска производительность превышала уровень 1942 г. на 72,5 %, оплата – на 25,1 %, невоенной – на 59,5 и 55,7 % (см. табл. 6). Эти данные показывают, что в «оборонке» технологические факторы интенсификации труда применялись гораздо лучше, чем в целом в остальном производстве. В свою очередь, внедрение поточных линий и механизация трудоемких операций, рационализаторство и техническое изобретательство, регулярный и последовательный пересмотр норм, побуждали заводские администрации к стимулированию рабочих все более «длиным» рублем. В целом выработка и зарплата труженников военпрома превышали средние показатели по всей промышленности и особенно по ее гражданскому сектору.

В необоронных отраслях, частично переведенных на выпуск продукции для фронта, положение было менее однозначным. Например, к 1944 г. на отдельных металлургических и химических заводах производительность и оплата существенно выросли, что обуславливалось их более тесными кооперационными связями с оборонной индустрией. В машиностроении (заводы им. XVI партсъезда, им. Воскова) в условиях сворачивания с 1943 г. выпуска боеприпасов и возвращения к исключительно гражданскому профилю выработка снижалась неуклонно или с последующим возрастанием. Однако руководство отраслевого наркомата продолжало повышать зарплату, очевидно, чтобы быстрее перестроить предприятия на мирные рельсы. В связи с этим при увеличении разницы в выпуске продукции одним рабочим между военной и невоенной промышленностью происходило их сближение по уровню оплаты труда.

В первой половине 1940-х годов рост заработной платы рабочих Западной Сибири являлся более интенсивным, чем по СССР. По региону он составил 79 %, в то время как по стране – 42 %. Типичная ситуация сложилась и в ведущих отраслях военнопromышленного производства. Например, с 1940 по 1944 г. в авиационной индустрии заработок вырос на 45 %²⁴, а на новосибирском заводе им. Чкалова – на 82 %

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36.

(см. табл. 6). Увеличение зарплаты достигалось, главным образом, за счет повышения квалификации и тарифных ставок основной массы персонала (прежде всего, сдельщиков), а также прогрессивки, премий и других доплат. При этом, наряду с денежным вознаграждением, широкое распространение получили натуральные (материальные) и моральные стимулы, также поддерживавшие мобилизационный настрой трудящихся при выполнении производственных заданий.

Таблица 6

Среднемесячная выработка и зарплата одного рабочего на предприятиях
Новосибирска в 1942–1944 гг., руб.*

отрасль	предприя- тие	1942		1943		1944	
		выра- ботка	зарп- лата	выра- ботка	зарп- лата	выра- ботка	зарп- плата
промышленность боеприпасов	комбинат № 179	2250	514	3017	574	3867	639
	завод № 65	2517	516	2092	530	3742	632
	325	4750	649	6241	680	8933	715
	556	1883	545	2183	608	2525	730
	564	2100	544	2758	625	3300	640
	635	2283	667	3367	695	4067	760
промышленность вооружения	завод № 69 188			7242 1967	725 720	5667 2425	813 812
авиационной промышленности	завод № 153	1742	665	2583	686	3642	788
электропромыш- ленности	завод № 590 617	3142	478	4700	499	5658	567
		1292	445	2117	507	2474	581
итого по оборон- ным отраслям		2440	558	3479	623	4209	698
черная металлургия	завод № 702	1550	427	2825	532	4867	734
машиностроение	завод им. XVI партсъезда им. Воскова Тяжстанко- гидропресс	3817	473	2026	514	920	623
		3133	518	2788	547	3297	612
		311	468	733	404	864,5	451
химическая промышленность	завод № 759	5417	382	5204	375	7745	503
итого по гражданским отраслям		2219	377	2715	474	3539	587
всего по промышленности		2585	520	3241	577	3999	662

* *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири... С. 415–416; ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 74. Л. 210–211; ГАНО. Ф. 11. Оп. 46. Д. 27. Л. 1; Д. 60. Л. 27; Д. 85. Л. 15; Д. 88. Л. 32; Д. 91. Л. 17; Д. 92. Л. 25; Д. 96. Л. 35; Д. 99. Л. 13; Д. 126. Л. 12; Д. 122. Л. 10; Д. 128. Л. 29; Д. 131. Л. 12; Д. 132. Л. 14; Д. 137. Л. 29; Д. 140. Л. 42; Д. 142. Л. 32; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 34. Л. 25; Д. 45. Л. 7; Д. 69. Л. 15; Д. 83. Л. 13; Д. 13. Л. 12; Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Д. 8. Л. 50; Д. 15. Л. 48; ГАНО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 5. Л. 74; Д. 9. Л. 118; Д. 19. Л. 118.

Следовательно, в годы войны на предприятиях Новосибирска при опережающем росте производительности труда произошло значительное увеличение номинального размера заработной платы рабочих. Однако повышение заработка по существу нивелировалось факторами повседневной жизни крупнейшего за Уралом тылового города, негативно влиявшими на покупательную способность работающих новосибирцев.

Заработная плата и условия жизни рабочих

После выявления организации и динамики оплаты труда важно обратить внимание на условия жизни рабочих, воздействовавшие на реальное содержание их заработков в военное время. В данном случае речь идет о факторах, как снижающих, так поддерживающих уровень зарплаты производственного персонала.

Факторы снижения реальной зарплаты

С началом Второй мировой войны жизненный уровень трудящихся, стабилизировавшийся в середине 1930-х годов, вновь стал снижаться из-за возросших трудностей в обеспечении городского населения необходимым минимумом благ. После нападения Германии на СССР материальное положение рабочих, в том числе в Новосибирске, ухудшилось еще больше. Данное явление было связано с увеличением фискального пресса со стороны государства и стремительной инфляцией в сфере рыночной торговли.

Рост налогообложения, непосредственно касавшийся гражданского населения, начался уже в первые недели войны. 3 июля 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР в зависимости от размера заработной платы была установлена надбавка к подоходному налогу. Для рабочих и служащих (с заработком от 300 руб. и выше), не призывавшихся на военную службу, она составляла от 50 до 100 %, получивших бронь или временно освобожденных от мобилизации в РККА – от 100 до 200 %. С 1 октября 1941 г. вводился также налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан²⁵. Этот фискальный платеж распространялся на мужчин от 20 до 50 лет и женщин от 20 до 45 лет. В частности, при месячном заработке до 150 руб. с рабочих удерживалось 5 руб., свыше 150 руб. – 5 % от заработка. Эти отчисления производились в основном с трудовых доходов юных заводчан, не успевших создать семьи.

²⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // Исторические материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/24347> (дата обращения 1.08.2014)

С 1 января 1942 г. из-за резкого увеличения расходов на оборону с граждан от 18 лет и старше стал взиматься военный налог²⁶. От него освобождались военнослужащие, члены их семей, получавшие пособия от государства, инвалиды и пенсионеры без дополнительных заработков. Среди рабочих данные налоговые вычеты не распространялись лишь на жен и детей бойцов и командиров действующей армии. В свою очередь, к ежемесячной уплате налога привлекались все мужчины, а также женщины и молодежь, чьи мужья и отцы работали на производстве или попали во вражеский плен. В зависимости от величины заработной платы его ставка составляла от 6,7 до 11,25 % при условии отмены надбавок к подоходному налогу, введенных в июле 1941 года. Для трудящихся, получивших бронь, ставки увеличивались на 50 %. В целом общая сумма налоговых сборов с рабочих и служащих выросла с 6,1 млрд. руб. в 1940 г. до 29,1 млрд. руб. в 1945 г., то есть почти в пять раз²⁷. Однако с учетом сокращения их общей численности реальный рост налогообложения был еще более значительным.

Наряду с возрастанием налогов, советское государство активизировало сбор с населения так называемых добровольных взносов. Основной их формой являлись ежегодные военные займы по гособлигациям. Совокупный объем займов за 1942–1945 гг. достиг 90 млрд. руб., превысив в два раза уровень предвоенной пятилетки [19]. В частности, рабочие и служащие в 1943 г. приобрели облигаций на сумму 6,8 млрд. руб., в 1944 г. – 11,9 млрд, в 1945 г. – 12,9 миллиардов рублей²⁸. Кроме того, был создан фонд обороны, в который направлялись денежные средства и другие материальные ценности.

В данных условиях отчисления из заработной платы персонала советской промышленности существенно превысили их довоенный уровень. К 1945 г. общий финансовый пресс, ложившийся на трудящихся, по сравнению с 1940 г. увеличился более чем в три раза. Если в 1940 г. из 340 руб., заработанных среднестатистическим рабочим, удерживалось 9,5 % (32 руб.), то в 1944 г. из 484 руб. – 28 % (135,5 руб.)²⁹. В связи с этим при росте его номинальной оплаты труда на 42 %, реальная зарплата увеличилась лишь на 13 %. В результате налоги и займы без учета огромной инфляции «съели» две трети роста трудовых доходов работников военно-промышленного производства.

²⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. «О военном налоге» // Исторические материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/24348> (дата обращения 1.08.2014)

²⁷ *Советская повседневность* и массовое сознание. 1939–1945. Сб. документов. М., 2003. С. 235.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Подобная ситуация была характерна и для предприятий Новосибирска. В частности, об этом свидетельствуют данные по заводу им. Чкалова и заводу им. XVI партсъезда. С 1940 по 1944 г. на авиационном предприятии номинальная заработная плата увеличилась на 82 %, реальная – 45 %, на станкостроительном – 80 и 43 % (см. табл. 7). Действительный рост зарплаты новосибирских рабочих был ниже формального почти в два раза, в то время как во всей промышленности СССР – в три раза. Такая разница обуславливалась тем, что заработки трудящихся Западной Сибири росли динамичнее, чем в целом по стране.

Таблица 7

Отчисления из заработной платы рабочих крупных предприятий Новосибирска в 1940, 1943 и 1944 гг.*

пред- приятия	1940				1943				1944			
	зарплата		отчис- ления		зарплата		отчис- ления		зарплата		отчисле- ния	
	н.**	р.**	абс	%	н.	р.	абс	%	н.	р.	абс	%
завод им. Чка- лова	433	392	41	9,5	665	476	189	27,5	788	567	221	28
завод им. XVI парт- съезда	346	313	33	9,5	514	373	141	27,5	623	449	174	28

* Подсчитано по: *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирска в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 415–416; *Советская повседневность...* С. 235; ГАНУ. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 34. Л. 25; Д. 45. Л. 7; Д. 69. Л. 15; Д. 83. Л. 13; Д. 13. Л. 12.

** н. – номинальная зарплата, р. – реальная зарплата

Наряду с мобилизацией денежных средств населения на борьбу с врагом, и без того низкий материальный достаток рабочих и членов их семей был серьезно подорван ростом рыночных цен на дефицитные товары. Согласно данным по колхозным рынкам 43 городов СССР с апреля 1941 по апрель 1943 г. стоимость одного килограмма картофеля выросла в 36,5 раза, капусты – 14,4, говядины – 10,7, молока – 24,2, масла – 15,9 раза³⁰. Ее существенное увеличение до предела сузило потребительскую корзину горожан. К концу войны цены на продукты питания снизились, но при этом были в несколько раз, а иногда и на порядок выше, чем в первом полугодии 1941 года.

Стремительное повышение цен на потребительские товары стало также неотъемлемой частью жизни новосибирцев. Наряду с фискальными платежами, оно резко сократило реальное содержание их заработков по сравне-

³⁰ Рассчитано по: *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945.* Стат. сборник. М., 1990. С. 17.

нию с довоенным уровнем. Весной – летом 1943 г. во время пика инфляции рабочие Новосибирска после уплаты налогов и займов могли купить на рынке лишь два метра ситца или три куска мыла, три килограммовых буханки хлеба или ведро картошки. В мае – июне 1945 г. они имели возможность приобрести 17 кусков мыла или пару галош, 11 буханок хлеба или шесть ведер картошки (см. табл. 8). К концу войны величина реальной зарплаты заметно выросла, но все же была ниже уровня 1941 г. В связи с этим необходимые вещи (например, обувь) и некоторые продукты питания (мясо, масло, сахар) оставались недоступными для основной массы работников промышленности.

Таблица 8

Розничные цены и покупательная способность рабочих
на колхозных рынках Новосибирска *

виды товаров	промышленные товары			
	июль 1943 г.		июнь 1945 г.	
	стоимость, руб.	максимальная покупательная способность рабочего, шт.	стоимость, руб.	максимальная покупательная способность рабочего, шт.
хозяйственное мыло (кусок 400 г.)	130	3,2	40	16,65
ситец (1 м.)	200	2,1	250	1,7
мужские галоши (пара)	1000	0,4	400	1,1
хромовые сапоги (пара)	3500	0,1	3000	0,15
продовольственные товары				
виды товаров	май 1943 г.		май – июнь 1945 г.	
	стоимость 1 кг., руб.	максимальная покупательная способность рабочего, кг.	стоимость 1 кг., руб.	максимальная покупательная способность рабочего, кг.
картофель	45	9,1	7**	63,3
капуста	40	10,3	15**	29,5
говядина	400	1,0	180**	2,5
молоко (1 л.)	80	5,1	30**	14,8
масло	850	0,5	380**	1,2
хлеб ржаной	140	2,9	40***	11,1
сахар	550	0,75	200***	2,2
соль	75	5,5	20***	22,2
водка (0,5 л.)	400	1,0	200***	2,2

* Составлено по: Бужин С.С., Тепляков А.Г. Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 24; Советская повседневность... С. 237.

** Данные на май 1945 г.

*** Данные на июнь 1945 г.

Следовательно, в военное время роль заработной платы в жизнеобеспечении рабочих заводов Новосибирска существенно снизилась. Для сохранения ее стимулирующего влияния руководители производства стремились к налаживанию системы нормированного снабжения и социальной инфраструктуры на базе промышленных предприятий.

Факторы сохранения реальной зарплаты

В военные годы на крупных заводах СССР, в том числе Новосибирска, функционировали механизмы жизнеобеспечения производственного персонала, служившие факторами сохранения реального содержания его заработной платы. К ним относились нормированная торговля, организованная отделами рабочего снабжения (ОРС), предоставление трудящимся и членам их семей социально-бытовых услуг по месту жительства и в учреждениях, являвшихся частью заводской инфраструктуры. В частности, речь идет о ценовой политике государства и предприятий в сферах централизованного обеспечения промтоварами и продовольствием, жилищно-коммунального обслуживания и дошкольного воспитания детей рабочих.

В первые месяцы войны для налаживания снабжения городского населения была введена карточная система. С 1 сентября 1941 г. в Новосибирске вошли в оборот карточки на хлеб и сахар, с 1 ноября 1941 г. – на мясо, рыбопродукты, жиры, крупу и макароны, с февраля 1942 г. – на промтовары. В частности, персонал предприятий подразделялся на две категории в зависимости от занятости в тех или иных отраслях военной экономики. Рабочие и ИТР первой и второй категории получали в день соответственно 800 и 600 г. хлеба (с ноября 1943 г. – 650 и 500 г.), в месяц – 800 и 600 г. сахара, 2200 и 1800 г. мяса и рыбы, 1500 и 1200 г. крупы и макарон, 600 и 400 г. жиров [20, с. 8]. Кроме того, на год труженикам выдавались промтоварные карточки на 125 купонов. Например, на два купона можно было приобрести кусок хозяйственного мыла, на 50 – обувь для взрослого, на 60 – шерстяное или шелковое платье, на 80 – пальто [21]. Кроме того, стахановцы и ударники премировались ордерами на одежду и обувь, талонами на дополнительное горячее питание, а также сто- и двухсотграммовыми надбавками к хлебному пайку.

Карточки и ордера на промтовары отоваривались в магазинах, карточки и талоны на продукты питания – преимущественно в столовых ОРС. Только в 1943 г. в городах Новосибирской области сеть ОРС по сравнению с 1942 г. выросла на 49 %, а находившихся в их распоряжении столовых – на 89 %³¹. При этом цены в сфере нормированной торговли оставались стабильными. В течение военных лет значительно подорожали лишь туалетное мыло, кухонная

³¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 40. Л. 77, 79.

утварь, соль, папиросы и водка (см. табл. 9). Если исходить из приведенных данных, то в 1944 г. новосибирские рабочие на реальный заработок (в среднем около 480 руб.) могли выкупить месячный паек с хлебом, а также приобрести пальто или костюм. Но полагавшийся по карточке рацион был очень скудным. Поэтому он дополнялся продуктами сверх установленных норм, что вело к росту затрат на удовлетворение потребностей в пище. Например, месячные расходы персонала промышленности боеприпасов на трехразовое питание в заводских столовых достигали 180–200 руб. [22]. Эти расходы составляли около 40 % средней заработной платы, получаемой на руки работниками новосибирских предприятий НКБ. Однако общая энергетическая ценность завтрака, обеда и ужина (без хлеба) едва дотягивала до физиологического минимума, не хватавшего для восстановления сил после напряженного рабочего дня. В этих условиях трудящиеся были вынуждены порой тратить дополнительные средства для покупки картошки и овощей на рынке. Кроме того, семейным рабочим приходилось дополнительно кормить детей, а иногда и других иждивенцев. Несмотря на развитие огородничества, на питание уходила львиная доля их среднемесячного трудового дохода. В связи с этим реализация изредка получаемых ордеров на одежду и обувь, как правило, осуществлялась на премиальные, прогрессивные выплаты или денежные поступления, не связанные с работой на производстве.

Таблица 9

Розничные цены на потребительские товары в нормированной торговле в конце 1940 и конце 1945 г.*

виды товаров	конец 1940 г.		конец 1945 г.	
	стоимость, руб.	индекс цен, %	стоимость, руб.	индекс цен, %
промышленные товары				
часы женские	450	100	450	100
пальто мужское (шт.)	377	100	377	100
костюм мужской (шт.)	367	100	367	100
ботинки мужские (пара)	140	100	140	100
галоши мужские (пара)	20	100	20	100
носки (пара)	7	100	7	100
ситец (1 м.)	3	100	3	100
нитки (катушка)	0,5	100	0,5	100
хозяйственное мыло (кус- сок)	2,7	100	5,5	104
туалетное мыло (кусоч)	1,5	100	4	167
кастрюля (шт.)	14	100	42	150
чайник (шт.)	56	100	168	150
папиросы (Казбек, пачка)	3,15	100	6,3	200

продовольственные товары (1 кг.)				
хлеб ржаной	1	100	1	100
хлеб пшеничный	1,7	100	1,7	100
пшено	2,1	100	2,1	100
макароны	3,5	100	3,5	100
гречневая крупа	4,3	100	4,3	100
сахар-рафинад	5,7	100	5,7	100
соль	0,12	100	0,48	400
яйца (десяток)	6,5	100	6,5	100
молоко	2,2	100	2	90,9
сливочное масло	2,5	100	2,5	100
рыба (сельдь)	6,4	100	6,4	100
говядина	12	100	12	100
печенье (Рот-фронт)	9,9	100	9,9	100
конфеты (Весна)	20	100	20	100
водка (0,5 л.)	11,5	100	80,5	700

* Составлено по: *Советская жизнь*. 1945–1953 гг. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/18463>; <http://istmat.info/node/18464> (дата обращения 1.08. 2014)

Другим условием поддержания реальной зарплаты рабочих Новосибирска являлась практика частичного взимания оплаты за предоставленные им места в заводских общежитиях. О ее существовании дают представление документы комбината Сибметаллстрой и завода им. XVI партсъезда. На 1 января 1945 г. в жилых помещениях комбината было размещено 17,5 тыс. работников и членов их семей, в том числе в домах – 7,7 тыс., в бараках – 9,8 тыс. По сведениям за 1944 г. среднемесячные расходы на содержание каждого барачного койко-места составляли 51 руб., а платежи жильцов – 31 руб. 17 коп.³², достигавшие 6,8 % от среднего заработка рабочего. Плата за проживание в общежитии, в которую включалось коммунальное и бытовое обслуживание, была почти на 40 % ниже его стоимости. Такое снижение цены было достаточно ощутимым для основной массы рабочих.

Данные по заводу им. XVI партсъезда также свидетельствуют о наличии льгот по оплате жилья. С января 1944 г. в общежитиях предприятия общая стоимость водоснабжения, отопления, электроосвещения, радиофикации, уборки помещений и прилегающей территории, стирки постельного белья и прочих услуг на одного человека составляла от 43 руб. 73 коп. до 47 руб. 44 коп. (от 9,7 до 10,6 % реального заработка), с апреля 1944 г. – от 30 руб. 08 коп. до 37 руб. 34 коп. (от 6,7 до 8,3 %). При этом рабочие с зарплатой до 150 руб. освобождались от данного платежа, от 150 до 300 руб. – вносили 25 % от его объема, от 300 до 500 руб. – 50 %, от 500 руб. и выше – 100 %³³. Эта шкала показывает, что дирекция завода с жильцов барачников, имевших невысокие

³² Подсчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Д. 200. Л. 13.

³³ Там же. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 78. Л. 35.

заработки, взымала плату в два – четыре раза ниже установленных тарифов, либо вовсе предоставляла им бесплатные койко-места.

Практика частичной оплаты получила распространение и при обслуживании детей рабочих в дошкольных учреждениях, действовавших на базе новосибирских предприятий. В 1943 г. среднемесячная стоимость содержания одного ребенка в детском саду завода № 617 составляла 158 руб. 12 коп., а оплата с родителей – 54 руб. 24 коп., в 1944 г. – 144 руб. 92 коп. и 64 руб. 09 копеек³⁴. На комбинате № 179 эти показатели за 1944 г. по пяти детсадам достигали 127 руб. 89 коп. и 43 руб. 68 копеек³⁵. В данном случае цена места в детском воспитательном учреждении была примерно в два – три раза ниже затрат на его эксплуатацию, большая часть которых покрывалась из счет государственного бюджета. Такие льготные тарифы имели для предприятий большое значение в связи с резким увеличением доли женского труда. В то же время размер данных платежей составлял от 9,5 до 15,3 % от среднего заработка, оставаясь одной из постоянных статей расходов рабочих семей.

Анализ условий предоставления работникам необходимых жизненных благ показывает, что в военное время на заводах Новосибирска принимался ряд мер по поддержанию реального уровня их заработной платы. Благодаря этому заработок продолжал занимать важное место в жизни тружеников крупнейшего индустриального города Сибири.

В годы Великой Отечественной войны Новосибирск стал ведущим центром оборонно-промышленной индустрии сибирского тыла. Ее формирование и развитие потребовало не только значительного наращивания производственного и кадрового потенциала, но и создания условий для стимулирования заводского персонала, выпускавшего в основном продукцию для фронта. В частности, дирекции крупных предприятий города, прямо или косвенно участвовавших в выпуске вооружения и боеприпасов, с подачи государства рассматривали в качестве одного из рычагов повышения производительности труда поступательный рост заработной платы рабочих. С этой целью на заводах путем их массового перевода с повременных на сдельные тарифные ставки, а также введения сдельно-прогрессивных и премиальных систем, внедрялись стимулирующие механизмы оплаты, при которых увеличение заработка должно было сочетаться с опережающим возрастанием выработки. Для достижения такого сочетания на производстве проводились мероприятия по повышению профессионального уровня трудящихся, улучшению технического нормирования и организации зарплат.

³⁴ Там же. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 10. Л. 77; Д. 18. Л. 51.

³⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 141. Л. 16.

В итоге руководство большинства новосибирских предприятий, в основном принадлежавших к «оборонке», а также черной металлургии и химической промышленности, сумело добиться нужного результата в развитии системы оплаты труда. Однако установленный факт одновременного роста его производительности и заработков не является однозначным свидетельством того, что рабочие выпускали больше изделий, чтобы больше заработать: в военное время широко применялись также другие формы материального вознаграждения, а также морального воздействия на заводской персонал.

Но почему тогда руководители военно-промышленного производства уделяли столько внимания вопросам организации заработной платы? Ответ на этот вопрос, очевидно, скрывается в социальной политике государства и, в частности, самих предприятий, проводившейся в отношении рабочих в годы войны. В условиях обесценивания зарплаты его существенным «амортизатором» являлись цены на нормированные товары, которые были гораздо ниже рыночных, льготные расценки по оплате жилья и услуг некоторых социально-бытовых учреждений. Но для достижения этого прожиточного минимума требовались существенные трудовые доходы, что побуждало работников стремиться к получению приемлемых для них заработков. В этом смысле деньги и в экстремальной тыловой повседневности оставались стимулом к индустриальному труду. Подобная ситуация не была секретом для дирекций новосибирских заводов, как правило, достаточно эффективно использовавших этот стимул для выполнения производственных задач.

Таким образом, в первой половине 1940-х годов на предприятиях Новосибирска практиковался бинарный подход к материальному стимулированию рабочих, применявшийся советским государством еще в период ускоренной индустриализации. Однако в годы войны данная практика приобрела более существенное значение: содержание заработной платы гарантировалось исключительно минимальным количеством благ, ставшимся доступным через товарно-денежный обмен. Сужение последнего до нормированного снабжения и социальной инфраструктуры крупных заводов свидетельствовало о том, что зарплата перестала быть самостоятельным трудовым стимулом. Вместе с тем, без нее получить полагающуюся труженикам пищу и крышу над головой было бы невозможно. Следовательно, заработок играл важную роль в выживании и поэтому является одним из факторов мотивации труда рабочих важнейшего оборонно-промышленного арсенала сибирского тыла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. 525 с.
2. *Рабочий класс* Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. 376 с.
3. *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. 240 с.
4. *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001. М., 2005. 368 с.
5. *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. 370 с.
6. *Бородин Л., Валетов Т., Смирнова Ю., Шильникова И.* «Не рублем единым». Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010. 552 с.
7. *Ильяхов А.А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. 415 с.
8. *Андрюшин Е.А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. 464 с.
10. *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012. 528 с.
11. *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. 352 с.
12. *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 449 с.
13. *Шевченко В.Н.* Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. 447 с.
14. *Бужин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. 430 с.
15. *Савицкий И.М., Романов Р.Е.* Рабочие, инженеры и техники оборонной промышленности Западной Сибири – фронту (1941–1945). Новосибирск, 2014. 412 с.
16. *Шалак А.В.* О формах материального стимулирования труда в условиях карточной системы распределения (на примере Восточной Сибири 1941–1947 годов) // Историко-экономические исследования. 2002. Т. 1. № 1. С. 112–116.
17. *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.

18. Романов Р.Е. Денежные стимулы труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 83–86.

19. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: Некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. С. 206–216.

20. Рахилин В.К. Облигации займов периода Великой Отечественной войны // Хобби. 1995. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bonistikaweb.ru/НОВВИ/hobbi5-1995.htm> (дата обращения 1.08.2014)

21. Букин С.С., Тепляков А.Г. Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 6–34.

22. Орлов И.Б. Карточная система в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/2039/content/2052665> (дата обращения 1.08.2014)

23. Парамонов В.Н. Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/content/hist.html> (дата обращения 1.08.2014)

R.E. ROMANOV

THE WAGE OF WORKERS OF THE NOVOSIBIRSK MILITARY INDUSTRY IN 1941–1945: INCENTIVE TO WORK?

This article is focused on the analysis of the role of wages for labor stimulation of the workers employed in the large Novosibirsk defense enterprises during the Great Patriotic War. For reaching this purpose, the author researches the organization and dynamics of wage, factors of its reduction and saving in the sphere of military industry. The structure of the fund and tariff wage nets, introduction of piecework and bonus systems, which led to mutual dependence of the growth of production and wages, as well as everyday living conditions that influenced upon the actual level of labor incomes are shown. The author also concludes that this level was maintained through the normalized minimum of available life benefits. Consequently, in fact it meant that the wage played a significant role in the human survival and therefore was one of the motivational labor factors for the workers of the most important military arsenal of the Siberian rear.

Keywords: The Great Patriotic War, Novosibirsk, military industry, workers, wage, employment incentives.

УДК 9.908.

О.В. МОРОЗОВА

**УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО
СНАБЖЕНИЯ В ГОРОДЕ СТАЛИНСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Институт истории СО РАН
E-mail: olia.991@mail.ru

В статье рассматривается система продовольственного снабжения г. Сталинска в годы Великой Отечественной войны. Характеризуется деятельность основных организаций торгово-распределительной сети города – столовых, магазинов, рынков, а также деятельность городских властей, прокуратуры, работников торговых организаций и горожан в процессе распределения материальных благ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинск, повседневная жизнь, система снабжения, продовольственное снабжение, продовольственная проблема.

В годы Великой Отечественной войны в индустриальном городе Сталинске, находившемся в тылу, обострилась проблема продовольственного снабжения населения. В ее изучении можно выделить два периода: советский и постсоветский. В рамках этих периодов можно выявить ряд этапов), связанных со сменой политической власти, изменениями внутренней политики государства, доступностью источников, развитием науки, сменой объектов исследований, а именно – вторая половина 1940-х – вторая половина 1950-х годов, вторая половина 1950-х – 1960-е годы, 1970-е – начало 1990-х годов, с 1991 г. и по настоящее время. В течение каждого этапа разработка проблемы осуществлялась на нескольких уровнях: глобальном, изучавшем историю СССР в целом [1], региональном, рассматривавшем историю Сибири и Кузбасса [2], а также локальном, представленным историей города [3]. Кроме того, продовольственная проблема рассматривалась с разных сторон, а именно в контексте истории Великой Отечественной войны [4], истории Второй мировой войны [5], экономической истории [6; 7], социальной истории [8; 9], истории рабочего класса, демографической истории, урбанистики и истории повседневности [10].

Во второй половине 1940-х – 1950-х годах вопросы продовольственного снабжения во время войны рассматривались в основном в многотомных трудах по истории СССР, а также работах по истории экономики государства.

Наибольшее внимание в них уделялось проблемам перестройки экономики на военные рельсы, особенностям развития оборонной промышленности, политике государства в области сельского хозяйства, направленной на обеспечение нужд фронта, ужесточению трудовой дисциплины. На данном этапе исследователи обратились к изучению карточной системы снабжения населения СССР, рассмотрели механизм распределения товаров в стране, охарактеризовали основные элементы торговой сети государства [6; 12].

Новый этап в изучении темы начинается во второй половине 1950-х годов. После XX съезда КПСС меняется цензурная политика в СССР, ослабевают цензурные ограничения, открывается доступ к закрытым ранее архивным материалам. Это позволяет исследователям расширить тематику исследований. Появляется информация о некоторых существовавших в военное время проблемах повседневной жизни населения тыла. В этот период была охарактеризована система государственного снабжения, показана деятельность ОРСов и рынков, освещены принципы ценообразования на рынке, рассмотрены некоторые аспекты деятельности правительства и наркомата торговли по решению продовольственной проблемы, описан процесс введения системы распределения продовольствия в стране, изучены группы карточек и нормы продовольствия, полагавшиеся по каждой группе, проанализированы достижения жителей тыла, в том числе Сталинска, на производстве в военные годы, а также демографическая динамика населения СССР, выявлены особенности развития металлургии Кузбасса в годы войны и специфика оборонной промышленности Сталинска [1; 4; 13].

Следующий этап в изучении проблематики наступил в 1970-е годы, когда усиливается цензура и закрывается доступ к некоторым доступным ранее архивным материалам. В научной литературе 1970-х – 1980-х годов война изображалась преимущественно с ее лучших сторон – героических побед на фронте и достижений в тылу. Преобладал позитивный образ войны. Тем не менее, происходило осмысление накопленной ранее информации, развитием различных научных направлений. Достижением данного периода являлось обращение к изучению условий жизни населения тыла. Несмотря на то, что особое внимание уделялось вопросам труда на производстве, поднимались и бытовые проблемы жизни рабочих и служащих СССР в период войны, изучалась политика партии и правительства по решению этих проблем [14–17]. Продолжалось исследование успехов промышленности Кузбасса в военное время, показывалось слаженное взаимодействие фронта и тыла [18].

В 1991 г. была упразднена цензура, появляется возможность использования различных методологических подходов в исследованиях. В первой половине 1990-х годов открываются недоступные ранее архивные фонды. Характер исследований и публикаций становится более разнообразным.

В 1990-е – 2000-е годов был наработан фактический материал об особенностях системы снабжения, в частности о ее недостатках карточной системы в Сибири в годы войны, а также о продовольственных, коммунально-бытовых и других проблемах жизни населения тыла, не связанных с работой на промышленных предприятиях [2–3; 8–11; 19].

К настоящему времени собран обширный фактический материал, посвященный особенностям системы снабжения СССР и Сибири в годы войны, в том числе описывающий действие карточной системы. Однако, по отношению к Сталинску, в накопленном материале существуют пробелы. Не рассмотрена специфика системы снабжения самого Сталинска, строившегося в определенный период времени, с конкретными целями, на специфической территории. Не показано как особенности города и условия войны повлияли на складывание проблем местной торговой сети, эффективность карточной системы в городе, деятельность горожан и действия городских властей. Не характеризовалась структура торговой сети города. Организации общественного питания и рынка Сталинска не являлись предметом специального исследования. В связи с этим, изучение механизмов продовольственного снабжения жителей данного города и выделение местных особенностей снабжения представляет интерес для исследователей.

Изучение механизмов адаптации системы снабжения Сталинска к чрезвычайным условиям жизни является актуальным в условиях современного быстро меняющегося мира. Рассмотрение способов решения разнообразных проблем в прошлом позволяет составить представление о коллизиях практического воплощения теоретических наработок и об эффективности принятых мер. Кроме того, картина функционирования торговых организаций раскрывает степень соответствия законодательства условиям войны, показывает советское общество в свете самоорганизации людей, отражает проблемы повседневной жизни горожан в период войны.

Сталинск строился в конце 1920-х – начале 1930-х годов как город, который должен был воплотить идеалы нового социалистического быта. Образ жизни жителей такого города существенно отличался от городского в его дореволюционном варианте. В результате воплощения идеи соцгорода быт в Сталинске был в значительной степени обобществлен. Его организацией занимались столовые, магазины, рынки, бани, прачечные и другие учреждения. Питались жители города в основном в столовых, закрепленных за предприятиями. Дополнительные продукты приобретали в магазинах и на рынках. Городская инфраструктура формировалась в 1930-е годы и к началу войны была недостаточно развита: недоставало магазинов и столовых, в которых реализовывались бы карточки и талоны. Незрелость торгово-распределительной сети порождала различные трудности.

Организация снабжения осуществлялась централизованно, на уровне Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народного комиссариата торговли СССР. За обеспечение снабжения в Сталинске отвечали горком ВКП(б) и горисполком. В горисполкоме действовал торговый отдел. Ему подчинялись рыночное управление и трест столовых, которые контролировали деятельность всех торговых организаций (торгов¹, столовых, магазинов, подсобных хозяйств, рынков).

В Сталинске, как и в целом по стране, были распространены государственная, кооперативная, колхозная и даже индивидуальная торговля. Государственная и кооперативная торговля велась в столовых, магазинах и на рынках. Товары поступали туда не только из государственных фондов, но и из местных продовольственных и промтоварных ресурсов, производившихся в совхозах, подсобных хозяйствах предприятий и артелях. Колхозная торговля велась на колхозных рынках. На них продавались товары, произведенные в колхозах. Также там разрешалась торговля с рук готовой продукцией. На удовлетворение потребностей населения города в продуктах питания и ширпотребе работали пищевые и кооперативные предприятия местного значения: мясокомбинат, молочный комбинат, хлебокомбинат, пекарни, промышленные артели и др.

В июле – августе 1941 г. система снабжения, сложившаяся в городе, постепенно меняется под влиянием начавшейся Великой Отечественной войны. В военное время снабжение горожан велось через закрытую и открытую торговую сеть. Управления и отделы рабочего снабжения (УРС и ОРС), создававшиеся при крупных предприятиях и подчинявшиеся торговому отделу горисполкома, занимались распределением продуктов между различными торговыми организациями через закрытую сеть. Горожане, не получавшие товары через закрытую сеть, снабжались через открытую – трест столовых и «Сталинскторг». Содержание двух крупных управленческих аппаратов требовало больших расходов. С целью сокращения затрат в 1942 г. горторготдел подвергся реорганизации. «Сталинскторг» и трест столовых были объединены в одну организацию – «Сталинскторгпит», которую горожане несмотря ни на что продолжали называть «Сталинскторгом». Число столовых и ресторанов было уменьшено в два раза².

Снабжение было ориентировано, прежде всего, на армию. Тыловые районы снабжались по остаточному принципу, поступление в них ресурсов из государственных продовольственных и промтоварных фондов сократились [10, с. 27]. Постановлением правительства в июле 1941 г. была введена система нормирован-

¹ «Сталинскторг», «Военторг» и др.

² ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 84.

ного снабжения населения Москвы и Ленинграда³. В августе 1941 г. это решение распространилось на 197 городов СССР, в том числе на Сталинск⁴. При торговом отделе горисполкома было создано карточное бюро. Одежда и обувь стали выдаваться по ордерам и талонам. Хлеб, сахар, мясо, рыба, жиры, крупа и макаронные изделия, соль и др. – по карточкам⁵. Высшая дневная норма продовольствия трудящихся крупных оборонных предприятий составляла 50 г. крупы или макаронных изделий, 73 г. мяса или рыбы, 20 г. жиров и 800 г. хлеба, 13,3 г. соли⁶. Картофель, овощи, фрукты, молоко и яйца по карточке не полагались. Это приводило к несбалансированности рациона горожан, нехватке витаминов. Главное место в структуре карточного питания в военное время занимал хлеб, являвшийся низкокалорийным продуктом.

Основным видом деятельности жителей города в годы войны являлся тяжелый физический труд на промышленных предприятиях. С точки зрения современности, небольшой низкокалорийной нормы продовольствия, выдававшейся по карточкам, было крайне недостаточно для поддержания здоровья и работоспособности горожан.

В Сталинске, как и во многих других городах, ощущались трудности обеспечения продовольственного снабжения населения в условиях войны. Выдававшейся нормы продуктов катастрофически не хватало. Ассортимент их был скудным, качество являлось низким. Из-за нехватки ресурсов одни продукты заменялись другими, менее калорийными. Вместо мяса предоставлялись субпродукты, сахар заменялся низкосортной карамелью [10, с. 27]. Случались перебои с доставкой продукции.

Общегосударственные проблемы снабжения усугублялись местными проблемами, вытекавшими из особенностей строительства и территориального расширения города. Из-за крайней нехватки организаций общественного питания в городе происходили различные эксцессы, связанные с преступлениями работников торговых организаций, дефицит оборудования, очереди, а также проблемы качества и дефицита товаров приобретали особую остроту.

³ *О введении* карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в г. Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» от 18 июля 1941 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 705–707.

⁴ *Приказ* народного комиссариата торговли СССР № 312 от 22 августа 1941 г. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).

⁵ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 45, 54., 112.

⁶ Посчитано по: *Букин С.С.* Повседневная жизнь в городах сибирского тыла // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 27; ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 45, 54, 112.

Талонами на обеды горожане обеспечивались на рабочем месте. Население города быстро росло. Несмотря на то, что по инициативе предприятий и городских властей в годы войны открывались новые столовые, их количество было непропорционально численности населения Сталинска. В 1942 г. имелось лишь 92 столовых и ресторана. Одна столовая ежедневно обеспечивала питанием в среднем 2100 человек⁷.

Приобрести дополнительные продукты можно было в магазинах по карточкам и на рынках за денежную плату. Жители города прикреплялись к определенным продовольственным магазинам. Помещений для магазинов недоставало, как и для столовых. По данным 1940 г. в Сталинске действовал 51 магазин. Одно учреждение ежедневно обслуживало в среднем 3300 посетителей⁸.

Решение проблемы неразвитости торговой сети осложнялось отсутствием свободных помещений. Например, в некоторых районах города не было ни одного свободного здания, пригодного для размещения там столовой. Рабочим таких районов приходилось затрачивать на дорогу до столовой, располагавшейся в другом месте, значительную часть времени, отведенного на обеденный перерыв.

Магазины и столовые, построенные в 1930-е годы, требовали ремонта. Однако в условиях войны не хватало финансовых средств и квалифицированных строителей для того, чтобы быстро закончить ремонт. В результате расположенные в городе организации общественного питания не всегда работали. Кроме того, случались перебои с доставкой продукции. Помимо состояния помещений проблемой также была их небольшая вместимость. В имевшихся столовых не хватало различного оборудования: стульев, тарелок, ложек. Зачастую все время обеденного перерыва людям приходилось затрачивать на поиск посуды⁹.

Продуктов, богатых витаминами, в обеденных блюдах крайне недоставало. Качество готовившейся пищи оставляло желать лучшего. Обычным делом являлись жалобы рабочих на однообразие блюд¹⁰. В столовых зачастую подавались жидкий картофельный суп с недоброкачественным маслом или лапша¹¹. Редкостью были мясо и овощи – огурцы, редис, лук¹². Актуальной являлась проблема качества хлеба, выпекавшегося на местных предприятиях и поступавшего в продажу в организации общественного питания. Как отме-

⁷ Посчитано по: ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 156. Л. 23, 78; Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

⁸ Посчитано по: Там же.

⁹ Жилин А. В столовой нет порядка // Большеви́стская сталь. 1942. № 25.

¹⁰ *Незадачливые кулинары* // Большеви́стская сталь. 1944. № 196.

¹¹ Петрова Р, Григорьева Р. Незадачливые кулинары // Большеви́стская сталь. 1944. № 196.

¹² *Свежие овощи* // Большеви́стская сталь. 1942. № 63.

чалось в городской прессе времен войны и в воспоминаниях горожан, собиравшихся в 2000-е годы, качество хлеба было очень плохим, встречался полусырой и жесткий хлеб¹³.

В условиях войны меняется представление о морали, о границах дозволенного поведения. Горожане, имевшие доступ к каким-либо ресурсам, стали использовать свое служебное положение. Однако, с точки зрения закона, такого рода действия рабочих и служащих являлись криминальными. Криминализация деятельности персонала торговых организаций выражалась в различных уголовных преступлениях. Работники столовых и магазинов, принимавших денежную плату, злоупотребляли своим служебным положением – регулярно не давали сдачу. Многие работники столовых и магазинов в первую очередь, брали продукты себе домой, затем давали дефицитные товары знакомым, а уже потом отпускали покупателям. Зачастую в организациях общественного питания питались и отоваривались люди, не закрепленные за ними, не имевшие ни пропусков, ни талонов на обеды, ни каточек, например, рабочие-контролеры, проверявшие качество работы данных организаций.

Кроме того, работники столовых и магазинов зачастую обманывали посетителей, недодавали им положенной нормы пищи. Обвешивания и обмеривания карались по 128 статье Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшей наказание до десяти лет лишения свободы¹⁴. Работники столовых и магазинов присваивали себе не только чужие обеды, но и вырывали из книги с продуктовыми карточками лишние карточки, которые могли потом обменять на другие товары. Хищения в небольших размерах, совершенные должностными лицами, карались тюремным заключением на срок до одного года по 116 статье УК РСФСР¹⁵. Частыми были и хищения в более крупных размерах, грозившие более высоким наказанием, вплоть до расстрела¹⁶. Во многих магазинах велась подпольная торговля, осуществлялась продажа товаров по завышенным ценам, грозившая наказанием по 107 статье уголовного кодекса РСФСР – не менее пяти лет лишения свободы¹⁷.

¹³ Сыромятников В. Улучшить качество хлеба // Большевицкая сталь. 1943. № 216; Землянова Л.С. Детство, опаленное войной. Новокузнецк. 2005. С. 49; Кирилова Н.А. Дети войны: юные новокузнецкие в годы Великой Отечественной. Новокузнецк. 2006. С. 10.

¹⁴ Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г.: офиц. текст с приложением постоянно-систематизированных материалов. М., 1941. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2014).

¹⁷ Уголовный кодекс. С. 63.

Дефицит товаров приводил к огромным очередям. Как следствие, отоварить продуктовые карточки во время работы магазинов удавалось не всем горожанам. В целях решения этой проблемы распространенной стала практика сверхурочных работ. Однако не все жители города были готовы работать в свое свободное время. Случалось, что продавцы не только не работали сверхурочно, но и закрывали магазины раньше времени. Поддерживать трудовую дисциплину в организациях общественного питания было сложно. Несмотря на это, в городе имелись столовые и магазины, которые всем ставились в пример.

Следовательно, система общественного питания в городе была плохо налажена. Городские власти принимали меры по улучшению снабжения населения. В годы войны ремонтировались старые и открывались новые столовые и магазины. Разворачивалась борьба за качество и калорийность готовившихся блюд и разнообразие рациона питания. Доступным способом увеличения калорийности пищи являлось добавление в обеды дрожжей, богатых жирами, белками и витаминами¹⁸. Горисполком вел борьбу с хищениями, обвешиваниями и злоупотреблениями в органах общественного питания, привлекал виновных в правонарушениях к уголовной и административной ответственности. Например, директор столовой № 9 ДЗОЗ Милованова, за злоупотребления служебными полномочиями была снята с должности, а заведующему производству этой столовой объявили выговор¹⁹. Проводились совещания торговых работников, на которых обсуждались имевшиеся нарушения. В результате работы этих совещаний, материалы о «злостных нарушителях правил советской торговли» передавались в следственные органы. Однако многие суды «безответственно» относились к рассмотрению дел об обвешиваниях и обмериваниях, «в ряде случаев не правильно прекращали их ... или выносили по ним незаконные оправдательные приговоры», ссылаясь на незначительность деяния или на его недоказанность²⁰. Несмотря на наказуемость, случаев нарушения закона было много. Полностью прекратить их не удавалось. Так, буфетчица столовой № 2 завода им. Молотова за растрату 130 кг. хлеба была приговорена к одному году принудительных работ с возмещением убытков. После отбытия наказания она устроилась на прежнюю должность и вновь стала красть продукты²¹. Злоупотребления служебным положением, обвешивания и хищения, было сложно остановить, так как они являлись способом адаптации к тяжелым условиям военного времени.

¹⁸ Самородницкий Н. Новые пищевые препараты // Большеви́стская стáль. 1943. № 265.

¹⁹ По следам неопубликованных писем // Большеви́стская стáль. 1943. № 68.

²⁰ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

²¹ Незнанов Я. Непорядки в столовой // Большеви́стская стáль. 1944. № 144.

Особое место в торговой сети города занимали рынки. На рынках можно было приобрести дефицитные продовольственные и промышленные товары. На рынки не распространялась карточная система распределения товаров. Там принималась денежная плата, производился бартер.

В Сталинске имелись городской и колхозные рынки. Законодательные нормативные акты устанавливали типы поставщиков и виды продукции каждого рынка. На городском рынке должны были продаваться продовольственные и промышленные товары из государственных фондов, подсобных хозяйств предприятий, совхозов и артелей. На колхозных рынках сбывалась продовольственная продукция колхозов и индивидуальных производителей. Отдельно должен был функционировать вещевой рынок. На практике в военное время в Сталинске такого рода разграничения отсутствовали. Разнообразные виды товаров от различных поставщиков продавались на всех рынках.

Деятельность рынка регулировалась законами. Торговцы должны были заключить с директором рынка договор на поставку продукции, вести торговлю по государственным ценам и платить налог с продажи товара. Городские власти должны были поддерживать общественный порядок на рынке, следить за исправностью различного оборудования. Горисполком Сталинска создал механизм контроля за соблюдением правил торговли на рынке.

Повседневная жизнь горожан в период войны была полна трудностей, поэтому на практике законы СССР и решения горисполкома Сталинска не всегда соблюдались. Так, в условиях тотального дефицита товаров решения городских властей по продаже по фиксированным ценам не выполнялись. Колхозники и частные торговцы устанавливали свои цены. Так, например, по решению горисполкома килограмм картофеля на завершающем этапе войны должен был стоить двух – трех рублей²², в действительности на рынке за него просили от 6 до 45 рублей [11, с. 187]. Разрыв между государственными и рыночными ценами являлся существенным.

В условиях дефицита существовал большой спрос на различную продукцию. При этом число товаров, поступающих на рынок, было ограничено. В результате на рынках велась продажа по завышенным ценам. Спекуляция приобретала массовый характер, несмотря на то, что являлась уголовным преступлением и каралась по 107 статье Уголовного кодекса РСФСР. Так, рабочий коксового цеха КМК Шульц продал на рынке куртку, ватную фуфайку, хлопчатобумажный костюм и кожаные ботинки²³. Он заплатил за эту одежду 281 руб., а при перепродаже получил в восемь раз больше. Николаева закупала табак в Алма-Ате и продавала его в пять раз дороже. За это

²² ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 298. Л. 121.

²³ *Дезертиров* труда – к строжайшей ответственности // *Большевицкая сталь*. 1943. № 30.

ее лишили свободы на десять лет с поражением в правах на три года²⁴. Спекуляция давала возможность выжить в непростые времена.

Налоги с рыночной торговли были высокими. Колхозы платили налог с продажи продуктов в размере 4 % от доходов²⁵. Граждане, занимавшиеся индивидуальной трудовой деятельностью в сфере кустарно-ремесленных промыслов, выплачивали налог с учетом размера доходов. Чем выше был доход, тем выше налог. При месячном доходе в 251 руб. граждане платили 28 руб. в месяц, 501 руб. – 111 рублей²⁶. Следовательно, размеры индивидуальной предпринимательской активности ограничивались государством.

Как следствие, горожане стали искать способы обходить законы. Договор с дирекцией рынка разрешалось не заключать, выплачивая вместо этого «разовый сбор», который взимался за каждый день торговли в размере от одного до десяти рублей в зависимости от вида продажи²⁷. При продаже крупного скота «разовый сбор» составлял трех – пяти рублей с каждой головы, при продаже кустарных и ремесленных изделий – одного – двух рублей. «Разовый сбор» собирался при входе на рынок. Однако городской рынок Сталинска не был огражден, и часть лиц проходила внутрь не заплатив²⁸. Криминальная торговля стала широко распространенной.

Заключение договора несколько упорядочивало торговлю, оставляло меньше места для злоупотреблений и спекуляции, так как налоги учитывали объем продукции и доходы от ее продажи. Не случайно, поэтому горисполком настоятельно требовал от директоров рынков заключать договора с колхозами²⁹.

На рынках гражданам разрешалось вести торговлю с рук за денежную плату. В результате рыночная среда стала местом сбыта краденого. Например, в 1941 г. спецпереселенцы Г. Чаморцев и В. Бикасов украли из магазина горпромторга каракулевые дохи и два персидских ковра. Украденное они хотели продать на рынке. Органы милиции установили, что Чаморцев и Бикасов являлись студентами второго курса вечернего пединститута и уже имели судимость³⁰. В 1943 г. начальник ОРСа треста «Сталинскпромстрой», заведующий складом и шофер похитили со склада треста шесть тонн горю-

²⁴ За спекуляцию – к суровому ответу // Большеви́стская ста́ль. 1942. № 55.

²⁵ Закон СССР от 01.03.1941 «О подоходном налоге с колхозов». Режим доступа: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 18.12.2013).

²⁶ Подсчитано по: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1943 «О подоходном налоге с населения». Режим доступа: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 18.12.2013).

²⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.04.1942 «О местных налогах и сборах». Режим доступа: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 18.12.2013).

²⁸ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 302. Л. 466.

²⁹ Там же. Д. 314. Л. 130.

³⁰ *Раскрытое преступление* // Большеви́стская ста́ль. 1941. № 196.

чего. Украденное они обменяли на рынке на продукты и скот³¹. В том же году нормировщик «Сталинскпромстроя» вынес со своего рабочего места шесть байковых одеял, три комбинезона, четыре куртки, две пары брюк и четыре простыни. Украденное он собирался продать³².

В Сталинске сложился «черный рынок». Торговля там велась по завышенным ценам и без выплаты налогов. На «черном рынке» продавали перекупленное, краденое, произведенное своим трудом, а также приобретенное до войны имущество. Местами заключения подпольных сделок служили не только рынки, но и базары и различные притоны³³. В феврале 1942 г. органы милиции вскрыли притон на улице Вокзальной, в магазине «Главликерводка»³⁴. Заведующая Якунина и ее помощница Бекина, пользуясь своим служебным положением, сбывали краденое на своей служебной квартире. Там они хранили похищенные с различных предприятий и организаций продукты и промышленные товары: сахар, сало, мясо, муку, обувь, береты, чулки, золотые кольца, костюмы. Поставщиками краденого являлись должностные лица различных предприятий – зав. конторой Главсахарсбыта М. Горлов, работник Заготживсырья А. Мавриненко и другие.

Распространенность спекуляции и высокие цены в рыночной среде влияли на покупательную способность горожан. Сопоставление размера доходов жителей города и существовавших рыночных цен позволяет судить о том, в какой мере рынки восполняли недостаток продуктов у населения. Основным официальным источником доходов горожан в годы войны являлась заработная плата. На рабочем месте трудящиеся обеспечивались денежной платой, карточками на получение продуктов, талонами на обеды в столовой (на крупных предприятиях), ордерами на одежду и обувь, а также спецодеждой. Заработная плата зависела от квалификации, стажа работы, принадлежности к предприятиям оборонной промышленности. Минимальный прожиточный минимум в СССР был 70 рублей³⁵. Что касается Сталинска, средняя месячная зарплата рабочих промышленных предприятий города, имевшая низкую квалификацию, в 1941–1943 гг. составляла 295 руб., средняя месячная зарплата служащих учреждений культуры в 1944–1945 гг. была 458 рублей³⁶. При этом средние рыночные цены в Сталинске в 1943–1944 гг. были следую-

³¹ *Шайка жуликов // Большевицкая сталь. 1943. № 239.*

³² *Чернышенко К. Расхитителей – к ответственности // Большевицкая сталь. 1943. № 245.*

³³ Притонами назывались квартиры, бараки и частные дома, на которых велась продажа краденого.

³⁴ *«Тихий домик» // Большевицкая сталь. 1942. № 18.*

³⁵ *Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1943 «О подоходном налоге с населения».* Режим доступа: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 18.12.2013).

³⁶ Составлено по: ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 298. Л. 110; *Отдел кадров КМК // Большевицкая сталь. 1941. № 138; Требуется // Большевицкая сталь. 1942. № 11.*

щами: ведро картофеля (10 кг.) стоило 400 руб., булка хлеба – 90 руб., килограмм говядины – 215 руб., овощей – 36 руб., масла – 800 руб., литр молока – 60 рублей³⁷. Рыночные цены в отличие от государственных не были устойчивыми и постоянно менялись. Следовательно, на среднюю зарплату рабочего, имевшего низкую квалификацию, на рынке можно было приобрести одну булку хлеба и половину ведра картофеля или килограмм мяса и два килограмма овощей. Этих продуктов не хватало на месяц. Соотношение зарплаты и рыночных цен свидетельствует о том, что рынки для большей части населения города не являлись источником дополнительного продовольствия.

Основная масса населения города приобретала на рынке только самые необходимые в быту товары. Например, Р.И. Шаталова вспоминала как во время войны ее мама выменяла на рынке водку на хлеб, мыло и одежду³⁸. В результате на рынке сложился круг покупателей, в который входили люди с более высокими доходами начальники предприятий, цехов и учреждений, а также люди, занимавшиеся незаконной деятельностью.

Городские власти вели борьбу с преступностью на рынках. Принимали решения по усилению борьбы со спекуляцией продуктовыми и промышленными товарами. Периодически запрещали торговлю с рук готовой продукцией. Организовывали дежурства милиции на рынках³⁹. Эти меры принесли некоторый результат. Так в марте 1944 г. народный суд Молотовского района был настолько перегружен судебными делами, поступавшими с городского рынка, что их требовалось передать в нарсуд второго участка Куйбышевского района⁴⁰.

Таким образом, в годы войны условия и механизмы снабжения в Сталинске изменились. В довоенное время сформировались органы власти, отвечавшие за снабжение горожан. Основными учреждениями, осуществлявшими продовольственное обеспечение горожан, являлись столовые, магазины и рынки. Торговля велась в основном за денежную плату. Обозначились проблемы системы снабжения. Сеть организаций общественного питания была недостаточно развита. В годы Великой Отечественной войны, в связи с дефицитом товаров, ростом злоупотреблений работников торговых организаций, увеличением населения, обострились проблемы продовольственного снабжения, сформировавшиеся в 1930-е годов. Для снижения остроты продовольственной проблемы

³⁷ Составлено по: *Шадрин*. Воры наказаны // *Большевицкая сталь*. 1944. №135; *Кирилова Н.А.* Дети войны: юные новокузнецкие в годы Великой Отечественной. Новокузнецк, 2006. С. 10; *Шуранов Н.П.* Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 1999. С. 189.

³⁸ *Землянова Л.С.* Детство, опаленное войной. Новокузнецк, 2005. С. 80.

³⁹ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 314. Л. 130; Д. 302. Л. 466.

⁴⁰ Там же. Д. 308. Л. 145.

правительством СССР, горисполкомом и самими горожанами применялись различные меры: выдача обедов в столовой по талонам и за денежную плату, распределение товаров по карточкам в магазинах, продажа товаров по коммерческим ценам в некоторых специализированных магазинах, рыночная торговля по свободным ценам, индивидуальная незаконная продажа товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. 231 с.
2. *Букин С.С., Исаев В.И.* Карточная система в городах Сибири // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006.
3. *Шефер В.И.* Хлеб родине – хлеб фронту // Вклад в Великую Победу. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы регион. науч.-практ. конф. к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новокузнецк, 2005. С. 73–84.
4. *История Великой Отечественной войны Советского союза: 1941–1945 гг.* В 6 тт. М., 1961–1965.
5. *История второй мировой войны. 1939–1945.* В 12 тт. М., 1973–1982.
6. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. 192 с.
7. *История социалистической экономики СССР.* В 7 тт. М., 1976.
8. *Берлин А.Б.* Новокузнецк в солдатской шинели: в год пятидесятилетия Великой Победы. Новокузнецк, 1995. 298 с.
9. *Вспомним мы походы и былые годы...* Новокузнецк, 2000. 387 с.
10. *Букин С.С.* Повседневная жизнь в городах сибирского тыла // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 27–31.
11. *Шуранов Н.П.* Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 1999.
12. *Лященко И.И.* История народного хозяйства СССР. В 3 тт. М., 1952–1956.
13. *Зелкин И.И.* Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. М., 1969. 183 с.
14. *Зинич М.С.* Изучение социальной политики Коммунистической партии, Советского государства периода Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1987. № 7.
15. *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.
16. *Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма, 1938–1958 гг.* Новосибирск, 1977. 234 с.

17. *История* Кузнецкого металлургического комбината имени В.И. Ленина. М., 1973. 464 с.

18. *Кузбасс – фронту*. Кемерово, 1975. 400 с.

19. *Шалак А.В.* Условия жизни населения Восточной Сибири, 1940–1950 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000.

O.V. MOROZOVA

**THE CONDITIONS AND MECHANISMS OF FOOD SUPPLY
IN STALINSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

In the article the analysis of the food supply system in Stalinsk during the Great Patriotic War is made. The special attention is given to the activities of the main trade and distribution organizations of the city. There were canteens, shops, markets. The author also describes the activities of the city authorities, prosecutor, trade organizations and townspeople in the process of distribution of wealth.

Keywords: The Great Patriotic War, Stalinsk, everyday life, food supply, food problem.

УДК 325.1 (571.1) “1946/1950”

В.Б. ЛАПЕРДИН

**МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ
СИБИРСКОГО ТЫЛА ***

Институт истории СО РАН
E-mail: laperdin.2011@mail.ru

В статье рассматривается роль миграции населения Западной Сибири в формировании демографического потенциала региона. Показано, что миграции выступали как в качестве положительного фактора (процесс демобилизации, приток населения из соседнего региона), так и отрицательного («вымывание» населения из деревни, увеличение половозрастного дисбаланса). Сделан вывод о росте демографического потенциала городов за счет его снижения в сельской местности. Это способствовало развитию индустриальных центров сибирского тыла, однако замедляло послевоенное восстановление производственных сил деревни.

Ключевые слова: миграция, демографический потенциал, сибирский тыл.

Население Западной Сибири выступало важным фактором формирования сибирского тыла. Оно являлось одним из ресурсов развития региона, без которого было бы невозможно создание там мощной промышленной базы. Основная цель статьи – определить влияние миграции на демографический потенциал Западной Сибири. При этом под демографическим потенциалом подразумеваются возможности количественного роста населения, характеризующиеся естественным и механическим приростом. Миграции оказывают воздействие на количественное изменение населения не только в результате его передвижения, но и посредством изменения структурных характеристик, которые, в свою очередь, определяют показатели рождаемости и смертности. Основная задача статьи – выявить воздействие миграции на численность и половозрастные характеристики населения Западной Сибири. Особое внимание уделено формированию населения промышленных центров, расположенных в Кемеровской и Новосибирской областях, а также в целом всего городского и сельского населения региона.

Хронологические рамки исследования – первое послевоенное пятилетие (1946–1950 гг.). Территориальные охватывают Западно-Сибирский реги-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068.

© Лапердин В.Б., 2014

он в его современных административно-территориальных границах, включающих Алтайский край, Республику Алтай, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области.

Основным источником для статьи послужили документы текущей паспортной статистики на основе прописки и выписки. При прописке или выписке в паспортных столах мигранты заполняли отрывной листок, направлявшийся в местные статистические учреждения для составления сводных данных. В отрывном листке указывался пол и возраст мигранта, прежнее место проживания, а в случае отъезда пункт конечного назначения. Затем эти сведения направлялись в областные и краевые отделы ЦСУ, где составлялись сводные данные. Недостатком источника является то, что информация о мигрантах собиралась только в городских поселениях и районных центрах. Основная часть сельских жителей не была охвачена учётом. В документах ЦСУ содержатся сведения о половозрастных характеристиках мигрантов, путях переселения и динамике изменения численности прибывших и выбывших из городов Западной Сибири, что позволяет охарактеризовать демографические процессы на территории Западной Сибири в послевоенные годы.

Проблема механического движения населения Западной Сибири в послевоенные годы изучена недостаточно. В своей монографии В.А. Исупов рассматривается широкий круг вопросов, связанных с миграцией: её объемы, направления, половозрастной состав мигрантов, влияние политики государства и т. д. [1]. Основной вывод работы состоит в том, что при советской модели экономики и остаточном принципе распределения ресурсов, создать нормальные условия жизни в Сибири не представлялось возможным. Люди стремились уехать в более благоприятные для проживания регионы страны. Тем не менее, в первые послевоенные годы население Сибири росло, во многом благодаря притоку демобилизованных солдат и офицеров. Негативные тенденции в основном проявились позже, в 1950-е годы.

Миграциям населения в Западной Сибири посвящена коллективная монография, изданная сотрудниками Института истории СО РАН [2]. В первые послевоенные годы Сибирь не являлась приоритетным для заселения регионом. В это время миграционные потоки направлялись в основном во вновь приобретенные после войны районы (Калининградская область) и территории, опустевшие в результате депортаций (Саратовская и Крымская области), а также на Дальний Восток с целью укрепления приграничных районов. Массовое плановое переселение колхозников из европейской части страны в Сибирь началось только в конце 1949 г. и продолжалось в последующие годы [2, с. 179–181].

Основные тенденции механического движения населения Западной Сибири после окончания Великой Отечественной войны освещены в работе Т.М. Бадалян [3]. В них на основе документов ЦСУ рассматриваются качественные и количественные характеристики переселенцев, а также направления миграции. Исследовательница отмечает, что в первые послевоенные годы из сельской местности происходило активное «вымывание» населения, в основном направлявшегося в сибирские города.

Миграционные процессы в отдельных областях Западной Сибири до сих пор не изучены. Исключением является статья А.В. Белькова, где рассматривается территориально-географический аспект миграционного движения городского населения Кемеровской области [4]. В послевоенные годы города Кузбасса испытывали значительный миграционный приток, обуславливавшийся необходимостью развития местной промышленности.

Советское государство в своей миграционной политике исходило из того, что в стране с плановой экономикой переселения также должны быть плановыми. В органах хозяйственного управления определялось в каких районах страны не хватало рабочей силы и откуда её брать. Сельскохозяйственное переселение из малоземельных районов осуществлялось в те области, где земли было достаточно. Индустриальные центры пополнялись новыми рабочими при помощи системы оргнаборов, трудовых призывов, отправки сельской молодёжи для обучения в городские училища и т. д. В рамках этой же миграционной политики происходило заселение северных и восточных регионов Советского Союза депортированным из мест прежнего проживания населением. Впрочем, следует учитывать, что сюда же прибывали на добровольной основе многие рабочие, заключившие трудовые договоры и переселенцы из сельских районов.

Во второй половине 1940-х годов Сибирь не являлась приоритетным для заселения регионом. Мигранты направлялись на присоединённые по итогам Второй мировой войны к Советскому Союзу территории (Калининградская область, район Печенги, южная часть Сахалина и Курильские острова), а также в Крым, откуда во время войны произошло выселение крымских татар, и в области, наиболее пострадавшие во время немецкой оккупации (Великолукская, Калининская, Новгородская и др.). В РСФСР из 186,5 тыс. семей, переселённых в 1946–1953 гг., 40 % приходилось на Калининградскую и Ленинградскую области, 30 % – на Дальний Восток, 10–13 % – на Крымскую, Саратовскую и другие южные области, на Урал и Сибирь – менее 10 % [5, с. 18].

Плановое заселение сельской местности Западной Сибири активизировалось в 1949 г. [2, с. 181]. В Алтайский край и Новосибирскую область прибыли переселенцы из Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и других областей [5, с. 17]. Однако, их число было незначительным. Вме-

сте с тем, Западная Сибирь не рассматривалась властями в качестве региона, откуда черпались людские ресурсы. Переселения на приоритетные территории происходили в основном из Поволжья и Центральных областей РСФСР, в то время как Сибирь принимала лишь незначительное участие в заселении других регионов. Тем не менее, только за 1947–1948 гг. из городов Сибири в приоритетные для заселения регионы страны переместилось почти 20 тыс. чел. [1, с. 249].

Во второй половине 1940-х годов широкое распространение получила практика оргнаборов, применявшаяся ещё в довоенное время. Согласно постановлению Совета министров СССР от 21 мая 1947 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих», довоенная практика пополнения трудовых ресурсов в индустриальных центрах была восстановлена. Директора предприятий заключали с колхозами договоры о поставке рабочей силы. В 1947 г. на постоянную и сезонную работу было нанято 1130,5 тыс. колхозников. К концу четвертой пятилетки число рабочих, привлеченных через оргнаборы, увеличилось до 1329,8 тыс. чел. [6, с. 96]. Многие «сезонники» не возвращались обратно домой, предпочитая оставаться на предприятиях. Кроме того, в плановом порядке для обучения в фабрично-заводских, ремесленных, железнодорожных и прочих училищах, в города направлялась сельская молодежь. За 1946–1950 гг. в училища и школы профтехобразования было принято 3568 тыс. учащихся, из которых три четверти составляла сельская молодежь [6, с. 98].

Для осуществления масштабных плановых переселений властям требовался строгий контроль над мигрирующим населением. Он должен был достигаться путем введения ряда запретительных мер. В 1932 г. в Советском Союзе была введена паспортная система. Теперь для переезда в город и получения прописки требовались специальные документы. При этом основная часть сельского населения оказалась не охваченной паспортной системой. Если в сельской местности население закреплялось за колхозами и при выезде требовалось получить соответствующее разрешение от сельсоветов, то в городах рабочие числились за предприятиями. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. за самовольный уход с работы или прогулы без уважительной причины, рабочий мог быть привлечён к уголовной ответственности. В послевоенные годы нарушение трудового законодательства и «трудовое дезертирство» стало одним из наиболее распространенных правонарушений в стране.

Государство, несмотря на попытки поставить миграционные процессы под контроль, не могло удержать людей на местах их постоянного проживания. Органами ЦСУ регулярно регистрировался отток населения из деревни в «индивидуальном порядке». В СССР в 1949 г. из 768,6 тыс. трудоспособных

членов колхозов, выбывших на постоянную работу в промышленность, через систему оргнаборов было зачислено 621,9 тыс. чел., а остальные 146,7 тыс. (более 19 %) покинули колхозы самовольно. В 1950 г. эта категория мигрантов составляла уже более 20 % убыли трудоспособных колхозников. В ряде районов бегство достигало больших размеров. За 1949 г. самовольно ушло из колхозов Поволжья 63 % всех выбывших, в районах Севера – 40,7 %, в Центральном Нечерноземье – 35,8 % [6, с. 97].

Определить объемы неконтролируемой миграции в Западной Сибири весьма сложно по причине отсутствия документов, способных ответить на этот вопрос. Для постановки проблемы следует указать следующие цифры. По данным статистических органов Новосибирской области в 1949 г. из сельской местности выбыло в организованном порядке около 15 тыс. чел., а в индивидуальном – 25 тысяч человек¹. Прибывшие в сельскую местность составляли примерно 60 % к числу выбывших². В 1950 г. в ходе плановых переселений выбыло столько же населения, сколько и в прошлом, но количество самовольно покинувших места проживания резко увеличилось, обратно вернулось около 28 тысяч человек³. Необходимо учитывать, что органы ЦСУ располагали ориентировочными данными о неконтролируемой миграции. Они показывают общую картину происходившего, но не дают точного ответа на вопрос о численности мигрантов.

Неконтролируемая миграция оказывала неоднозначное влияние на развитие демографических ресурсов Западной Сибири. С одной стороны, она была вызвана объективными факторами (развитием индустриальных центров и нехваткой рабочих рук). Вместе с тем, сказывалась разница между уровнем жизни в городах и деревне. Большую роль играла экономическая политика государства, перераспределение ресурсов между сельскохозяйственным сектором и тяжёлой промышленностью в пользу последней. Разорённая войной и социальными экспериментами властей деревня настолько обеднела, что переселение в города, где жизнь тоже не отличалась достатком, казалась сельскому населению улучшением своего материального положения и повышением социального статуса. Таким образом, неконтролируемые миграционные потоки были вызваны происходившими в стране экономическими процессами. Это сопровождалось «вымыванием» сельского населения и ослаблением его демографического потенциала.

На объёмы и направления миграционных потоков в послевоенные годы влиял ряд факторов, имевших как естественноисторический, так и пертурбационный характер. К первым необходимо отнести урбанизацию, вызванную

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7448. Л. 96.

² Там же. Л. 97.

³ Там же. Д. 7464. Л. 40.

переходом от традиционного (аграрного) общества к индустриальному. Возраставшие потребности промышленности требовали новой рабочей силы. Поэтому города Кемеровской и Новосибирской областей, где были сосредоточены основные индустриальные центры Западной Сибири, стали главными местами притяжения мигрантов. Данные ЦСУ показывают, что механический прирост городских поселений Западной Сибири в изучаемый период времени происходил крайне неравномерно и во многом зависел от уровня развития в них промышленных объектов. Как видно из таблицы 1, города Омской и Томской областей сильно отставали от своих соседей. В Алтайском крае наблюдался значительный миграционный прирост только в 1946–1947 гг., после чего последовал спад.

Таблица 1*

Механический прирост населения городов Западной Сибири в 1946–1950 гг., тыс. чел. (оценка ЦСУ на основе прописки и выписки паспортов).

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1946	34,8	94,5	33,4	25,4	7,7
1947	44,9	67,7	9,1	-2,8	5,4
1948	-0,7	95,3	10,0	-3,6	8,8
1949	0,1	67,4	15,6	4,7	7,8
1950	14,9	41,4	20,4	9,4	7,9
Всего:	94,0	366,3	88,5	33,1	37,6

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 508. Л. 13, 15, 17, 19, 21.

К пертурбационным факторам, влиявшим на миграционную активность населения, в первую очередь, относятся последствия Великой Отечественной войны. Демобилизацией можно объяснить высокий уровень механического прироста в 1946 году. По всей видимости, этим же объясняется приток населения в городские поселения Алтайского края в 1947 году. Многие мужчины, вернувшись из армии домой в сёла, предпочитали затем отправляться на заработки в города. В итоге по суммарному механическому приросту за пять лет города Алтая обошли городские поселения Новосибирской области.

Снижение миграционного прироста в 1947–1950 гг. происходило вследствие процесса реэвакуации и окончания демобилизации армии. Уполномоченный Госплана М. Шуб, в направленной председателю Омского облисполкома записке к балансу трудовых резервов области, связывал именно с реэвакуацией уменьшение численности трудоспособного населения в 1947 г. по сравнению с предыдущим годом на 10,9 тысяч человек⁴. Это объясняет отрицательные показатели механического прироста городов Омской области в 1947–1948 годах.

⁴ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 20. Л. 165.

Эвакуированных на 1 января 1946 г. в Западной Сибири оставалось 112 696 чел., на 1 ноября 1946 г. – 87 336, на 1 января 1948 г. – 47 471 чел. (цифры даны без учёта проживавших в Новосибирске эвакуируемых) [7, с. 149]. За 1946–1947 гг. из региона выбыло более 60 тыс. эвакуированных. Реевакуация происходила не только посредством индивидуальных переездов, но и в организованном порядке. Так, в 1946 г. реевакуации из Новосибирской области подлежало 3 079 чел. польских граждан, для чего Новосибирский областной Совет депутатов трудящихся просил у Совнаркома РСФСР выделить 158 оборудованных вагонов⁵. В том же году из Омской области до Бреста проследовал эшелон, в котором размещалось 1573 поляка. 19 июня 1946 г. эшелон прибыл по месту назначения, а переселенцы были переданы польской стороне⁶. Как правило, не вернувшиеся на родину до 1948 г. эвакуируемые оставались жить в Западной Сибири.

Миграционные процессы способствовали росту трудовых ресурсов крупных индустриальных центров быстрее, чем остальных городов. При этом увеличивался демографический потенциал городского населения. Данный процесс происходил неравномерно, в зависимости от развития промышленных объектов и их сосредоточения в отдельных городских поселениях. Наблюдались сильные диспропорции механического прироста между городами отдельных областей Западной Сибири.

Основным источником механического прироста городов, как и до войны, являлась молодёжь. Молодые люди более склонны к смене места жительства и поэтому отличаются повышенной мобильностью. Лица в возрасте 16–34 лет в 1938 г. составляли 53,7% всего механического прироста городов Сибири [8, с. 56]. В послевоенные годы наибольшую миграционную активность проявлял этот же возрастной контингент. Война практически не повлияла на возрастной состав мигрантов. Это положительно сказывалось на возрастной структуре населения городов, хотя не могло восполнить потери периода Великой Отечественной войны, когда на фронт ушла значительная часть молодёжи.

Возрастной состав мигрантов городов Кемеровской области, с одной стороны, и Алтайского края, а также Новосибирска с другой, несколько различался, что связано с дифференциацией в развитии промышленных отраслей (табл. 2). Кемеровская область – в основном сырьедобывающий и металлургический центр. Для работы на угольных шахтах требовались здоровые, физически крепкие молодые люди. Поэтому доля лиц в возрасте 16–24 лет среди мигрантов, прибывших в города Кемеровской области, была несколько выше. Города Кузбасса не отличались благоустрой-

⁵ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 6. Д. 16. Л. 6, 9–10.

⁶ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 26. Л. 3–4.

ством, и всё же многие прибывшие оставались здесь жить. Для определённой части молодёжи Кузбасс оказывался местом, где можно было получить образование и рабочий опыт. А затем уехать в другой регион страны, с более высоким уровнем жизни. Это объясняет то, что доля лиц в возрасте старше 25 лет среди выбывших была выше, чем среди прибывших. В Новосибирске эта разница отмечалась в возрастах старше 30 лет, в городах Алтайского края – после 40 лет.

Таблица 2*

Возрастной состав мигрантов в городах Алтайского края, Кемеровской области и Новосибирска в 1946–1950 гг. (%)

Возраст (лет)	Алтайский край		Кемеровская обл.		Новосибирск	
	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
0-15	14,1	12,0	11,9	11,4	10,7	8,1
16-19	15,6	13,1	19,8	13,7	16,9	11,1
20-24	18,9	23,3	23,6	23,6	21,0	21,6
25-29	14,0	12,8	12,4	13,3	15,0	14,0
30-34	9,9	9,4	8,3	9,1	9,9	11,0
35-39	8,0	7,6	7,1	8,2	7,9	9,8
40-44	5,6	5,8	5,2	6,2	5,2	7,1
45-49	4,1	4,4	3,4	4,4	3,6	4,9
50-54	2,7	2,7	2,5	3,0	2,6	3,7
55-59	2,1	2,9	1,7	2,1	2,0	2,5
>60 лет	4,0	5,1	3,4	4,0	4,9	5,1
Неизвестного возраста	1,0	0,9	0,5	0,5	0,3	0,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлена по: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 10 – 10 об.; Д. 16. Л. 10 – 10 об.; Д. 21. Л. 3 – 3 об.; Д. 24. Л. 4 – 4 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52 Л. 96 – 96 об. Д. 114. Л. 122 – 122 об. Д. 115. Л. 204 – 204 об. Д. 116. Л. 217 – 217 об. Д. 117. Л. 180 – 180 об. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1412. Л. 51 – 51 об. Д. 1751. Л. 39 – 39 об. Д. 2127. Л. 62 – 62 об. Д. 2481. Л. 73 – 73 об.

Половой состав мигрантов, как и возрастной, в первую очередь, зависел от развития промышленных отраслей на территории Западной Сибири. В добывающей угольной промышленности и на металлургических предприятиях Кузбасса требовались физически крепкие мужчины. Поэтому, как показывают данные таблицы 3, численность прибывших в Кузбасс мужчин превышала численность женщин. В первый послевоенный год в города Кемеровской области прибыло мужчин на 9 % больше, чем женщин. В последующие годы доля мужчин в составе мигрантов сократилась, но все же оставалась значительно выше регионального уровня. В то же время процент выбывших мужчин был меньше во все рассматриваемые годы, что способствовало усилению демографического потенциала населения Кемеровской области.

Таблица 3*

Удельный вес мужчин в составе мигрантов в городах Алтайского края,
Кемеровской области и Новосибирска в 1946–1950 гг. (%)

Год	Алтайский край		Кемеровская обл.		Новосибирск	
	прибыв- шие	выбыв- шие	прибыв- шие	выбыв- шие	прибыв- шие	выбыв- шие
1946	48,7	39,0	59,1	49,0	49,4	45,2
1947	46,2	42,0	52,3	48,8	49,5	45,7
1948	Нет данных		55,7	50,5	46,0	47,4
1949	45,4	45,2	56,8	51,2	45,2	48,8
1950	45,2	43,3	54,9	51,4	Нет данных	

* Составлена по: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 10 – 10 об.; Д. 16. Л. 10 – 10 об.; Д. 21. Л. 3 – 3 об.; Д. 24. Л. 4 – 4 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 96 – 96 об.; Д. 114. Л. 122–122 об.; Д. 115. Л. 204 – 204 об.; Д. 116. Л. 217 – 217 об.; Д. 117. Л. 180 – 180 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1412. Л. 51 – 51 об.; Д. 1751 Л. 39 – 39 об.; Д. 2127 Л. 62 – 62 об.; Д. 2481. Л. 73 – 73 об.

В городских поселениях Алтайского края и в Новосибирской области наблюдалась противоположная ситуация. Удельный вес женщин среди прибывших был выше, чем мужчин. Исключением можно считать 1946–1947 гг., когда вследствие демобилизации этот разрыв оказался минимальным. В 1948–1949 гг. произошло увеличение прослойки приезжих женщин по сравнению с мужчинами. В целом же вследствие положительного сальдо миграции в городах Алтайского края и Новосибирской области оседало мужчин больше, чем уезжало.

Благоприятный для демографической структуры населения Кузбасса приток мужчин был исключением из правил. При значительном половозрастном дисбалансе в послевоенные годы, структура мигрирующего населения в целом повторяла половую структуру населения (переселившихся женщин было больше, чем мужчин). В этом отношении миграция в городах Алтайского края и Новосибирской области не отличалась от общих тенденций. В 1946–1950 гг. в городах Сибири 48,4 % прибывших составляли мужчины, среди выбывших их было 44,6 % (при этом учитывается и Восточная Сибирь, хотя в указанные годы существенной разницы в половом составе мигрантов этих двух регионов не наблюдалось) [1, с. 222]. Возрастной состав мигрантов Кузбасса являлся исключением и объясняется спецификой развития области.

Миграционные процессы в послевоенные годы усиливали половозрастной дисбаланс населения между сельской местностью и городскими поселениями. Во время Великой Отечественной войны в армию, в первую очередь, призывались сельские жители, в то время как в городах можно было получить бронь, работая на индустриальных объектах. Поэтому половозрастной дисбаланс в деревне был сильнее, чем в городах. Миграционный отток из сельской местности молодёжи, находившейся в наиболее активных брачных возрастах, привёл к усилению дисбаланса. С другой стороны, это улуч-

шало возрастную структуру населения городов. «Вымывание» молодёжи из сельской местности вызывало увеличение в возрастной структуре деревни доли стариков и детей, в то время как в городах происходил рост трудоспособной возрастной группы. Хотя среди переселенцев, направлявшихся в города, доминировали женщины, снижение удельного веса мужчин на селе в результате миграции было значительным, что уменьшало эффективность воспроизводства сельского населения.

Анализ территориально-географических источников формирования механического прироста городов края может объяснить, откуда прибывали мигранты в городские поселения Западной Сибири. Данные таблицы 4 показывают, что Новосибирск рос в основном за счёт выходцев из своего же региона. На втором месте стояли Урал и Восточная Сибирь, имевшие для механического прироста меньшее значение – 18,2%. Отрицательный механический прирост дали союзные республики, Северо-Западный и Центральный регионы РСФСР. Убыль населения в данные регионы объясняется двумя факторами: эвакуацией и более высоким уровнем жизни в городах европейской части страны. Кроме того, из Новосибирска выбыло значительное число людей, не указавших конечный пункт назначения.

Похожая ситуация сложилась в городских поселениях Алтайского края. Здесь в первое послевоенное пятилетие миграционный обмен с Северо-Западным и Центральными районами РСФСР, а также с Украинской и Белорусской ССР, дал отрицательный естественный прирост. Города Алтайского края росли в основном благодаря приезжим из Сибири⁷.

Города Кемеровской области имели иную динамику механического прироста, чем Алтайский край и Новосибирская область. Во-первых, он происходил за счёт всех регионов страны, в то время как в городах Алтайского края и в Новосибирске ряд регионов дал отрицательное сальдо миграции (табл. 4). Большое значение этого имели трудовые мобилизации на производство из других районов страны. Во-вторых, доля выходцев из Западной Сибири среди мигрантов была намного ниже, чем в Новосибирске – 35,8%. В основном города Кузбасса росли за счёт притока населения из Западной Сибири, Урала, Поволжья, Центрально-Черноземного региона и Казахской ССР. Остальные регионы играли второстепенную роль.

⁷ Подсчитано по: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 20 – 21 об.; Д. 16. Л. 8 – 9 об.; Д. 21. Л. 4 – 4 об.; Д. 24. Л. 2 – 3 об.

Таблица 4*

Территориально-географические источники формирования механического прироста городов Алтайского края, Кемеровской области и Новосибирска в 1946–1950 гг. (на 100 чел. механического прироста)

Регион	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирск
РСФСР (всего)	90,7	82,8	118,6
В том числе регионы:			
1. Северо-Западный	-1,6	0,1	-12,9
2. Центральный	-0,6	2,3	-14,0
3. Волго-Вятский	1,1	4,0	3,1
4. Центрально-Черноземный	0,8	7,9	2,2
5. Поволжский	1,4	13,6	3,0
6. Северо-Кавказский	1,3	2,8	0,6
7. Уральский	4,2	10,2	6,3
8. Западно-Сибирский	74,9	35,8	115,8
9. Восточно-Сибирский	6,3	3,6	11,9
10. Дальневосточный	0,7	2,3	2,6
Украинская ССР	-0,9	2,1	-0,3
Белорусская ССР	-0,1	1,0	-0,2
Прибалтика и Молдавия	0,5	0,5	-1,2
Кавказские ССР	0,2	0,1	-0,7
Средняя Азия и Казахская ССР	2,9	2,8	-0,7
СССР без указания направления	5,7	10,5	-15,5
Всего по СССР	100,0	100,0	100,0

* Составлена по: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 20 – 21 об.; Д. 16. Л. 8 – 9 об.; Д. 21. Л. 4 – 4 об. Д. 24. Л. 2 – 3 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 94 – 95 об.; Д. 114. Л. 123 – 124 об.; Д. 115. Л. 205 – 206 об.; Д. 116. Л. 213 – 214 об.; Д. 117. Л. 181 – 182 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1412. Л. 49 – 50 об.; Д. 1751. Л. 37 – 38 об.; Д. 2127. Л. 59 – 60 об.; Д. 2481. Л. 68 – 69 об.

Миграция внутри Западно-Сибирского края имела решающее значение для механического прироста городов. Внутрирегиональные потоки миграции отражают данные таблицы 5, где показано, что наибольший прирост осуществлялся за счёт территорий собственных областей. Это происходило в ходе «вымывания» населения из сельской местности. Для Новосибирска 68,5 % механического прироста от переселений внутри региона дала область, в городах Алтайского края – 91,3 %, в городах Кузбасса – 43,5 %. Это обусловлено тем, что Кемеровская область принимала переселенцев из других регионов больше, чем Новосибирская или Алтайский край. Второе место по значению для миграции на территории региона занимал Алтайский край.

Самый крупный в регионе по численности населения, в основном сельскохозяйственный Алтайский край, являлся важным источником роста городов Западной Сибири.

Таблица 5*

Внутрирегиональные источники роста городов Алтайского края,
Кемеровской области и Новосибирска в 1946–1950 гг.
(на 100 чел. механического прироста).

Регион	Алтайский край		
	Городские поселения	Сельская местность	Всего
Алтайский край (без авт. области)	-119,1	87,4	84,6
<i>Ойротская авт. обл.</i> **	87,5	5,6	6,7
Кемеровская обл.	263,0	1,3	4,9
Новосибирская обл.	116,8	2,1	3,7
<i>г. Новосибирск</i>	-336,5		-4,5
Омская обл.	75,5	1,3	2,3
Томская обл.	12,8	2,3	2,3
Всего:	100,0	100,0	100,0
Регион	Кемеровская область		
	Городские поселения	Сельская местность	Всего
Алтайский край (без авт. области)	18,4	28,6	26,5
<i>Ойротская авт. обл.</i> **	3,5	0,3	0,8
Кемеровская обл.	73,8	39,1	43,5
Новосибирская обл.	15,6	17,2	18,7
<i>г. Новосибирск</i>	-4,2		-0,6
Омская обл.	5,8	9,0	8,4
Томская обл.	-12,9	5,8	2,7
Всего:	100,0	100,0	100,0
Регион	Новосибирск		
	Городские поселения	Сельская местность	Всего
Алтайский край (без авт. области).	37,5	15,2	18,4
<i>Ойротская авт. обл.</i> **	1,6	0,3	0,4
Кемеровская обл.	28,1	4,2	7,9
Новосибирская обл.	30,2	74,7	68,5
Омская обл.	2,1	0,9	1,1
Томская обл.	0,5	4,7	3,7
Всего:	100,0	100,0	100,0

* Составлена по: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 20–21 об.; Д. 16. Л. 8–9 об.; Д. 21. Л. 4–4 об.; Д. 24. Л. 2–3 об. ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 94–95 об.; Д. 114. Л. 123–124 об.; Д. 115. Л. 205–206 об.; Д. 116. Л. 213–214 об.; Д. 117. Л. 181–182 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1412. Л. 49–50 об.; Д. 1751. Л. 37–38 об.; Д. 2127. Л. 59–60 об.; Д. 2481. Л. 68–69 об.

** С 1948 г. – Горно-Алтайская авт. обл.

В послевоенные годы происходил активный миграционный обмен между городскими поселениями Западной Сибири. Многие сибиряки меняли место своего проживания, но оставались в регионе. Таким образом, сохранялись его людские и трудовые ресурсы. Со временем этот поток рос, так как происходило пополнение городов выходцами из деревни. В то же время, бывшие сельские жители не возвращались на места своего прежнего проживания.

Рассматривая влияние миграции на демографический потенциал Западной Сибири, можно сделать ряд выводов. В первые послевоенные годы советские власти не считали приоритетным развитие демографического потенциала Западной Сибири. Основная часть переселенцев направлялась на присоединенные по итогам войны территории, а также в наиболее пострадавшие от боевых действий области. Наравне с плановыми переселениями в Советском Союзе существовали неуправляемые миграционные потоки, определявшиеся предпочтениями самих переселенцев, а не государственными нуждами. «Вымывание» населения из сельской местности происходило, в первую очередь, в результате индивидуальных переселений, в то время как власти безуспешно старались сдерживать их. Неконтролируемые миграции оказывали неоднозначное влияние на народонаселение Западной Сибири и её демографический потенциал.

Крупные индустриальные центры увеличивали численность населения быстрее остальных городских поселений. Особую роль в этом процессе играл Кузбасс, где развитие металлургической и угольной промышленности привели к значительному миграционному притоку, как из других регионов страны, так и из городов и сельской местности Западной Сибири.

Миграции способствовали увеличению в городах населения трудоспособного возраста. Молодежь составляла основную часть прибывших. Женщин среди них было больше чем мужчин, что обуславливалось половозрастным дисбалансом населения, вызванным последствиями Великой Отечественной войны. В то же время в Кемеровской области сложилась противоположная ситуация. Здесь в составе мигрантов доминировали мужчины. Приток молодежи в города был необходимым условием увеличения их населения, что способствовало развитию промышленного потенциала региона. Демографические ресурсы сельской местности, наоборот, снижались за счет миграционных процессов. Из деревень уезжали наиболее трудоспособные жители, что усиливало половозрастной дисбаланс сельского населения и уменьшало его демографический потенциал.

Таким образом, во второй половине 1940-х годов миграции оказывали неоднозначное влияние на развитие демографических ресурсов Западной Сибири. Демографический потенциал городов рос за счет его снижения в сельской местности. Это способствовало развитию индустриальных центров сибирского тыла, однако замедляло послевоенное восстановление производственных сил деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
2. *Миграции* населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2011.
3. *Бадалян Т.М.* Миграционная подвижность сельского населения Западной Сибири во второй половине 40-х – 50-е годы // Демографическое развитие Сибири. 30 – 80-е гг. (исторический опыт и современные проблемы). Новосибирск, 1991.
4. *Бельков А.В.* Миграционное движение городского населения Кемеровской области в послевоенные годы (территориально-географический аспект) // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Сборник научных трудов. Кемерово, 2007.
5. *Вербицкая О.М.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 годах // Вопросы истории. 1986. № 12.
6. *Вербицкая О.М.* Основные факторы миграции и их влияние на изменение численности колхозного населения в 1946–1950 гг. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.
7. *Снегирёва Л.И.* Ревэвакуация гражданского населения из Западно-Сибирского региона (конец 1941 – 1948 гг.) // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв. Сборник научных трудов. Новосибирск. 2009.
8. *Алексеев В.В. Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.

V.B. LAPERDIN

MIGRATION PROCESSES IN THE WEST SIBERIA DURING THE POSTWAR YEARS AS A FACTOR OF STRENGTHENING OF THE SIBERIAN REAR.

The article is devoted to revealing the role of migration processes in the Western Siberia in further transformation of demographic potential in this region. The author concludes that migrations had a positive (demobilization process, influx of people from the neighbor region) and also negative ("washout" of the population from rural sector, growth of age and sex imbalance) influence upon the regional demographic situation. It is shown that demographical potential of the Siberian cities increased because of reduction population in rural areas. The author points out the growing role of migration as the factor of further development of the Siberian industrial centers, but also notices the slowing of the post-war reconstruction of the productive forces in the Siberian village.

Keywords: Migration, demographic potential, Siberian rear.

УДК 94 (571.1/.5) «16/17»

П. С. ИГНАТКИН

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КЛАССИФИКАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.: РОЛЬ ПРИРОДНО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ОРИЕНТИРОВ ***

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: ignatkin-87@mail.ru

Статья посвящена выявлению и анализу наименований природно-географических объектов и пространственных ориентиров, использовавшихся в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. для конструирования названий коренных народов Сибири. Сделан вывод, что по природно-географическому и пространственным принципам аборигенов активно классифицировали лишь в тех районах, где устойчивые административные объекты (города, волости, населённые пункты), с которыми бы можно было ассоциировать местные этносоциумы, были редки или отсутствовали вовсе. Кроме этого, такому способу учёта способствовали геофизические и флоро-фаунистические особенности местности.

Ключевые слова: Сибирь, русско-аборигенные отношения, природно-географические объекты, пространственные ориентиры, классификация, XVI–XVII вв.

Присоединение коренных народов Сибири к России, большинство из которых было подчинено Москвой в период с конца XVI до начала XVIII вв., поставило как перед правительством, так и перед землепроходцами задачу вербальной классификации и административно-фискального учёта новых подданных. Сами этнические названия аборигенов давали лишь общие сведения об их местопроживании, а использование в отношении автохтонов лексики, указывавшей на их политическое состояние («воровские», «непослушные», «немирные» и др.) или социальный статус («ясашные», «иноземцы» и др.) вообще не могло обеспечить их локализацию и предоставить информацию об их структурных подразделениях. Наиболее подробная детализация этнографической и социально-политической информации об аборигенных этногруппировках обеспечивалась включением в их названия административно-фискальной номенклатуры (через привязку абориге-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

© Игнаткин П.С., 2014

нов к уездам, городам, волостям, сотням, юртам, городкам, деревням, землицам, улусам и родам, к которым они были приписаны), использование которой позволяло максимально точно локализовывать, характеризовать и описывать аборигенные сообщества, а также структурировать территории их обитания. Кроме этого, развёрнутую информацию об аборигенном населении Сибири также обеспечивала классификация через привязку их к природно-географическим объектам (рекам, горам, природным зонам). Определённую роль играла и идентификация автохтонов через пространственные ориентиры, указывавшие направление их расположения на местности. В историографии указанные способы идентификации сибирских аборигенов разработаны слабо. Учитывая обширность заявленной проблемы, в задачи настоящей публикации войдет только выявление и анализ основных названий природно-географических объектов и пространственных ориентиров, использовавшихся для классификации русскими индигенного населения Сибири в обозначенный период времени.

Слова-определители, обозначавшие природно-географические объекты и употреблявшиеся в период Московской Руси для вербальной презентации коренных сибирских народов, заинтересовали уже самых первых исследователей, обратившихся к изучению Сибири, но целостно они до сих пор изучены не были. Способы конструирования же описаний сибирских аборигенов с помощью пространственных слов-указателей в историографии вообще не разъяснялись.

Общей чертой для исследователей XVIII–XX вв. являлось то, что они в изучении названий сибирских аборигенов, образованных вышеуказанными способами, останавливались преимущественно на этимологии отдельных обозначений, не берясь установить время их введения в оборот и не выясняя типичность их употребления для тех или иных автохтонных народов Сибири. Одним из самых первых на данной проблеме сфокусировал внимание «отец сибирской историографии» Г.Ф. Миллер, в 1730-е годы установивший отгидронимическое происхождение названий некоторых сибирских народов. К примеру, он указал, что названия «верхотурские», «андреевские» и «белаковские» «татары», зафиксированные в русских источниках в конце XVI в. произошли от названий р. Туры, озера Андреевского и р. Белаковки соответственно [1, с. 282]. В 1870-е – 1880-е годы происхождение ряда оборотов, употреблявшихся в XVII в. для обозначения татарского населения Приуралья («юрманские», «верх-иренские», «бабинские», «шаквинские» «татары») объяснил В. Шишонко, отметив, что они произошли от названия соответствующих рек, в бассейне которых проживали указанные группы аборигенов: от р. Юрман [2, с. 43. Прим. 72; 3, с. 155], Ирени [2, с. 120. Прим. 212], Бабки и Шаквы [2, с. 120. Прим. 213, 214; 3, с. 256]. Следует отметить,

что в XVII в. в источниках также фигурировали административно-фискальные единицы с такими же названиями, полученными по расположению на указанных реках. Более вероятно, что названия этих групп татар с самого начала были образованы не от гидронимов, а по наименованию тех политических структур, к которым они были приписаны.

Интерес к изучению отгеографических слов-определителей, употреблявшихся для обозначения сибирских аборигенов активизировался во второй половине XX в., хотя их анализ и тогда был также крайне фрагментарный и лаконичный. Так, Б.П. Полевым было раскрыто значение оборота «морские каменные чукчи», встречающегося в источниках второй половины XVII в. и обозначающего группу чукчей, проживавших на «Большом каменном носу» (Чукотском полуострове) [4, с. 105]. М.А. Момина отметила, что оборот «кондинские остяки», упомянутый Н. Спафарием в конце XVII в., является отгидрономическим и указывает на проживание этой группы хантов на р. Конда [5, с. 145]. Однако, учитывая существование «кондинской волости», регулярно фигурирующей в источниках с конца XVI в., происхождение указанного оборота имеют все основания возвести к названию административно-фискальной единицы, а не к названию реки, что в таком случае значительно изменяет наше представление о фокусе восприятия «кондинских остяков» русскими, ставя не географический, а политический акцент на их названии. Более подробно о путях раскодирования информации в подобного рода оборотах, этимология которых позволяет их возводить как к наименованиям природно-географических объектов, так и к названиям политических структур и которые чрезвычайно активно употреблялись в изучаемое время будет сказано ниже. В.И. Васильев предположил, что названия части энцев – «тазовская» и «худосейская» «самоядь», известные с 1620-х годов, обязаны своим происхождением названиям местности (рек), где они кочевали. Отгидрономическое происхождение оборота «худосейская самоядь» В.И. Васильев аргументировал тем, что он был зафиксирован еще до основания Худосейского ясачного зимовья, известного с 1627 г. [6, с. 107]. И.И. Крупник обратил внимание на языковые способы каталогизации ненцев русскими в XVII–XVIII веках. Он указал на отгеографическое происхождение оборотов «березовские» и «обдорские» самоеды, образованных от названия территории их расселения и административных единиц, которым они были подведомственны – Берёзовского уезда и города Обдорска [7, с. 128]. Кроме этого, автором также отмечена ландшафтная маркировка «обдорских самоедов», которые по его выкладкам с середины XVIII и до начала XX вв. делились на «каменных», обозначенных так по слову «Камень» – названию Урала, бывавшему в то время у русских и «низовых», наименованных по названию тундр, расположенных восточнее устья Оби – территории,

обозначавшейся русскими как «низовая сторона» [7, с. 129]. В 2000-е годы природно-географической классификации чукчей и коряков уделил внимание А.С. Зуев, отметив, что русские в обозначении указанных этносов во второй половине XVII – начале XVIII вв. часто использовали привязку к определенной территории (чукчи: «носовые», «решные» [8, с. 88; 9, с. 347], коряки: «олоторские», «акланские», «Каменного и Косухина острогов», «паренские», «ильпейские», «апуцкие», «чендонские» и т. д.) [8, с. 88].

С методологической точки зрения самого высокого внимания заслуживает тонкое наблюдение В.В. Пестерева, указавшего на то, что в Московской Руси (и в Сибири в частности), как и в иных доиндустриальных обществах, пространство воспринималось через призму выделяемых объектов и представлений о них [10, с. 42], его восприятие было очаговым [10, с. 44]. Эти ориентиры не просто заполняли пространство, но сами конституировали его, делали качественно разнородным, анизотропным. Достойным внимания и описания считалось лишь то, что имело значение, что могло быть названо и интерпретировано [10, с. 42]. Указание топонимов и гидронимов признавалось более информативным, нежели описание реальных географических объектов [10, с. 43].

Следовательно, к настоящему времени изучены только отдельные, преимущественно отгидронимические обороты, использовавшиеся для номинирования сибирских аборигенов. Почти никакого внимания не обращено на иные слова-определители природно-географического и пространственного значений. Не изученными остаются ни время введения в оборот основных слов-классификаторов данного круга, ни параметры их употребления.

Целью данного исследования является изучение названий аборигенов Сибири в XVI–XVII вв., конструировавшихся русскими на основе наименований природно-географических объектов и пространственных ориентиров. Наша задача будет состоять в том, чтобы, во-первых, выявить и проанализировать круг базовых названий природно-географических объектов и пространственных ориентиров, применявшихся для обозначения аборигенов Сибири, а, во-вторых, выяснить к каким конкретно народам Сибири они употреблялись. Все это позволит понять, как место и роль, которую занимала лексика этого происхождения в идентификации аборигенных народов Сибири русскими, так поможет и углубить в целом наши представления о принципах классификации «сибирских иноземцев».

При изучении таких слов-определителей, первостепенное внимание следует уделить их происхождению и выяснить, что именно они обозначали – природно-географический объект, пространственный ориентир или же административно-фискальную единицу. Затруднения в интерпретации, а также высокая вероятность получения ложной этимологии вызваны тем,

что значительное количество названий административно-фискальных единиц, существовавших в Сибири в изучаемое время, имели отгеографическое происхождение. Как, к примеру, указал Б.О. Долгих, большинство «волостей» западносибирских аборигенов (татар, манси, хантов) в XVII в. имели чисто территориальное название и именовались по рекам или по именам лиц, их возглавлявших [11, с. 11, 67]. Поэтому при изучении многих оборотов, обозначающих аборигенные группы населения, их названия можно ошибочно возвести как, к примеру, к наименованию водного объекта, так и к названию административной единицы. К примеру, структурирование «вагуличей» на «сосвинских», «лялинских», «лозвенских» происходило не столько через привязку их к рекам, как может показаться на первый взгляд (по названию рр. Сосьва, Ляля, Лозьва), сколько через соотнесение указанных групп населения с названием «волостей», в которых они проживали («сосвинская», «лялинская», «лозвенская» «волости»). Для того, чтобы понять, как воспринимали русские аборигенное население Сибири и как происходил процесс формирования их образов принципиально важно уяснить какие в точности вербальные инструменты были задействованы в их инвентаризации и описании. Совершенно ясно, что лексика природно-географического, пространственного и административно-фискального происхождения даже в случае сходства звучания принципиально различается по смыслу, и употребление того или иного слова из указанных категорий мотивируется различными причинами и логикой выбора. Выводы о том, как именно русские воспринимали те или иные коренные этносы Сибири напрямую зависят от уяснения способов их классификации. Правильное раскодирование информации, заложенной в словах-определителях выделенного круга, обеспечивается только детальным знанием этнической и административно-политической карты региона обозначенного времени.

Подчеркнём, что в конструировании названий всех аборигенных народов Сибири главную роль играла лексика, обозначающая равноуровневые и разнохарактерные административно-фискальные единицы их учёта (уезды, города, волости, сотни, юрты, городки, деревни, землицы, улусы и роды), названия которых соединяли с этнонимами, получая детальное и структурированное описание региональных этномассивов. Но при этом, согласно источникам одни группы коренных народов Сибири русские почти всегда учитывали исключительно по указанному административно-фискальному принципу, а при классификации других зачастую использовали также природно-географическую и пространственную терминологию, нетипичную или вовсе неиспользуемую для обозначения первых. В целом следует заметить, что формирование названий аборигенов во многом определялись их социальной структурой, укладом хозяйственно-экономического быта, геофи-

зическими особенностями территории их проживания, а также степенью удалённости от сети русских поселений.

Все аборигенные этносы Сибири по типичности, хронологии и частотности использования наименований природно-географических объектов и пространственных указателей в конструировании их названий можно условно разделить на несколько групп.

1. Раньше всего употреблять природно-географические классификаторы стали к ненцам, хотя в целом учёт по административно-фискальному принципу был для них главным (их чаще всего классифицировали по «родам»). Кроме хронологического принципа, ненцев выделить в отдельную группу также позволяет разнообразие данных слов-определителей, применявшихся к ним. Это отличало их от большинства других сибирских автохтонов, номинирование которых чаще всего осуществлялась с помощью одного / двух классов слов-конкретизаторов природно-географического круга.

Ландшафтные классификаторы к ненцам стали употреблять уже в конце XV века. В сказании «О человецех незнаемых», созданном в указанное время, упоминается «самоедь, зовома каменская», проживающая «около Югорския земли» в горах¹, под которыми подразумевается Полярный Урал. Из приведенного сообщения становится ясно, что критерием, позволившим квалифицировать данную группу ненцев «каменскими» являлись ландшафтные условия (горный рельеф местности), в которых они обитали, резко выделявшиеся на фоне остальной – равнинной территории, прилегавшей к Уралу. Сходные по звучанию и семантике обороты употреблялись и гораздо позже: «каменная самоедь» (1607 г.)², «каменной самоедин» (1608 г.)³, «закаменной самоедин» (1702 г.)⁴. В последнем случае произошло объединение ландшафтного определителя с пространственным ориентиром.

Геофизические и флоро-фаунистические особенности тундры, в которой обитала значительная часть ненцев, также фокусировали на себе внимание русских, которые использовали название этой природной зоны для классификации их определенных групп (см., напр.: «тундряная самоедь / самоедь» (1608, 1631 г.)⁵, «тундряной самоедин роду Тысы-

¹ Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. С. 81.

² Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. № 77. Стб. 167.

³ Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 52.

⁴ Барсов Е.В. Донесение Андрея Воейкова Петру Великому об открытии самоедами серебряной руды в верховье Пады реки // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1882. Кн. 2. V. Смесь. С. 16.

⁵ Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 51; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 297. С. 451.

ня» (1667 г.)⁶). Более точная их локализация и идентификация обеспечивалась также дополнительным указанием на административно-фискальную единицу, к которой они были приписаны (см., напр.: «верхотаская и тундряная ясачная самоядь: Леденкина шару, роду тынгиных, набарадкы и казарадкы и иные роды» (1633 г.)⁷, «ясачный мангазейской тундряной самоядин Леденкина Шару» (1636 г.)⁸). Появление определителя «тундряной», как одного из инструментов структурирования ненцев, было обязано их разделением по условиям обитания на тундровых и лесных. Это отличие было замечено русскими и стало использоваться в качестве классификационного признака при их описании.

Любопытно, что к юкагирам и чукчам, также обитавшим в тундровой и лесотундровой зонах, согласно источникам определитель «тундряной» никогда не употреблялся. Данное обстоятельство объясняется тем, что территория обитания этих народов (юкагиров в основном, а чукчей – полностью) располагалась в пределах указанных природных зон.

Идентификация ненецких групп, кочевавших вблизи Северного Ледовитого океана, осуществлялась с помощью маркера «море», передававшего наиболее примечательный признак указанной местности: «морская самоядь» (1597 г.)⁹.

Обозначение ненцев по названию мест их обитания было также активным. При конструировании отгеографических названий русскими обращалось внимание как на наименование территории (см., напр.: «самоядь югорская» (1525 г.)¹⁰, «югорская самоедь» (1574 г.)¹¹), так и на название рек. Но гидронимы в наименованиях ненцев преобладали (см., напр.: «тазовская» и «худосейская» «самоядь» (см. выше), «мангазейская и енисейская самоядь» (1600, 1603 г.)¹² и др.).

Пространственные же слова-ориентиры при номинировании ненцев использовались редко. К примеру, из источников известен оборот «низовская

⁶ Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. № 35. С. 172.

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 313. С. 470.

⁸ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург, 2004. № 4. С. 19.

⁹ Под стягом России: Сб. архивных документов. М., 1992. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950. С. 468, 479. Точная локализация Югры дискуссионна. По одной из самых распространенных точек зрения, Югра – название земель между р. Печера и Северным Уралом в русских источниках XII–XVII вв. См.: Под стягом России: Сб. архивных документов. М., 1992. С. 6. Прим. 1.

¹² Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. № 188. Стб. 838, 842, 844; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. № 1. С. 51.

самоядь» (1667 г.)¹³, которым была обозначена часть самоедов, проживавших на территориях, прилегающих к нижнему течению Енисея.

2. Большинство аборигенов Сибири (сибирских татар, манси, хантов, селькупов, кетов, енисейских киргизов, бурят, якутов) составляло другую группу, отличавшуюся тем, что русские при их классификации, в первую очередь, обращали внимание на политический аспект, а идентификация с природно-географическими объектами была для них нехарактерной. Пространственное структурирование осуществлялось также выборочно.

Из природно-географических объектов реки в качестве ориентиров, структурирующих сибирское этносоциальное пространство, занимали главное место, таким путем репрезентировались отдельные группы сибирских татар («ондреевские» (1593/94 г.)¹⁴, «иртышские татара» / «иртишские тотары» (1622, 1663 г.)¹⁵, селькупов («обские люди» (1605 г.)¹⁶, «кетские яшашные остяки сымские и с Касу реки и енисейские» (1609/10 г.)¹⁷, «обские остяки» (1616/17 г.)¹⁸) и некоторых других этносов. Встречаются и названия, приуроченные к конкретной местности, как, например, приуральские «заволочные татаровя»¹⁹, упомянутые в 1622 году.

Особо отметим, что значительное количество русских обозначений других автохтонных народов Сибири, по звучанию имеющих отгидронимическое происхождение (только одни манси к началу XVII в. русскими были сгруппированы на вишерских, верхотурских, кондинских, лозвинских, лялинских, пельмских, сосвинских, туринских, тагильских, чувовских и др.), скорее всего, восходят к названиям административно-фискальных единиц. В пользу этого свидетельствует тот факт, что одновременно с упоминанием данных обозначений сибирских аборигенов в источниках начинают фигурировать административно-фискальные единицы с такими же названиями. Учитывая то, что московские и местные власти с самого начала стали внедрять политическую классификацию местных аборигенов путем их включения в фискальные образования (это могли быть «иноземческие» волости, роды и т. д.), создаваемые и формируемые русскими на всех без исключения вновь присоединяемых территориях и стремились жестко контролировать сохранение

¹³ Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. № 29. С. 161.

¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 13. С. 351.

¹⁵ Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. № 126. С. 306; *Вершинин Е.В., Шашков А.Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2002. № 8. С. 149.

¹⁶ *Русская историческая библиотека.* СПб., 1875. Т. 2. № 75. Стб. 162.

¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 90. С. 253.

¹⁸ Там же. Т. 1. № 92. С. 438; Т. 2. № 117. С. 273.

¹⁹ *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук.* СПб., 1836. Т. 3. № 124. С. 174.

присвоенного им статуса ясачных, с полной уверенностью можно утверждать, что индигенное население в дальнейшем и воспринималось русскими по его административной приписке. В начальных фазах колонизации новых территорий при учете и описании аборигенных коллективов, разумеется, ориентация на природно-географические объекты, и в особенности, реки была велика, если не первостепенна. Затем, с образованием административно-фискальных единиц, это необходимость отпадала. К примеру, те же манси в грамоте царя Б.Ф. Годунова верхотурскому воеводе И. Вяземскому от 1599 г. связывались с реками, на которых они проживали: «а которые Верхотурского ж уезда наши ясачные вагуличи живут на реке на Сосве, и на Лозве, и на Удоли, и на Вишере, и на Печере, и на Ульсьи, и те де вагуличи лошадей не держат и от Верхотурья живут далече»²⁰. Впоследствии эти этногруппировки по рекам, как правило, не идентифицировались, зато указаниями на их территориальную подведомственность той или иной политической структуре (уезду, городу, волости и т. д.) источники изобилуют.

Идентификация аборигенного населения через названия характера рельефа земной поверхности применялась только к отдельным группам татар, проживавшим на Южном Урале, а также башкирам, расселенным в Зауралье. С конца XVII в. в источниках начинают фигурировать «горные татары» (1685/86 г.²¹, 1700 г.²²). Введение в оборот по отношению к татарам классификатора «горный» следует связать с их проникновением в обозначенное время в данную местность. Любопытно, что к той части манси, которые обитали в сходных ландшафтных условиях (на Среднем и Северном Урале) такой определитель не применялся. В отношении же указанной группы татар его введение, скорее всего, детерминировалось тем, что проживание в горной местности сильно их выделяло от подавляющей части остальных татар, обитавших на равнине, и поэтому, он мог служить классификационным признаком. Обозначение же манси подобным образом не предоставило бы русским никакой дополнительной информации, поскольку значительная часть из них и так проживала в горных или предгорных районах. Те группы башкир, которые во второй половине XVII в. стали расселяться в Зауралье (то есть за «Камнем» – Уралом) стали обозначать «закаменными» (см., напр.: «закаменные башкирцы» (1693 г.)²³).

Издредка русские воспринимали сибирских аборигенов через призму природных зон. Так, одним из факторов, оказавшим влияние на формирование образа енисейских киргизов, существовавшего в представлениях русских XVII в.,

²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 30. С. 372.

²¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. № 7. С. 77.

²² Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. СПб., 1878. С. 81.

²³ Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. № 12. С. 81.

являлось то, что они ассоциативно связывались со степью – наиболее характерным экотипом, их окружавшим. К примеру, в 1628 г. со слов русских енисейские киргизы, принимая шерть, заявляли, что «люди мы степные, кочевные»²⁴; а в 1701 г. в грамоте Петра I тобольским воеводам киргизы наряду с чёрными калмыками были представлены как «суровые степные ды»²⁵. Учитывая редкость тех случаев, когда источники акцентируют внимание на том, что енисейские киргизы являлись степняками, следует заключить, что ментальная компонента «степь» в представлениях о них занимала лишь подчинённую роль. При восприятии аборигенов таёжной зоны внимание русских, в свою очередь, не могло не привлечь то, что они обитали в обширных труднопроходимых лесах. Так, в 1667 г. сотники ясачных волостей Верхотурского уезда, привлеченные для «роспроса» о степени осведомлённости своих соплеменников о христианстве и об их религиозных культах, в частности отвечали, что «пророка Моисея и иных никого не знают, люди дикие, лесные и неграмотные...» [12, с. 30]. Из контекста повествования «роспроса» ясно, что «лесными» «верхотурские ясачные люди» были названы для того, чтобы подчеркнуть отдаленность их проживания от сети русских поселений и указать на чуждость русской духовной культуре. Однако и эта маркировка, также, как и классификатор «степь», никогда не являлась главной в идентификации и вербальной презентации западносибирских автохтонов.

Пространственные ориентиры, за исключением указателей общего характера (таких, к примеру, как «тамошние»), для описания всех указанных народов были не свойственны, употребляясь, опять же, только в отношении отдельных групп аборигенов. Преимущественно использовался ориентир, построенный на оппозиции «верх – низ» и указывавший на соответствующий участок реки – верхнее или нижнее ее течение (см., напр.: «Тобольсково уезда ясачных волостей остяки, которые живут вниз по Иртышу» (1629 г.)²⁶, «янские низовские ясачные якуты Аибина улуса» (1645/46 г.)²⁷).

Происхождение оборота «верхние мелесцы» (1622 г.)²⁸, обозначавшего «чулымских татар», а также выражения «верхние кир-

²⁴ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакассии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. № 16. С. 82.

²⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. № 32. С. 134.

²⁶ Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2002. № 23. С. 180, 181.

²⁷ Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. № 32. С. 131.

²⁸ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакассии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. № 12. С. 38.

гизы / киргизцы» (1680-е гг.)²⁹, маркировавшего отдельную группу енисейских киргизов, было связано не с пространственными ориентирами, а объяснялось наличием волостей и улусов, обозначенных русскими как «верхние» (см., напр.: «верхние мелеские волости» (1634 г.)³⁰, «верхние киргизские улусы» (1689 г.)³¹).

3. В номинировании тюрков и самодийцев горной части Южной Сибири (Алтае-Саянская горная страна) в отличие от соседних народов названия характера рельефа местности, на которой они проживали, занимали важную роль в их идентификации (по всем остальным параметрам описания они тяготели к предыдущей группе). Часть этой территории с самого начала XVII в. была известна как «горные волости» (Саяны), само же население обозначалось «горными» и «каменными» (см., напр.: «горные колмаки» (1630 г.)³², «государевы яшашные люди, горные порубежные мужики» (1657 г.)³³, «каменные моторы» (1679, 1684 г.)³⁴, «горные порубежные люди» (1680 г.)³⁵, «горные порубежные яшашные мужики», «горные шуйские мужики» (1699 г.)³⁶, «горные татара» (1701 г.)³⁷, «горные порубежные татары» (1704 г.)³⁸).

4. Наиболее же значительную и активную роль в идентификации индигенных сибирских этногрупп природно-географические объекты и пространственные ориентиры играли в отношении тунгусов, юкагиров, коряков и чукчей.

Классификация их по природно-географическому принципу по частотности использования уступала способам учёта по административно-фискальной принадлежности, но в сравнении с другими аборигенами Сибири была значительно шире. Основным классификатором выступали названия рек (см., напр.: «тунгусы алданские» (1640 г.)³⁹, «витимский тун-

²⁹ *Титов А.* Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 79; *Русско-монгольские отношения. 1654–1685.* Сб. документов. М., 1996. № 194. С. 369.

³⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 335. С. 487.

³¹ *Русско-монгольские отношения. 1685–1691.* Сб. документов. М., 2000. № 68. С. 204.

³² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 278. С. 430.

³³ *Русско-монгольские отношения. 1654–1685.* Сб. документов. М., 1996. № 8. С. 29.

³⁴ *Дополнения к актам историческим.* СПб., 1869. Т. 11. № 53. С. 162; *Русско-монгольские отношения. 1654–1685.* Сб. документов. М., 1996. № 177. С. 346.

³⁵ *Сборник князя Хилкова.* СПб., 1879. № 100. С. 318.

³⁶ *Спасский Г. И.* Две грамоты о начале горного промысла в Сибири // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* 1850. Кн. 7. II. Материалы. С. 11.

³⁷ *Памятники Сибирской истории XVIII века.* СПб., 1882. Кн. 1. № 32. С. 130.

³⁸ Там же. № 60. С. 237.

³⁹ *Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.* Сборник документов. Л., 1936. № 41. С. 94.

гус» (1643 г.)⁴⁰, «виллойские тунгусы» (1648, 1653 г.)⁴¹, «с Селенги реки ясачные тунгусы бирянского роду» (1680 г.)⁴², «алазейские юкагирские люди» (1645/46 г.)⁴³, «алазейские юкагирские мужики» (1650 г.)⁴⁴, «алазейские юкагири» (1651, 1652 г.)⁴⁵, «погыченские иноземцы» (1647 г.)⁴⁶, «неясачные зашиверные устьмомские юкагири (1651 г.)⁴⁷, «ковымские новые неясачные люди» (1647, 1652 г.)⁴⁸, «Ковымы реки ясачные юкагири» (1657/58 г.)⁴⁹, «ясачные индигирские юкагири» (1660 г.)⁵⁰. При этом, согласно источникам, частота гидронимической идентификации наращивалась при описании юкагиров, коряков, чукчей.

Ландшафтные определители к этой группе народов употреблялись различно: в описаниях тунгусов они отсутствовали, что их сближало с большинством аборигенных этногруппировок Сибири; к юкагирам и чукчам – применялись активно (см., напр.: «ходынские каменные оленные мужики» (1650/51 г.)⁵¹, «закаменные юкагиры» (1651 г.)⁵², «Аньюсково хребта ясачные инозем-

⁴⁰ Шестаков М. Инструкция письмянному голове Пояркову // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 1. V. Смесь. С. 1.

⁴¹ Материалы по истории Якутии (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 3. № 18. С. 878; Полевой Б.П. Известная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 32.

⁴² Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник документов. Л., 1936. № 60. С. 117.

⁴³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. № 32. С. 134.

⁴⁴ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Л.-М., 1952. № 19. С. 77.

⁴⁵ Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. № 80. С. 284; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Л.-М., 1952. № 76. С. 218; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. № 146. С. 367, 368.

⁴⁶ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. М.-Л., 1952. № 13. С. 65.

⁴⁷ Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. № 75. С. 276.

⁴⁸ Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. № 98. С. 350; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. № 78. С. 233.

⁴⁹ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник документов. Л., 1936. № 45. С. 98.

⁵⁰ Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. № 82. С. 218.

⁵¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. М.-Л., 1952. № 72. С. 207.

⁵² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. М.-Л., 1952. № 73. С. 211.

цы» (1666 г.)⁵³, «каменные юагиры» (1679 г.)⁵⁴, «морские каменные чуччи» (1680-е – 1690-е годы) [4, с. 105], «решные чюкчи» (1711 г.)⁵⁵, «носовые чукчи» (1711 г.)⁵⁶ и др.). Заметим, что классификатор «морской» из всех сибирских народов употреблялся только по отношению к ненцам и чукчам, отдельные группировки которых занимали прибрежные районы Северного Ледовитого океана. «Решными» (то есть речными) и «носowymi» обозначали вообще только одних чукчей.

Пространственные ориентиры привлекали в подавляющем большинстве случаев только для локализации и учёта тунгусов, зачастую занимавших бассейны крупных рек на протяжении всего их течения и вследствие чего оппозиция «верх – низ» приобретала для их обозначения ценное значение (см., напр.: «верхние дальние тунгусы» (1620/21 г.)⁵⁷, «тунгуские новые пицкие тунгусы» (1622/23 г.)⁵⁸, «верхние тунгуские люди» (1625 г.)⁵⁹, «верхние тунгусы» (1629 г.)⁶⁰, «верхние шаманские тунгусы» (1631 г.)⁶¹, «Тугирского острожку низовые ясачные тунгусы ударского, да адатыгирского, да нашатагирского родов» (1683 г.)⁶²).

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в Московском государстве XVI–XVII вв. природно-географической и пространственной номенклатуре в конструировании названий аборигенных этносов Сибири наряду с лексикой иного происхождения отводилась весьма важная, хотя и не главная роль. Классификация по указанным принципам была характерна не для всех сибирских этногруппировок, являясь нормой только в отношении отдельных из них. Из наименований природно-географических объектов, в первую очередь, привлекались гидронимы, употреблявшиеся в названиях всех сибирских народов, хотя и с разной частотностью; отдельные аборигенные этосоциумы классифицировались по характеру горного рельефа местности (ненцы, тюрки и самодийцы Горного Алтая и Саян, юагиры), природных зон тундры (ненцы), степи (енисейские киргизы, чёрные калмыки), а также по близкому расположению к морю (ненцы, чукчи). Собственные названия территорий в конструировании этнообозначений использовались

⁵³ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник документов. Л., 1936. № 54. С. 112.

⁵⁴ Там же. № 58. С. 116.

⁵⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. № 108. С. 456, 457.

⁵⁶ Там же. № 108. С. 457, 458.

⁵⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 158. С. 304.

⁵⁸ Там же. № 195. С. 341.

⁵⁹ Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994. С. 123.

⁶⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. № 7. С. 139.

⁶¹ Там же. № 20. С. 173.

⁶² Дополнения к актам историческим. СПб., 1876. Т. 10. № 78. С. 346.

слабо. Можно констатировать, что активное включение наименований природно-географических объектов в названия сибирских народов осуществлялось по отношению к тем из них, которые, во-первых, проживали в районах, отличающихся геофизическими особенностями местности, нетипичными для общего пейзажа (горы Урала, Южной и Северо-Восточной Сибири; природные зоны тундры, степи, морские побережья), а, во-вторых, происходило там, где устойчивые административные объекты, с которыми бы можно было ассоциировать местные этносоциумы, были редки или отсутствовали во все и где само население вело кочевую или бродячую жизнь (ненцы, тунгусы, юкагиры, коряки, чукчи и др.). Пространственные ориентиры были менее популярны в конструировании этнографического дискурса. Они преимущественно строились на оппозиции «верх – низ» и включались в названия аборигенов для указания участка течения реки, в районе которого те проживали.

В целом следует заметить, что природно-географическая и пространственная идентификация коренных сибирских народов преследовала те же цели, что и любая иная классификация, использовавшаяся русскими в Сибири и была направлена на локализацию, учёт и вербальную презентацию аборигенного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1. 630 с.
2. Шишонко В. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь, 1872. 177 с.
3. Шишонко В. Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период. С 1613–1645. Пермь, 1882. 502 с.
4. Полевой Б.П. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 года // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1965. № 2. С. 101–111.
5. Момина М.А. Названия народов Сибири и Дальнего Востока в «Описании Сибири» и статейном списке Н.Г. Спафария // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. 1969. Т. 366. С. 144–156.
6. Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979. 240 с.
7. Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 122–151.
8. Зувев А.С. Русско-аборигенные отношения на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начала XX века): Сборник статей. Новосибирск, 2008. С. 85–154.

9. *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск, 2009. 468 с.

10. *Пестерев В.В.* Организация населения в колонизируемом пространстве: очерки колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв.: монография. Курган, 2005. 237 с.

11. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с.

12. *Главацкая Е.М.* Русская власть и коренное население Урала и Зауралья в XVII в. // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 23–32.

P. S. IGNATKIN

**THE ETHNOGRAPHIC AND SOCIO-POLITICAL CLASSIFICATION
OF THE SIBERIAN INDIGENOUS PEOPLES IN MOSCOW RUSSIA
OF THE XVI–XVIIth CENTURIES: THE ROLE OF NATURAL-
GEOGRAPHICAL OBJECTS AND SPATIAL REFERENCE POINTS**

The article focuses on revealing and analysis of the names of natural-geographic objects and spatial reference points, which were used in the Russian communicative space of the XVI–XVII centuries for constructing the names of the Siberian indigenous peoples. The author concludes that aboriginal were actively classified by natural-geographical and spatial principles only in those areas where rarely occurred or almost had not been existed sustainable administrative objects (towns, districts, settlements), which could be used for association with local ethnic sociums. Furthermore, using of this accounting method became able because of specific geophysical and flora-fauna features of the area.

Keywords: Siberia, Russian-aboriginal relations, natural-geographic objects, spatial reference points, classification, XVI–XVII centuries.

УДК 93/97

А.Н. МАКАРОВ, Н.Н. МАКАРОВА**«БОЕВОЕ ИСКУССТВО КАРИКАТУРЫ»
В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ МАГНИТОГОРСКА
(1929–1935 гг.)**

К.и.н.

средняя общеобразовательная школа № 49, г. Магнитогорск
makarovalex88@mail.ru

К.и.н.

Магнитогорский государственный технический университет
makarovanadia@mail.ru

В статье рассматривается отражение социально-бытовых проблем Магнитогорска периода форсированной индустриализации в карикатуре. На основе широкого круга архивных источников и материалов периодической печати дана характеристика основным периодическим изданиям Магнитостроя, выявлены сюжеты, которым чаще всего карикатура уделяла внимание. Авторы приходят к выводу о том, что карикатурные изображения активно использовались в местных многотиражных газетах, в газетах-листочках и «молниях». Образы, создаваемые местными карикатуристами, были понятными и узнаваемыми. Они высмеивали наиболее серьезные культурно-бытовые проблемы и были рассчитаны на все категории населения Магнитогорска. Карикатура также отражала общий уровень развития материально-технической базы городской типографии, степень грамотности местного населения и выступала порой как стимул для совершения тех или иных действий. Карикатура была инструментом борьбы за новую трудовую этику и обличала все недостатки социально-бытового характера.

Ключевые слова: индустриализация, карикатура, социокультурная среда, Магнитогорск.

История изучения комического имеет давнюю историю, восходящую к Аристотелю [1] и философам Античности. На сегодняшний день можно выделить три ключевых направления изучения смеха и комического. Первое направление объединяет в себе философские взгляды на природу смеха. В настоящее время в этом направлении работают исследователи Л.В. Карасев [2], К. Глинка [3], А.Г. Козинцев [4], А.Д. Кошелев [5], М.Т. Рюмина [6] и др. Исследователи пытаются объяснить происхождение смеха, выявить его виды, функции и т. д. Второе – социально-психологическое – призвано изучить влияние различных видов смеха на поведение человека в разнообразных ситуациях, изучить ментальные структуры и процессы человеческого

сознания, которые реализуют комический эффект, а также объяснить биологические и социальные корни комического [5, с. 277–278]. Третье направление включает разнообразные подходы к изучению смеха как исторического феномена. Предметом изучения историков могут выступать анекдоты, шаржи, карикатуры, то есть все то, что в различные времена вызывало смех у слушателей или зрителей (читателей). В 2011 г. в Челябинске состоялась международная конференция «Смеховая культура в России XVIII–XX вв. Междисциплинарные подходы, проблемы, перспективы», участники которой обратились к анализу смеха как теоретико-философской проблемы, средству контроля, сопротивления и приспособления, и формам репрезентации смеха.

Смеховая культура в достаточной степени условно может быть разделена на юмор официальный, как составную часть определённой идеологии, и народную смеховую культуру, которая подчас стихийно рождается в ответ на официальную идеологию. По словам исследователя И.А. Бутенко, в закрытом тоталитарном обществе смеховая культура существовала в двух формах. Первая – это официально разрешенная и тщательно контролируемая сатира на макроуровне, в которой функция шутки заключалась в воздействии на поведение личности; вторая – в образе устного рассказа, передающегося из уст в уста, который практически не был подвержен цензурному влиянию [7, с. 136], однако, именно такие рассказы фиксировали в спецсводках НКВД «О политических настроениях в обществе». Например, в «новом» городе, а именно так мыслился Магнитогорск архитекторами и идеологами нового быта, рождались шутки на злобу дня. В условиях жилищного кризиса и отсутствия отдельного жилья для семейных пар, распространение среди жителей бараков получила частушка:

Мы с женою расписались,

Чтобы больше не грешить.

На подоле написали:

«Без доклада не входить!»¹

Крайне неудовлетворительные условия жизни населения в период сталинской форсированной индустриализации формировали различные способы выживания, в том числе способность человека смеяться. Широко известно, что смех обладает оздоровительным эффектом, проявляющимся не только на физиологическом, но и на психическом уровне, что связано с избавлением от депрессивных эмоций.

Роль смеха как «отдушины» для народа понимала власть и активно использовала юмор как средство воздействия на массовое сознание. Не случайно в 1930-е годы широкое распространение получает кинокоме-

¹ РГАЛИ. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 52. Л. 44.

дия. «В местности со значительным преобладанием пролетариата к тяжелым сюжетам проявляется очень незначительный интерес. Рабочая публика больше требует сюжетов, заставляющих ее позабыть тяжелые условия жизни...» [8, с. 33–34]. Следовательно, в условиях тоталитаризма в сочетании с низким уровнем жизни населения, смех играл значимую роль, осуществлял своего рода рекреационную функцию. В Магнитогорске в невероятно сложных жизненных условиях, смех, помимо восстанавливающей, защитной, играл, конечно, пропагандистскую функцию.

Карикатура является довольно популярным объектом исследования. Историки рассматривали широкий спектр проблем, среди которых наибольшее распространение получили сюжеты, связанные с Отечественной войной 1812 г., Русско-японской и Первой мировой войнами [9]. Периодически авторы обращаются к изучению карикатуры как исторического источника [10] и возможностям использования карикатурных изображений в преподавании [11]. Проблематика карикатурных изображений периода 1930-х годов в дискурсе «Россия и мир» является предметом многочисленных трудов А.В. Голубева [12; 13], политическая карикатура периода 1920-х – 1930-х годов рассматривается в работах А.Ю. Ватлина [14]. Несмотря на многообразие работ, посвященных советской карикатуре в целом [15; 16], исследований об эпохе индустриализации и тем более специальных исследований, освещающих развитие карикатуры как средства воздействия на население Магнитогорска в настоящее время нет.

В данной статье предполагается рассмотреть официальную смеховую культуру в экстремальных условиях новостройки. В Магнитогорске, как и по Советскому Союзу в целом, наряду с кинокомедиями, театральными и цирковыми постановками, сатирическими стихами, фельетонами средством формирования официального смеха выступала карикатура. Последняя благодаря своей визуальной выразительности и доступности пользовалась большой популярностью среди населения новостройки.

Материально-бытовые и социально-психологические условия жизни в Магнитогорске в первой половине 1930-х годов были крайне сложными, что во многом было характерно для городов-новостроек Советского Союза. Несмотря на все сложности, годы первых пятилеток были отмечены созданием на Магнитострое разветвленной сети периодических изданий. В 1929–1935 гг. в городе издавалось более десятка газет разнообразной тематики. По инициативе корреспондента «Комсомольской правды» С.Д. Нариньяни на новостройке регулярно выходили: «Комсомольская правда на Магнитострое»² (с 1 сентября 1930 г.), первая и единствен-

² С октября 1930 г. газета была переименована в «Магнитогорский комсомолец».

ная в СССР ночная газета «Даешь чугуны»³. В 1930–1931 г. один раз в пятидневку выпускалась газета «Опыт стройки», которая расходилась в количестве 15 тыс. экземпляров по всем стройкам Союза [17, с. 22]. В ноябре 1932 г. в Магнитогорске вышел первый номер «Магнитогорского пионера». В 1935 г. здесь появились две новые многотиражки: «Магнитогорский металл» и «Магнитострой». Выходили цеховые многотиражные издания («Электроток – в срок», «Коксовик» и другие), стенгазеты («Паросиловик», «Разливка», «Сталинец», «За освоение стана» и прочие), а также газеты-листки и «молнии». Многие местные издания имели отраслевую специфику либо были ориентированы на конкретную категорию населения. Раз в пятидневку с 1932 г. выходил «Горняк», освещавший развитие горнорудного хозяйства завода. В газете «За металл» освещалось доменное производство, а также проблемы, с которыми рабочие цеха сталкивались в быту, учебе и труде. «Магнитогорский комсомолец» имел комсомольско-пионерскую направленность и, так же как ориентированный на подрастающее поколение «Магнитогорский пионер», активно призывал молодежь вступать в ряды ВЛКСМ, помогать социалистическому строительству. «Магнитогорский печатник»⁴ на своих страницах публиковал материалы о жизни репортеров и материально-бытовых трудностях, с которыми они сталкивали в жизни и в процессе издательской деятельности, а также приказы по типографии. Даже при Магнитогорской исправительно-трудовой колонии имелась своя многотиражка – «Борьба за металл»⁵, рассказывающая как «рецидивисты и деклассированные элементы превращались в активных строителей социализма»⁶. Выходили периодические издания и в пригородных колхозах и совхозах («За хлеб» – ежедневная газета Магнитного зерносовхоза).

Ведущим печатным изданием города, рассчитанным на широкую читательскую аудиторию, была городская газета «Магнитогорский рабочий»⁷. Ее издание началось в 1930 году. Первым редактором газеты являлся А.А. Чистов (1930–1931). С января 1931 по 1933 г. главным редактором был А.И. Сагалов. Впоследствии этот пост занимали Г.О. Принциптул, Г.Г. Малышев, А.А. Уманский и др. Разовый тираж «Магнитогорского рабочего» на март 1931 г. составил 14 895 экземпляров, а к 1 августа 1931 г. – вырос вдвое, составив 26 млн. экземпляров⁸. Остальные периодические издания города

³ Первый номер вышел 2 октября 1931 г. в три часа ночи; газета выходила до пуска первой домны.

⁴ «Магнитогорский печатник»: газета рабочих и служащих издательства «Магнитострой». 1931–1933.

⁵ «Борьба за металл»: газета лишенных свободы и ИТР Магнитогорской ИТК – орган ГВЧ. 1932–1935.

⁶ Борьба за металл. 1934. 9 февраля.

⁷ «Магнитогорский рабочий» орган Магнитогорского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся. 1930–1935 гг.

⁸ МУ Магнитогорский «Городской архив» (МУ МГА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

не располагали даже собственными издательствами и к печати готовились в типографии «Магнитогорского рабочего».

Карикатуры, публикуемые в магнитогорской прессе, охватывали самые разнообразные темы и были рассчитаны на разные слои общества. Однако проблемы, которые поднимались в среде металлургов, детей, комсомольцев, заключенных и т. д. не выходили за рамки традиционных тем: вопросы жилищно-коммунального хозяйства и культуры, образования и досуга, бюрократии и воровства, снабжения и соцсоревнования и т. п.

Карикатура использовалась на страницах городских многотиражек довольно интенсивно особенно в 1930–1933 годах. Объясняется это рядом причин. Во-первых, материально-техническая база городской типографии была крайне скудной и возможности сопровождения текстов фотоиллюстрациями были ограничены. Типографии магнитогорских газет работали на устаревшем оборудовании. Ощущался недостаток цветных металлов, бумаги, фотоаппаратов и иных фотопринадлежностей. Постепенно число фотографий на страницах газет увеличивалось, и к середине 1930-х годов в магнитогорской прессе уже наблюдалась фотографическая «экспансия» [18, с. 246].

Во-вторых, население Магнитогорска отчасти было неграмотным или малограмотным. Перед городским отделом народного образования была поставлена амбициозная задача «к 1 января 1931 г. превратить Магнитогорск в город сплошной грамотности и охватить учебой всех неграмотных и малограмотных»⁹. Сформировалась своеобразная конвейерная система, когда курсы ликбеза покидали одни группы и начинали работу новые [19, с. 174]. Отчеты ГорОНО свидетельствуют о дальнейшем увеличении числа неграмотных и малограмотных в городе. В частности, в октябре 1930 г. было зарегистрировано таковых 2 279 чел., к августу 1931 г. показатель возрос до 9 577 человек. Сохранение неграмотных и малограмотных в Магнитогорске объяснялось во многом тем, что в город периодически, даже во второй половине 1930-х годов, продолжали прибывать рабочие и крестьяне, не владеющие элементарными навыками чтения и письма. Сводка о состоянии ликбеза и школ малограмотных по данным на 20 января 1934 г. свидетельствует о наличии в городе 3 305 неграмотных и 4 716 малограмотных. Кроме того, курсы ликбеза не гарантировали того, что человек научился читать и писать. Распространенным явлением было то, что пройдя через курс ликбеза учащийся не мог проявить абсолютно никаких знаний на экзамене¹⁰. Довольно часто прочувшись на курсах ликбеза и не практикуя навыки, магнитогорцы просто забывали все, чему их обучали на курсах [20, с. 489]. В условиях невысокой грамотности карикатуры были вполне понятными и доступными для всех.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 9; *Магнитогорский комсомолец*. 1931. 7 июня.

¹⁰ МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 6 – 6 об.

Доступность газетных материалов, а в данном случае карикатур, формировалась по средствам организации красных уголков, где газеты находились в свободном доступе, информационных стендов, на которые крепились наиболее важные газетные материалы, политинформаций на месте работы, где рабочим газеты зачитывали и демонстрировали визуально.

Со временем численность грамотного населения возрастала. Об этом свидетельствуют не только материалы статистики (если в 1930 г. неграмотных и малограмотных в городе было более 10 % от общей численности населения, то в 1934 г. – только 5,7 %¹¹), но и увеличение общеобразовательных учреждений, педагогических кадров, открытие двух институтов в городе. Недаром структура карикатурных изображений в местных газетах год от года усложнялась. Если в 1930–1932 гг. карикатуры представляли собой исключительно графическое изображение, то с 1933 г. все активнее используются сопроводительные тексты. У карикатур появляются название/заголовок, эпиграф (чаще всего цитата рабкоров Магнитогорска), дополнительные подписи (располагались преимущественно под рисунком). Кроме того, герои карикатур «заговорили». Данная тенденция, конечно, не означала, что Магнитогорск стал городом сплошной грамотности, но в определенной степени свидетельствовала о развитии образования, а также об укреплении материально-технической базы городской типографии. Нередко карикатуры с целью большего воздействия на зрителя сопровождались текстом в виде лозунга или призыва, иногда в виде стихотворных строк вроде: «Лодырь, рвач и пустозвон из бригад ударных вон»¹². В изображении мира негатива с карикатурой мог конкурировать, пожалуй, лишь изобретенный советскими фотокорреспондентами жанр разоблачительного снимка – фотообвинение. Последний, однако, в 1930-е годов не стал востребованным способом критики и высмеивания разного рода пороков и недостатков, в то время как карикатура, выступавшая самостоятельным жанром в периодической печати, не теряла своей актуальности на протяжении всего предвоенного десятилетия [18, с. 243].

К сожалению карикатуры, публикуемые в местных газетах, не сопровождались подписью автора. Установить, кто именно создал ту или иную зарисовку практически невозможно. Можно предположить, что авторами карикатур выступали художники из штата типографии «Магнитогорский рабочий»: Г.Я. Соловьев, Г.Е. Шибанов, Б.И. Пророков, Н.М. Аввакумов и некоторые другие. Порой карикатуристами выступали местные жители, и рабочие комбината, ставшие рабкорами и не понаслышке, знавшие проблемы и трудности, с которыми сталкивался город. Это придавало карикату-

¹¹ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1–39. Расчет автора.

¹² *Магнитогорский рабочий*. 1930. 26 октября.

рам особенно злободневный характер. Недаром карикатуристы использовали фотомонтаж: фотографии реальных людей они дополняли карикатурными изображениями и появлялась карикатура на конкретного человека, которого ни с кем нельзя было перепутать¹³.

При рассмотрении карикатур в местных многотиражках заметна тенденция: чем реже выходило издание, тем большее число карикатур в нем использовалось. Так, в Магнитогорске периодически издавали газеты-листочки, главной задачей которых являлась концентрация внимания населения на конкретной проблеме. Как правило, издавалось не более одного – пяти выпусков подобных «листочков». Но именно в таких газетах наиболее часто использовались карикатуры. Так, в период очередной призывной кампании в Магнитогорске была издана газета «Магнитогорский призывник»¹⁴. На двух полосах газеты было опубликовано две карикатуры, главная задача которых состояла в том, чтобы наглядно и образно показать проблемы в сфере комплектования РККА. Карикатура «Для "шляпы" и чужаки свои люди» негативно характеризовала секретаря транспортной ячейки ВЛКСМ Сысина, который, не разобравшись, подписал положительные характеристики шестерым кулакам как лучшим производственникам и рекомендовал их принять в ряды РККА. Сама карикатура представляла собой следующее: огромная шляпа, из-под которой тянется рука к документам¹⁵. В условиях чистки партии, проходившей в 1933 г., такая карикатура выглядела довольно угрожающе. Вторая карикатура касалась подготовки к призыву в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Изображение членов комиссии содействия призыву под зонтиком на пляже иллюстрировало их отношение к призыву. В сопроводительных подписях отмечалось, что до призыва осталась одна декада, а в военкомате нет даже документов на призывников¹⁶.

Известно, что тематика карикатурных изображений очень разнообразна. Среди карикатур, размещенных в городских многотиражках, по сюжетному наполнению можно выделить две большие группы: карикатуры, в которых отражались события о мире и карикатуры, посвященные социально-бытовым проблемам на территории Магнитогорска (условия быта, сфера обслуживания, бюрократия, халатность, пьянство и проч.). В городских многотиражных газетах значительное внимание было уделено социально-бытовой карикатуре, то есть освещались в основном проблемы местного значения. Лишь около 15 % карикатур было посвящено событиям в мире. В газетах-листочках и «молниях» сюжеты о мире вообще не возникали, так как главной задачей

¹³ *Магнитогорский призывник*. 1933. 23 августа.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

подобных изданий было привлечь внимание в локальной проблеме. Среди карикатур на социально-бытовые темы лидировала проблема бюрократии и халатного отношения к труду (45 %); вторым по популярности сюжетом карикатур был неустроенный быт (15 %); третью позицию удерживала сфера обслуживания (18,7 %); «пьяная проблема» освещалась в 8 % карикатур; далее шли вопросы образования (7,8 %), культуры (4,6 %) и иные сюжеты¹⁷.

Карикатуры, отражавшие информацию о событиях в мире, формировали инокультурные представления у жителей города. Сюжеты, которые чаще всего использовались местными карикатуристами, в целом не отличались от карикатур в центральных изданиях. Милитаристские устремления Германии и Японии и голодающие рабочие в странах капитализма стали главными сюжетами карикатуристов в местных газетах. Стоит также отметить, что карикатурные изображения мира в 1930–1933 гг. помещались в основном на последней полосе газеты, а с конца 1934 и в 1935 гг. многие из них стали публиковаться на первой полосе. Так, осенью 1935 г. в «Борьбе за металл» была опубликована карикатура «Долой фашизм»¹⁸. На карикатуре было изображено следующее: в противоположных направлениях располагались рабочие, по-прежнему, требующие работы и хлеба, и империалист (в цилиндре с гримасой) с полицейским / военным (в форме с изображением, напоминающим свастику). Над последними навис кулак с винтовкой, формирующий соответствующее отношение у читателя к врагу¹⁹. Газета «Борьба за металл» 15 июля 1935 г. на первой полосе поместила карикатуру «Баланс голода»²⁰. Изображение демонстрировало мертвые тела иностранных рабочих и еле живых людей, требующих работы и хлеба. Над ними нависали огромные мешки с пшеницей и ящики с продовольствием, которые удерживал в своих руках империалист в цилиндре. Подпись под карикатурой гласила «В 1934 г. в странах капитализма умерли от голода и покончило самоубийством 3 600 000 человек. В тот же год уничтожено больше миллиона вагонов зерна»²¹. Появление такой карикатуры на страницах магнитогорской газеты выглядело как очередная победа над капиталистами, так как именно в 1935 г. в СССР происходил постепенный отказ от карточек. В Магнитогорске, в частности, ситуация со снабжением стабилизировалась, а качество питания горожан улучшилось. Материалы бюджетных обследований и устные свидетельства магнитогорцев показывают, что после отмены карточной системы в Магнитогорске «жить стало лег-

¹⁷ Расчет сделан по материалам многотиражной газеты «Магнитогорский рабочий» за 1930–1935 гг.

¹⁸ *Борьба за металл*. 1935. 18 сентября.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. 15 июля.

²¹ Там же.

че»²². Многие горожане позволяли себе тратить часть семейного бюджета на покупку одежды, обуви, игрушек, мебели, на походы в кино и театры²³.

В местной периодике широкое распространение получила социально-бытовая карикатура. Это было связано с неблагоприятными культурно-бытовыми условиями жизни, труда и учебы в Магнитогорске. Карикатура «Не красна изба углами» демонстрирует забытый всеми красный уголок: паутины, разбитые окна, сломанная мебель и радиоузел. Подпись под карикатурой при этом уточняла «Не таков ли порядок в красных уголках вашего участка?»²⁴. Работа в красных уголках, действительно, фактически не велась. Причиной этого преимущественно было то, что красные уголки занимали под жилье. Традиционно часто карикатуристы изображали сферу обслуживания. Карикатура «В парикмахерской» демонстрировала недобросовестных парикмахеров, которые не подстригали клиентов, а калечили их. Недаром, посетители парикмахерской покидали ее на костылях, с забинтованными головами. Эпиграф пояснял, что «на участках парикмахерские оборудованы таким образом, что стричься одно горе»²⁵. В газете «Магнитогорский рабочий» от 22 августа 1933 г. были размещены две показательные карикатуры, которые демонстрировали отвратительное санитарное состояние столовой. На карикатуре «Обед с сюрпризами» в тарелку с супом к одному из рабочих с потолка на паутине спускается паук. Подобные сюрпризы, видимо, не были редким явлением для магнитогорского общепита. Антисанитария не была единственным недостатком общественных столовых. Процветающее в них воровство также нашло отражение в карикатуре. Так, за одним из столиков с посетителем столовой была изображена «расхитительница рабочих пайков Михайлова». Упитанная женщина превосходит по размерам свою жертву в два – три раза. В конкретном случае карикатурист в гротескной форме изобразил результат работы недобросовестной раздатчицы: Михайлова, обедая рабочих, увеличилась до гигантских размеров. Рабочий был изображен как маленький тщедушный человек, заглядывающий в пустую тарелку. В этом же номере газеты была помещена еще одна карикатура. На ней – инженер, выполняющий чертеж, укрывается под зонтом от падающих с потолка капель воды. В подобных условиях приходилось работать наиболее квалифицированным кадрам, инженерно-техническим рабочим, проживавшим в центральном общежитии с протекающей крышей. Невнимательное отношение местных властей к физкультуре и спорту также являлось объектом карикатуристов.

²² *Воспоминания* А.Н. Чесноковой, О.В. Быстровой и др. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

²³ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 162. Л. 6 – 6 об; Д. 163. Л. 45–47; и др.

²⁴ *Борьба за металл*. 1934. 5 июня.

²⁵ Там же. 20 октября.

Спортивные площадки изображались пустыми, заросшими травой, с покосившимися заборами²⁶.

Ряд карикатур, размещенных в местных многотиражках, показывал недочеты в строительстве комбината и соцгорода. На карикатуре «Плыви мой челн...»²⁷ изображена утлая лодочка, плывущая под уклон реки. В пояснении к рисунку уточнялось, что программа строительства соцгорода выполнена лишь на 50 % и «кривая показателей идет книзу». Здесь карикатурист провел прямую аналогию между графиком выполнения строительного плана и траекторией движения лодки вниз по течению. На другой карикатуре «Гуще ставь, все равно не вырастут»²⁸ техрук распоряжается высаживать деревья на расстоянии меньше пяти метров друг от друга. Данная зарисовка критиковала работу Госзеленстроя по озеленению городских кварталов. Распространенным сюжетом карикатурных изображений в местной периодической печати было общее городское благоустройство. Многочисленные нарекания вызывала скопление мусора, грязи и больших луж на городских площадях и улицах. Карикатуры наглядно демонстрировали безобразное состояние улиц и площадей в городе.

Небольшая часть карикатур вскрывала проблему нехватки транспорта на строительной площадке. Карикатура «Экстренно для анализа»²⁹ изображала заезженную клячу с выпирающими ребрами, которая тянет телегу с рудой. Дело в том, что долгое время ввиду отсутствия экспресс-лаборатории руду для анализа доставляли на лошадях на рудоиспытательную станцию. Отдельные сюжеты, представленные в карикатуре, основаны на приеме аллегории. Так изображение черепахи было использовано в карикатуре, критикующей крайне низкие темпы работы транспорта. Для большей убедительности карикатура сопровождалась подписью «Транспорт работает черепашьими темпами»³⁰.

При этом большинство карикатур виновниками всех проблем провозглашало руководителей низших инстанций, а также некоторых рабочих – туенядцев и алкоголиков. Иными словами, все проблемы социально-бытового характера карикатура объясняла плохой организацией труда, нежеланием многих рабочих самоотверженно трудиться, заботиться об улучшении своих социально-бытовых условий. В целом карикатура на страницах магнитогорских газет являлась одним из важнейших способов борьбы за новую трудовую этику. В Магнитогорске повседневная жизнь каждого человека была связана

²⁶ *Борьба за металл*. 1935. 5 июня.

²⁷ *Магнитогорский рабочий*. 1933. 5 апреля.

²⁸ Там же. 2 сентября.

²⁹ Там же. 27 марта.

³⁰ Там же. 14 июля.

в значительной мере с трудовой деятельностью в разнообразных ее проявлениях – будь то непосредственно деятельность на работе или домашний труд. Будни магнитогорцев в первой половине 1930-х годов были перенасыщены трудом: рабочие смены сменялись организацией домашнего быта, который требовал немалых усилий, субботниками и, наконец, общественной нагрузкой. Трудовая мотивация, уровень производственной дисциплины и заинтересованность работников в результатах своего труда выступали предметом пристального внимания руководства города и партийной организации Магнитостроя. Отношение к труду традиционно определяется множеством факторов, среди которых следует отметить прогулы, опоздания на работу, нарушения трудовых договоров, а также недоброкачественная работа, воровство и пьянство. Все это на индустриальной стройке естественно присутствовало, во многом порождало рестрикционизм [16, с. 260–261]. В Магнитогорске в первые годы индустриализации предпринимались попытки сформулировать новую трудовую мораль, так называемую максималистскую. Согласно ее принципам, каждый человек ориентирован на достижение максимально возможного результата в своей работе, а основными стимулами мотивации выступали побуждение, вознаграждение и наказание. Одним из наказаний для магнитогорцев, относящихся к своей работе не должным образом, стали карикатуры, главными персонажами которых на страницах магнитогорской прессы в годы первых пятилеток становились прогульщики, лодыри, алкоголики, бюрократы, «летуны» – лица, склонные к частой смене места работы.

Бюрократия, как одно из проявлений недобросовестного труда, являлась одним из любимых сюжетов карикатуристов. «Проверка идет: ... протоколы сыпятся» сообщала одна из зарисовок, обличающих бюрократию³¹. Карикатура изображала чиновника, шаркающего ногами, из карманов которого сыпались документы. Помимо бюрократов, производственно-трудовое благополучие срывалось по вине бездельников, людей, беспечно относящихся к своим профессиональным обязанностям. Например, вина в срыве технической учебы на дробильной фабрике была возложена на председателей цехового комитета Русинова и Юдинцева, «наплевательски относящихся к этому делу». Карикатура изображала виновников в виде плюющихся карликов с непомерно большими головами. Кстати карикатурист использовал реальные фотопортреты нерадивых руководителей комитета³². «Пьяная проблема» поднималась местными карикатуристами довольно часто. Образ главного героя таких карикатур штамповался и стал узнаваемым для читателей

³¹ *Борьба за металл*. 1935. 8 июля.

³² *Магнитогорский рабочий*. 1934. 22 марта.

газет. Карикатура «Необычайная любовь к "матери" и горькой»³³ изображала еле стоящего на ногах рабочего Болтакова с огромной бутылкой в руках. На заднем плане заметны покосившиеся рамы барака, сломанные кровати и грязь. Подпись гласила: «Из-за этой любви тов. Болтаков украл 4 дня у производства». Следовательно, читателю становилось вполне ясно, по чьей вине возникают бытовые проблемы и не выполняется план.

Карикатуры, рассчитанные на подрастающее поколение, практически ничем не отличались от остальных. Проблемы поднимались те же, только манера подачи материала упрощалась. Карикатуре, кроме сопроводительного текста, сопутствовал ряд статей по проблеме, а сами рисунки носили динамичный характер (все герои находились в движении). В «Магнитогорском пионере» от 11 октября 1933 г. была опубликована карикатура «Скука заедает ребят. Сборы проходят без самодеятельности», которая показывала пионервожатого с лозунгом «СКУКА», призывающего идти за ним, и детей, убегающих в другую сторону³⁴. Излюбленным сюжетом из сферы школьного образования у карикатуристов была проблема некачественного преподавания в школах. На страницах многотиражек появлялись карикатуры, критикующие механическое ведение уроков. Например, карикатура «Дроби(лка)» показывает, как изучение дробей на математике превращается в механическую зубрежку³⁵.

Трудно сказать, как воздействовала карикатура на население, в какой мере она «наставляла» на верный путь. Возможно, в отдельных случаях, карикатура оказывала заметное влияние на трудящихся. Так, каменщик Г. Сюткин, замеченный в частой смене места работы, стал героем одной из карикатур, размещенной на листке-«молнии». Рослый широкоплечий парень был изображен в образе ангела-хранителя с крылышками за спиной и ореолом. Не выдержав насмешек и издевательств над собой, «летун» Сюткин написал в газету покаянную записку, в которой обещал «не летать с одной стройки на другую в погоне за длинным рублем... и перейти на оседлый образ жизни» [21, с. 71]. Однако прозвище «ангел-хранитель» еще долго преследовало каменщика.

Таким образом, карикатурные изображения активно использовались в местных многотиражных газетах, а также в газетах-листочках и «молниях». Образы, создаваемые карикатуристами были вполне понятными и узнаваемыми. Они высмеивали наиболее серьезные культурно-бытовые проблемы и были рассчитаны на все категории населения Магнитогорска. Карикатура также отражала общий уровень развития материально-технической базы город-

³³ *Магнитогорский печатник*. 1931. 15 октября.

³⁴ *Магнитогорский пионер*. 1933. 11 октября.

³⁵ *Магнитогорский рабочий*. 1933. 27 марта.

ской типографии, степень грамотности местного населения и выступала порой как стимул для совершения тех или иных действий. Карикатура была инструментом борьбы за новую трудовую этику и обличала все недостатки социально-бытового характера, вызывая смех у населения города. В целом, «все периоды своего существования социалистическая массовая культура активно обращалась к сатире, юмору и комическому жанру, чтобы снискать эмоциональное расположение аудитории. Смех публики, многократно усиленный государственной культурной индустрией, смягчал политическую и социальную напряженность и не только не посягал на репрессивные механизмы и институты власти, но даже служил им поддержкой» [22]. В Магнитогорске – новом индустриальном центре, где спектр социально-бытовых проблем населения обострялся и вызывал недовольство, смех, несомненно, выступал одним из инструментов социального дисциплинирования и пропаганды социалистических моральных ценностей, гражданских норм и трудовой этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М., 2002.
2. *Карасев Л.В.* Философия смеха. М., 1996.
3. *Глинка К.* Теория юмора: монограф. М., 2004.
4. *Козинцев А.Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора // Смех: истоки и функции: сб. статей. СПб, 2002. С. 5–23.
5. *Кошелев А.Д.* К объяснению структуры комического (анекдот, каламбур, шарж, пародия, шутка, комическая история) // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма. М., 2007.
6. *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность: монограф. М., 2006.
7. *Бутенко И.А.* Юмор как предмет социологии // Социологические исследования. 1997. № 5.
8. *Багдасарян В.Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6.
9. *Журавлёва В.И.* «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода русско-японской войны // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 10. С. 66–84.
10. *Голиков А.Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 4. С. 51–71.
11. *Рыбаков С.Д.* Способы организации работы с иллюстративным материалом на уроках истории (на примере карикатур политического

содержания) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 5. С. 64–69.

12. *Голубев А.В.* «Наш ответ Чемберлену»: советская политическая карикатура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 02. С. 122–139.

13. *Голубев А.В.* Образ Европы в советской карикатуре 20–30-х годов // Труды Института российской истории РАН. 2005. № 5. С. 273–299.

14. *Ватлин А.Ю.* История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей альбом. Москва, 2007.

15. *Ливинин А.Я., Ложкина А.С.* «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 17.

16. *Макарова Н.Н.* Трудовые будни магнитогорцев и проблемы мотивации труда в новом индустриальном центре (1929–1936 гг.) // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург. 2010. С. 246–261.

17. *Мухаматулин Т.А.* «Круглый стол» по истории политической карикатуры // Российская история. 2010. № 3. С. 217–218.

18. *Макаров А.Н.* Инфраструктура магнитогорского фоторепортажа 1930-х гг. // Проблемы российской истории. 2009. № 9. С. 239–250.

19. *Баканов В.П.* Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2001.

20. *Макарова Н.Н.* Система просвещения в Магнитогорске в период форсированной индустриализации // Урал индустриальный. Индустриальная модернизация Урала XVIII–XXI вв. (Бакунинские чтения) материалы XI Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2013. С. 487–493.

21. *Комзин И.В.* Магнитка, молодость моя... // Слово о Магнитке. Магнитогорск, 1979. С. 71.

22. *Кевин М.Ф.* Платт Конференция «Тоталитарный смех: культуры комического при социализме» (Принстонский университет, США, 5–17 мая 2009 г.) (пер. с англ. А. Маркова). [Сайт]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/pl42.html>. (Дата обращения: 15.01.2011).

A.N. MAKAROV, N.N. MAKAROVA

**«MARTIAL ART OF CARICATURES» IN THE PERIODICALS
OF MAGNITOGORSK (1929–1935)**

The article deals with the reflection of social and household problems of Magnitogorsk during the period of accelerated industrialization in caricature. Based on a wide range of archival sources and periodicals, the author shows characteristic of the main periodicals of Magnitogorsk by revealing the themes which were most frequently reflected in the caricature. The authors come to conclusion that caricatured images were actively used by local mass-circulation newspapers, newspapers leaflet and "lightnings". The images, created by the local caricaturists, were recognizable. They ridiculed the most serious cultural problems and were intended for all categories of the population of Magnitogorsk. The caricature is also reflected the level of development of material-technical base, and degree of literacy of the local population, and sometimes served as a stimulus for performing certain actions. Being the instrument of the struggle for a new labor ethic, the caricature denounced all the shortcomings which had social and domestic character.

Keywords: industrialization, caricature, social and cultural environment.

УДК 94(47).084.9

О.В. ЯКУШЕНКО

РОЛЬ ЗАПАДНЫХ ТРАНСФЕРОВ В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ ПЕРИОДА ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Европейский университет в Санкт-Петербурге
E-mail: oyakushenko@eu.spb.ru

Статья посвящена проблеме кардинального стилевого переворота в советской архитектуре периода «оттепели». Используя широкий спектр источников (архивные материалы, воспоминания, переводы и публикации того периода), автор показывает, что западная архитектура становится основным источником вдохновения для пост-сталинского советского зодчества. Сделан вывод о том, что характер трансферов в этой области подтверждает гипотезу о технологизации советской архитектуры, слиянии ее со строительством, происходящем в этот период.

Ключевые слова: «оттепель», советский модернизм, культурные трансферы, архитектура и строительство СССР, «железный занавес».

Для советской архитектуры смерть Сталина и начало «оттепели» повлекли ряд параллельных процессов, в которых можно проследить и преемственность, и разрыв между сталинской и хрущевской эрой. Преемственность следует констатировать, в первую очередь, в сохранении директивного метода управления архитектурой. Переход от сталинского ампира к хрущевскому модернизму был не результатом внутреннего развития советской архитектуры, а искусственной революцией в этой области. В результате начатой Хрущевым в 1954 г. кампании по критике «излишеств» в архитектуре сталинский ампир был фактически запрещен и исчез из архитектурной практики к концу 1950-х годов. Ему на смену пришел модернизм, заимствованный в странах Западной Европы и США, и массовое жилищное строительство. То новое, что внесла «оттепель» в архитектуру, выразилось в нескольких главных аспектах – в открытии западной архитектуры и появлении основанного на западных образцах нового советского стиля.

Наше исследование посвящено заимствованиям в области архитектуры как специфическому феномену периода «оттепели», однако этот вопрос связан с более широкой проблематикой – технологизацией архитектуры, изменением отношений между архитектурой и строительством, архитектором и инженером/строителем в пользу последнего. Данная тенденция является

транснациональной и берет начало еще в конце XIX в., появляясь с развитием инженерных и строительных технологий. Начиная с 1920-х годов, архитектура модернизма (советский ее вариант носил название конструктивизма) инкорпорировала в себя технологические достижения и новшества, считая эстетически привлекательным только современное и высокотехнологичное. Сейчас трудно себе представить, но в тот период бетон и пластмассы, новые и дорогие тогда материалы, были популярней среди архитекторов и их заказчиков, чем дерево и металл. Необходимо отметить, что модернизм в архитектуре был общемировым явлением, поэтому советский конструктивизм следует рассматривать в широком контексте. Сложное равновесие между эстетическим и технологическим, достигнутое внутри модернизма межвоенного периода, не удержалось в послевоенном мире. В 1950-х годах во многих странах Европы наступает период борьбы с жилищным кризисом и начало активной политики массового социального жилья. Классическим примером является Франция [1], однако программы массового жилья были также в Нидерландах, Финляндии, Италии, борьба за них шла в Великобритании и США. В этом плане Советский Союз не был исключением, а следовал общему тренду. Именно в этот момент наступает кризис архитектурного модернизма как идеологии и кризис архитектурной профессии в целом. Архитектор как «творец», зодчий уступает место инженеру, строителю, человеку, которые занимается производством квадратных метров жилья. Ценность архитектуры как эстетической практики замещается важностью строительства массового жилья как имеющего сугубо практическую значимость. Этот феномен на советском материале пока слабо изучен, хотя является общим местом в воспоминаниях советских архитекторов и в современном профессиональном дискурсе. Как и любая «общая истина» это утверждение требует фиксации, пристального анализа и рефлексии. В данном случае мы предлагаем рассмотреть подобную гипотезу с неожиданной стороны – с точки зрения зарубежных трансферов в области архитектуры.

Сюжет иностранных заимствований и обменов СССР в области архитектуры в научной литературе изучен значительно хуже, чем сотрудничество с заграницей в довоенном Советском Союзе. Пожалуй, единственный общий материал по этой теме – статья доцента МАрХИ А.Ю. Бронуицкой «Сны о чем-то дальнем: советская архитектура и Запад от «оттепели» до перестройки» в журнале «Проект Россия» [2]. Существуют работы, касающиеся отдельных сюжетов, причем, в основном, зарубежного влияния на советскую архитектурную практику. Однако формальный анализ архитектурных объектов, предполагающий заключение о влиянии на них зарубежных образцов или, наоборот, о независимости развития советской архитектуры, невозможен без знания о том, какой информацией о зарубежной архитектуре обла-

дали советские специалисты в условиях «холодной войны», каким образом они получали эту информацию и как могли реализовывать эти знания. Кроме того, изучение новых смыслов и оценок, которые получала европейская и американская архитектура в советском архитектурном дискурсе, может дать исследователям новое знание о работе советской идеологии и, более того, о месте архитектуры в системе советской культуры, точнее, как мы предполагаем, о ее сдвигении из области культуры в область промышленности и науки.

В данном исследовании нас в меньшей степени интересует массовое строительство и влияние на него зарубежных образцов, поскольку массовое жилье в СССР изначально появляется как строительно-инженерная практика. Следует фокусироваться на архитектуре как стилиевой и эстетической практике, в которой внешний вид здания важен и несет смысл, который можно проинтерпретировать.

Следует отметить, что советская архитектура послесталинского периода продолжает оставаться малоизученной. Интерес к этой теме растет, не в последнюю очередь, благодаря переосмыслению модернизма как транснационального явления¹, а также росту интереса к урбанизму и архитектуре в российском обществе, начиная с конца 2000-х годов. Кроме вышеупомянутой статьи А.Ю. Броневицкой, нам неизвестны исследования, которые прямо нацелены на изучение зарубежных трансферов в советской архитектуре. Однако за последние годы было опубликовано значительное количество воспоминаний, заметок и статей советских архитекторов, некоторые из которых (особенно тексты Ф. Новикова [3; 4] и С.О. Хан-Магомедова [5]) дают интересные детали и интерпретации изменений в области архитектурной практики, произошедших после смерти Сталина. Историк должен относиться рефлексивно к этим «голосам», но без работы с ними понимание той эпохи, наверное, невозможно. Нам представляется ценным предположение Хан-Магомедова о роли архитектурных элит в становлении нового стиля [5]. По его мнению, у новой, хрущевской архитектуры были два возможных пути развития: возвращение к советскому конструктивизму 1920-х годов, то есть к наследию революции, или присоединение к послевоенному модернизму, к самому современному на тот момент мировому стилю. Выбор в пользу последнего был осуществлен сложившимися еще в сталинское время архитектурными элитами. Несмотря на ряд символических увольнений, которые произвел Хрущев в середине 1950-х годов, в целом советская архитектурная «верхушка» сохранила свои позиции. Хан-Магомедов утверждает, что профессиональные элиты боялись конкуренции со стороны старых конструктивистов, поэтому

¹ Темой выставок национальных павильонов архитектурной биеннале-2014 в Венеции было «Absorbing Modernity: 1914–2014», что на русский можно перевести как «всепоглощающая модерність».

обратились к западному опыту. Этот тезис представляется сомнительным, поскольку архитекторы-конструктивисты на тот момент были либо очень пожилыми людьми (как К. Мельников), либо успешно сменили стиль на сталинский ампи́р. Следовательно, мысль о ведущей роли архитектурных элит в выборе стилового направления для «оттепельной» архитектуры кажется нам важной, однако мотивы этого выбора и процесс его осуществления требуют дальнейшего исследования.

Историография, посвященная трансферам сквозь «железный занавес» в других областях, более обширна и в большей мере концептуализирована. Необходимо обратить внимание на начатый в 2000-х годов проект венгерского исследователя Д. Петери, посвященный транснациональным и транссистемным процессам в Восточном блоке². Петери указал на эвристические ограничения, которые накладывает на исследовательскую мысль сама метафора «железного занавеса», и предложил заменить её метафорой «нейлонового занавеса», проницаемой преграды, сквозь которую происходит обмен между социалистическим и капиталистическим лагерем [6]. За восемь лет до Петери американский исследователь В. Хиксон также указывал на то, что преграда не была непроницаемой, но, в отличие от венгерского коллеги, признавал метафору «железного занавеса» полезной, поскольку «установленные барьеры, и попытки Запада проникнуть за них, являются центральными для истории холодной войны» [7, р. X]. Однако для нашего исследования более продуктивной является метафора Петери, идея постоянных обменов между двумя сторонами, иногда ярких и запоминающихся – как Всемирный фестиваль молодежи в Москве, иногда малозаметных и узкоспециальных – как переводные журналы по архитектуре, появившиеся в 1960-х годов.

В данной статье используется понятие культурных трансферов, предложенное впервые историками М. Эспанем и М. Вернером в 1980-х годов³. За прошедшие два десятилетия был введен ряд новых терминов и подходов, например, *histoire croisée*, «перекрестная» история, или *entangled histories*, «переплетённые» истории, однако все они имеют общую концептуальную рамку. Как пишет С. Соломон, французский подход к исследованию трансферов анализирует физические объекты, социальные и дискурсивные практики, технологии и умения, «рассматривая обмен как повторяющийся, движущий-

² «Discourses of Global Ambitions and Global Failures: Transnational and Transsystemic Tendencies in State Socialist Russia and East Central Europe» в рамках Программы по Восточно-Европейским культурам и обществам в Норвежском научно-техническом университете, Тронхейм, 2000–2003 гг.

³ См., например, *Espagne M., Werner M.* La construction d'une référence culturelle allemande en France: genèse et histoire (1750–1914) // *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations*, no. 4 (July–August 1987). Pp. 969–992. Режим доступа: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/ahess_0395-2649_1987_num_42_4_283428. (Дата обращения: 08.05.2014); Также см. *Espagne M.* La notion de transfert culturel // *Revue Sciences/Lettres [En ligne]*, 1, 2013. Режим доступа: <http://rsl.revues.org/219>. (Дата обращения: 08.05.2014.)

ся по кругу процесс, являющийся ключевым для производства и изменения знания» [8, р. 10]. Эспань подчеркивает, что в процессе циркуляции культурные феномены заново присваиваются и переосмысливаются, испытывая сильное влияние нового контекста. В этой статье рассматривается только начальные этапы культурного трансфера – перенос феномена (архитектура западного послевоенного модернизма) и некоторые аспекты столкновения феномена с локальным контекстом.

Динамика интенсивности контактов с европейскими странами и США в области архитектуры и строительства в СССР следует общеполитическому курсу государства. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов много иностранных архитекторов работали в Союзе, начиная от знаменитого Ле Корбюзье и заканчивая его немецкими и голландскими коллегами, приезжавшими на стройки Магнитогорска и Сибири. Активный обмен опытом в области строительных технологий и инженерии продолжался до середины 1930-х годов. Закупки оборудования, приглашение иностранных специалистов в СССР, промышленный шпионаж и командировки советских профессионалов за рубеж – этот весьма активный процесс прекратился не только по идеологическим, но и по экономическим причинам. СССР нарастил определенный потенциал, а закупать оборудование и технологии за рубежом было дорого [9; 10].

Во время Второй мировой войны советские архитекторы активно осваивали опыт американских союзников в области быстрого сборного строительства домов, это был период открытого признания важности опыта США в области жилищного строительства [11]. Однако вскоре после завершения войны политика «ждановщины» исключила любую возможность ориентироваться на западную архитектуру.

С началом хрущевской «оттепели» в Союз хлынул поток информации о «загранице» во многих сферах, появилась возможность выезжать за рубеж, «железный занавес» стал более проницаемым. Пожалуй, символом этого движения можно называть Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в Москве в 1957 г., многочисленные поездки Хрущева по миру, зарубежные выставки (особенно американские), проходившие в разных городах Союза.

Для Н.С. Хрущева решение жилищного кризиса было первоочередной задачей. В феврале 1954 г. открылось Всесоюзное совещание строителей и архитекторов, на котором неожиданно и недвусмысленно было заявлено – больше никакой неоклассики, главным ориентиром архитектуры стала дешевизна и количество жилой площади. На следующий год, 4 ноября 1955 г., вышло постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Следует отметить, что некоторые исследователи усматривают преемственность между хрущевским переломом в архитектуре и строительстве и более ран-

ними периодами – начиная с 1930-х годов – на основе того, что постановления об экономии в строительстве выходили и раньше. Указания на эти документы можно найти у В. Паперного в книге «Культура Два» и, например, в рукописи 1957 г. архитектора г. Ташкента А.Л. Цитовича «Неотложные мероприятия по дальнейшему развитию советской архитектуры – строительного искусства», где он перечисляет такого рода постановления с 1929 по 1955 год⁴. Однако разрыв между призывами к экономии и реальной практикой сталинского строительства – немногочисленного, помпезного и очень дорогого – заставляет нас склоняться к тому, чтобы в вопросе преемственности разделять практику и дискурс, а также строительство и архитектуру. То есть, в области строительства преемственность в практике наблюдается с конца 1940-х годов, а в дискурсе – с конца 1920-х годов, однако в архитектуре можно констатировать разрыв в обоих планах. В послевоенную эпоху сталинский ампиризм достиг своего апогея, и то, что случилось с архитектурой при Хрущеве, было абсолютно непредсказуемо.

В отличие от Сталина в послевоенные годы Хрущев не видел перспектив в изоляционизме. Его позицией было взять все лучшее у других стран, использовать их опыт, перекодировав в социалистическую идеологию. Причем, не только в области сельского хозяйства и промышленности. Как пишет советский архитектор Ф. Новиков, в 1954 г. сталинский ампиризм запретили, а какой должна была быть новая архитектура – никто не знал, поэтому архитектурные чиновники поехали за границу:

«"Перестройка" нас обезоружила. Все, чем мы оперировали прежде, – все классическое наследие оказалось под запретом. Надо было искать какие-то новые пути. И тогда все архитектурное руководство отправилось за рубеж. [...] Возвратившись из путешествий, каждый поделился впечатлениями с коллегами, всякий раз до отказа заполнявшими зал ЦДА. А несколько позже, в том самом постановлении с исторической датой 4 ноября 1955 года, в его первом пункте, черным по белому было написано: "Обязать..." – далее перечислялись все организации, которых это касается, – "смелее осваивать достижения отечественного и зарубежного строительства..." Понятно, что после столь решительного властного напутствия – словно "по шучьему веленью" – открылось окно в мир, и мы обрели в западном опыте искомый импульс творческого обновления» [4].

К середине 1950-х годов советская архитектура получила новый ориентир – на опыт стран Европы и США как наиболее развитых в области строительства и архитектуры. Хрущев лично был заинтересован в снижении стоимости строительства и приветствовал заимствования за рубежом в области

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 293. Оп. 5. Д. 61. Л. 2–3.

технологий и промышленности. Еще работая в московском горкоме, а затем и в обкоме партии в 1930-х годов, он проявлял интерес к индустриальным методам строительства. Существует концепция Хрущева как «художественного критика» [12], основанная на том, что советский лидер часто высказывался по поводу искусства, встречался с художественной интеллигенцией, явно имел свой личный вкус, который в некоторых случаях имел последствия для целых областей культуры (выставка 30-летия МОСХ в Манеже и запрет абстрактной живописи). Есть свидетельства о том, что Хрущеву лично нравился архитектурный модернизм, по крайней мере, Дворец пионеров на Воробьевых горах (1962) вызвал у него живое одобрение. Любопытно то, что модернизм в живописи Хрущев не переносил и запретил, а модернизм в архитектуре приветствовал. Это наблюдение, а также характер его комментариев об искусстве («Мой внук и то лучше нарисует» [13, с. 37] и т. д.), заставляет нас скорее склониться к тому, чтобы считать влияние эстетических взглядов Хрущева на оттепельную архитектуру минимальным. Упомянутый Новиковым момент растерянности, дезориентации, мог сыграть значительную роль в установлении нового стиля. Сомнительно, что для Хрущева был важен разрыв со сталинской архитектурой как символический акт. В этом случае зарубежный модернизм мог быть представлен архитектурными чиновниками Хрущеву как подходящая альтернатива сталинскому стилю.

С конца 1950-х годов архитекторам стал доступен большой массив информации о зарубежной архитектуре. Увеличилось количество поездок за рубеж, командировок, в 1958 г. в Москве был проведен пятый конгресс Международного союза архитекторов, а за месяц до него в Ленинграде – Международный форум студентов-архитекторов, советские специалисты участвовали в международных конкурсах. Тем не менее, выезды за рубеж, тем более в капиталистические страны, оставались редкими для рядовых архитекторов и студентов, и в качестве основного источника информации о зарубежной архитектуре следует рассматривать оригинальные и переводные журналы и книги. И в сталинскую эру центральные советские библиотеки, а также библиотеки архитектурных ВУЗов получали зарубежные журналы и литературу по архитектуре, но доступ к этим изданиям был ограничен. В ленинградской Академии художеств, например, иностранную литературу выдавали преподавателям и аспирантам, но не студентам. В конце 1950-х годов в Академии художеств доступ к иностранной литературе открыли для студентов, работающих над дипломами, в МАИ (сейчас МАрХИ) – студентам начиная с четвертого курса обучения. К середине 1960-х годов эти книги и журналы стали доступны абсолютно всем. С 1961 г. начали выпускать ряд переводных иностранных журналов об архитектуре и строительстве: «Современная архитектура» («Architecture

d'aujourd'hui», Франция), «Гражданское строительство» (США), «Промышленное строительство» (ФРГ), «Строительные материалы» (Англия). Подписка на эти журналы стоила между 50 и 90 коп. за месяц, примерно столько же, сколько и «Архитектура СССР» (80 коп. за номер). Из этих четырех изданий только «Современная архитектура» является известным и влиятельным изданием. Журналы выходили в русском переводе, иногда со значительными редакторскими правками. Также выходили реферативные сборники, посвященные зарубежной архитектуре. С 1960 г. Центральная научно-техническая библиотека по строительству и архитектуре (ЦНТБ, подразделение Академии строительства и архитектуры) выпускает «Библиографический указатель текущей иностранной литературы по строительству и архитектуре» (и аналогичный по отечественной литературе). Очевидно, что это издание, вышедшее тиражом 1000 экземпляров, было направлено на то, чтобы помогать советским архитекторам и библиотекарям ориентироваться в актуальной западной литературе, знать, что искать и заказывать.

Интересно отметить, что переводы, реферативные сборники и издающиеся библиографические указатели создают впечатление ускоренной ликвидации безграмотности в области западной архитектуры. Так, например, вышедшая в 1963 г. книга А.М. Христиани⁵ «Новейшая архитектура США (1945–1960)» [14] не похожа на современное представление о книге об архитектуре как прежде всего об альбоме с изображениями. Вышедший тиражом в 4 тыс. экземпляров труд представляет собой подробное исследование-справочник о том, что такое архитектура в Соединенных Штатах. Автор рассматривает промышленные, гражданские и общественные здания, дает их подробные технические характеристики, планы, также сообщается статистика строительная и демографическая, информация о городском планировании, автодорогах и т. д. Интересно и то, что Христиани снабжает читателя данными о принципах архитектурного образования и организации работы архитектора в США, рассматривает отличия в работе советских и американских коллег, вплоть до разницы в чертежной документации. В конце книги автор помещает краткие биографические сведения о 16, по ее мнению «ведущих архитекторах США», среди которых Л. Кан, Мис ван дер Роэ, Ф.Л. Райт, Э. Сааринен, а также сведения о четырех «наиболее известных архитектурных фирмах» США, среди которых бюро SOM и TAC. Книга Христиани носит отчетливый характер спра-

⁵ А.М. Христиани – профессиональный переводчик, преподаватель английского языка, вышла замуж за архитектора В.Е. Асса и в 1950-х годах стала работать в Институте теории архитектуры, в том числе переводила иностранные источники и делала доклады по ним. Она перевела классическую работу Р.Бенема «Новый брутализм. Этика или эстетика?» (ориг. Опубликовано в 1966 г.), вышедшую в 1973 г. в Стройиздате. Ее сын, Е.В. Асс – известный российский архитектор, выпускник МАИ 1970 г.

вочника, направленного на то, чтобы сориентировать читателя, который знает очень мало или ничего не знает об американской архитектуре. Подобную же попытку разобраться в том, что происходит в архитектуре за «железным занавесом» видится в издании «Библиографического справочника по зарубежной архитектуре», и в том, что в 1958 г. в Союзе архитекторов СССР озаботились составлением «списка ведущих архитекторов зарубежных стран»⁶.

Кроме прямого пути получения информации о зарубежной архитектуре – пойти в библиотеку и взять нужное издание, существовали и другие способы. Архитектура – это часто семейная профессия, а в таком случае молодой архитектор мог иметь зарубежные издания дома, у родителей в мастерской, слышать рассказы об иностранных архитекторах и т. д. Выпускник МАИ И. Лежава вспоминает, что у него «дома были старые журналы 20-30-х годов. Это в основном "Советская Архитектура", некоторые французские и немецкие» [15, с. 130]. Что касается профессионалов, особенно молодых, то они могли получать большие объемы информации и доступ к зарубежным изданиям, если работали в мастерских известных мастеров, которые выписывали журналы и привозили из-за границы книги, журналы, фотографии. Советский архитектор и искусствовед А. Гозак в своих воспоминаниях также упоминает букинистические магазины, где было возможно найти старые зарубежные издания об архитектуре [16, с. 111]. Следовательно, возможность получать минимальный объем информации о зарубежной архитектуре по неформальным каналам существовала внутри академического сообщества всегда. Однако в сталинскую эпоху эта информация была не только труднодоступна, но и нерелевантна, потому что проектировать в ином стиле, отличном от неоклассики было невозможно. Интерес, особенно со стороны молодежи, и запрос на этот тип информации появляется после хрущевского «переворота» в архитектуре и строительстве, поскольку есть не только возможность, но и прямое указание строить «как там». Именно поэтому нельзя говорить о зарождении тренда еще в позднесталинскую эпоху, хотя минимальный объем информации был. Не было ни возможности заимствований, ни значительного интереса.

Внедрение новых технологий и новой эстетики началось довольно быстро. Советский Союз покупал во Франции домостроительные комбинаты фирмы Камю, принимался во внимание опыт скандинавских стран. Чуть было не заказали планировку экспериментального района на Юго-Западе Москвы шведам, но по неизвестным причинам передумали⁷.

⁶ Список ведущих архитекторов зарубежных стран // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 1574.

⁷ *Материалы* (проекты, постановления и распоряжения, записи бесед, справки) и переписка о проектировании и строительстве экспериментального жилого района в Юго-Западном районе Москвы и командирования советских специалистов-строителей в Швецию для ознакомления с опытом в области проектирования и строительства // РГАЭ. Ф. 339. Оп. 3. Д. 880.

Новый конкурс на строительство Дворца советов, который прошел в 1956–1958 гг., можно рассматривать как абсолютную аналогию предыдущего, сталинского, по функции – выработке нового стиля. В ходе сталинского конкурса, проходившего с 1931 по 1933 гг., отсеивались неподходящие, в особенности модернистские проекты, премии давались неоклассическим, вырабатывались образцы нового стиля. При Хрущеве произошло то же движение, только в обратном направлении – от ампира к модернизму, а Дворец советов так и не был построен.

А.Ю. Броновицкая в статье, посвященной реконструкции ВСХВ с последующей сменой названия на ВДНХ, подробно рассматривает влияние международных выставок – в Брюсселе в 1958 г. и американской в Москве в 1959 г. – на архитектуру павильонов [17]. В рамках этих выставок архитекторы и строители имели непосредственную возможность ознакомиться как с эстетическими, так зачастую и с техническими особенностями конструкций, что позволило далее их использовать в строительстве. Потом эти здания воспринимались как образцы для построек, с ВДНХ не связанных. В качестве прямо заимствованных зданий она упоминает геодезический купол и кинопанораму, а в качестве бесспорного заимствованного типа – кафе-«стекляшку». Описание работы над конструкцией кафе-«стекляшек» в СССР интересно показывает ценность их эстетики как имитации западного образца. Как пишет А.Ю. Броновицкая, к 1959 г. в СССР не умели делать необходимые в таких зданиях системы искусственной вентиляции и кондиционирования, поэтому приходилось оставлять вентиляционные отверстия между стенами и потолком, из-за чего зимой эти кафе нельзя было эксплуатировать. Через несколько лет, однако, технологии были освоены, и только к середине 1960-х годов появилась критика конструкций со стеклянным фасадом как приводящих к слишком большим затратам на отопление в холодном климате [14, с. 233]. Следовательно, изначально это здание выступает как декорация, временная постройка, бессмысленная с практической стороны и финансово затратная, но, тем не менее, по презентационным соображениям важная. Этот пример показывает нам, что развитие технологий, каким бы важным оно ни было, не всегда было решающим для архитектуры. Иногда технологии следовали за эстетическими решениями, причем не всегда в продуманном и практичном направлении.

В результате в области архитектуры сложилась ситуация, в которой иностранные заимствования являлись не просто возможными, но поощрялись и поддерживались советским государством. Хрущевская архитектура была создана по модели европейского и американского послевоенного модернизма. При этом такая ситуация была не типичной для советской культуры даже в период «оттепели». Многочисленные заимствования, которые имели место в изобразительном искусстве, в кино, в музыке, проходили либо с молчали-

вого попустительства властей, либо встречали осуждение и сопротивление. Хотя культурные заимствования и трансферы в той или иной форме происходили на протяжении всей советской эпохи, однако ситуация открытого копирования зарубежного образца по инициативе руководства является для советской культуры нетипичной. Масштаб трансферов, обменов, подражаний в разных областях искусства в период оттепели, безусловно, растет. Однако эти процессы происходят либо вопреки руководству культурой, либо в обход него, либо при его молчаливом попустительстве. Так, в области изобразительного искусства модернизм, абстрактная живопись начали развиваться, но в 1960-х годах были раскритикованы и ушли «в подполье», став частью неофициальной, андеграундной советской культуры. В музыке джаз был широко распространен, но официально осуждался. Авангардная музыка европейских и американских композиторов оказала большое влияние на советских авторов, но официально многие западные композиторы были запрещены вплоть до середины 1970-х годов [18]. Что касается советского кино, то неопровержим тот факт, что с 1950-х годов оно становится действительно международным. Советские фильмы участвуют в крупных международных конкурсах, увеличивается зарубежный прокат. Однако возможное влияние зарубежного кинематографа на советских режиссеров «оттепели» продолжает быть вопросом дискуссионным⁸.

Иначе обстояла ситуация с трансферами в области промышленности. Значительно уменьшившиеся, но не прекратившиеся с середины 1930-х годов закупки оборудования и обучение советских специалистов за рубежом, увеличились в период хрущевской оттепели. Как подчеркивает финский историк С. Аутио-Сарасмо [19], трансферы в этой области шли по направлению обмена не только материальными объектами, но и знаниями, умениями, навыками, которые советские специалисты получали в командировках или от своих зарубежных коллег, приглашенных на территорию СССР. В отличие от культурных трансферов, обмены в сфере промышленности рассматривались как стратегически важные, инициировались и поддерживались на самом высоком уровне. Мы полагаем, что промышленные и архитектурные трансферы подчинялись единой модели, для которой была свойственна

⁸ Традиционной является точка зрения о том, что на кино 1960-х годов имел сильное влияние итальянский неореализм. Например, ее воспроизводит М. Салазкина в сборнике, посвященном транснациональной истории неореализма (*Global Neorealism: The Transnational History of a Film Style*. Jackson, MI., 2012, 345 p.). Однако русский киновед Е. Марголит в своем фундаментальном труде о советском кино «Живые и мертвое» (Марголит Е. Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920–1960-х годов. СПб., 2012. 224 с.) указывает на то, что это влияние – плод эрудиции советских кинокритиков. Также он подчеркивает, что ни американское (трофейное и позднейшее, времен «холодной войны») кино, ни «польская школа» не оказали сильного влияния на режиссеров-шестидесятников.

директивность, прямое копирование и догоняющий характер. Близость моделей трансферов в этих областях является неожиданным аспектом, который работает на подтверждение гипотезы о технологизации архитектуры. На символическом уровне это выражается в переименованиях, в снижении авторитета архитекторов, на практическом – в количественном доминировании массовой застройки, в вольном обращении с архитектурными проектами в строительстве.

В заключение можно констатировать, что после 1954 г. в СССР произошел резкий рост количества культурных трансферов в области архитектуры. Знания, полученные из литературы и обменных поездок, реализовывались в архитектурной практике. Заимствования и подражания в области архитектуры поощрялись центральной властью, более того – были ею инициированы. В других областях культуры такой открытости не было. Схожая модель отношений с границей для промышленности и архитектуры подкрепляет гипотезу о том, что в хрущевский период произошло поглощение архитектуры строительством. Однако для дальнейших выводов по этой проблеме требуется развитие не только исследований в области архитектурных трансферов, но и появление обобщающих работ по зарубежным обменам сквозь «железный занавес» в области культуры и промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Graëffly R.* Le logement social: étude comparée de l'intervention publique en France et en Europe occidentale. P., 2006. 150 p.
2. *Броновицкая А.Ю.* Сны о чем-то дальнем: советская архитектура и Запад от «оттепели» до перестройки // Проект Россия. 2004. № 4. С. 89–100.
3. *Новиков Ф.* Дело жизни. Екатеринбург, 2010. 352 с.
4. *Новиков Ф.* Зодчество: смена эпох. К пятидесятилетию архитектурной «перестройки» // Новый мир. 2006. № 3. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/3/no10.html
5. *Хан-Магомедов С.О.* Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. М., 2013. С. 130–131.
6. *Péteri G.* Introduction: Nylon Curtain – Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State Socialist Russia and East-Central Europe // Slavonica. Vol. 10. № 2 (November 2004). Pp. 113–123.
7. *Hixson W.* Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–61. N. Y., 1997. P. X.
8. *Solomon S.* Circulation of Knowledge and the Russian Locale // Критика 9(1), 2008. Pp. 9–26.

9. *Касьяненко И.* Использование американского опыта в период становления советского промышленного зодчества (сотрудничество с фирмой Альберта Кана) // *Взаимодействие культур СССР и США, XVIII–XX вв.* М., 1987. С. 111–121.

10. *Шнотов Б.М.* Западные источники индустриализации СССР (конец 1920-х – 1930-е гг.). Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/792/648/1237/guvshe.pdf> (Дата обращения: 26.02.2014).

11. *Anderson R.* USA/USSR: Architecture and War // Grey Room, 34, Winter 2009. Pp. 80–103.

12. *Codee N.* Cultural Codes of the Thaw // Nikita Khrushchev. New Haven; L., 2000. Pp. 213–250.

13. *Хрущев С.* Никита Хрущев. Реформатор. Изд. «Время», 2010. 1077 с.

14. *Христиани А.М.* Новейшая архитектура США (1945–1960). М., 1963. 300 с.

15. МАРХИ. XX век. Сборник воспоминаний в 5 тт. Т. 4: 1958–1970. М., 2006. 346 с.

16. *Гозак А.* Ценности жизни – ценности архитектуры. Очерки, статьи, воспоминания. М., 2011. 303 с.

17. *Броновицкая А.Ю.* «Оттепель» и холодная война: выставочные павильоны как экспериментальная площадка новой архитектуры // *Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре.* М., 2013. С. 217–232.

18. *Schmelz P.* Such Freedom, If Only Musical: Unofficial Soviet Music during the Thaw. Oxford, 2009. 187 p.

19. *Autio-Sarasmo S.* Khrushchev and the Challenge of Technological Progress // *Khrushchev in the Kremlin. Policy and Government in the Soviet Union. 1953–1964.* Routledge. Taylor and Francis Group, NY. Pp. 133–149.

O.V. YAKUSHENKO THE ROLE OF WESTERN TRANSFERS IN THE SOVIET ARCHITECTURE DURING "KRUSCHEV THAW"

This article deals with the issue of the radical aesthetic shift in the Soviet architecture during the "Thaw". Based on the analysis of a wide range of documents (including archival documents, memoirs, translations and publications of studying period), the author demonstrates, that after Stalin's death Western architecture became the main source of inspiration for Soviet architects. It is concluded that the specific of transfers in post-Stalin Soviet architecture confirms the hypothesis about the technologization of the Soviet architecture and its merger with building construction unfolded in this period.

Keywords: "Khrushchev Thaw", Soviet modernism, cultural transfers, architecture and construction of the USSR, the "Iron Curtain".

УДК 94(47).043

Б.А. ИЛЮШИН**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО
ОРУЖИЯ РОССИЙСКИМИ СЛУЖИЛЫМИ ТАТАРАМИ
XVI–XVII ВВ.**Нижегородский государственный университет
E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Целью статьи является рассмотрение вопроса о возможности широкого использования российскими служилыми татарами XVI–XVII вв. ручного огнестрельного оружия. В частности, были рассмотрены сведения письменных источников по теме, а их данные проанализированы в контексте основных задач служилых татар и особенностей их тактики. Сделан вывод о том, что для оружейного комплекса российских служилых татар XVI–XVII вв. ручное огнестрельное оружие не было характерным элементом. Данный вопрос ещё не становился предметом исследования, и он является частью общего исследования по военному делу служилых татар.

Ключевые слова: служилые татары, военное дело, ручное огнестрельное оружие.

Военное дело российских служилых татар ещё не становилось предметом специального исследования. Причины этого и степень освещённости данной темы в историографии были рассмотрены нами в отдельной статье [1]. Выводы её таковы. Основными причинами отсутствия специальных исследований по теме являются, во-первых, скудность источниковой базы (хотя многочисленные и маловыразительные источники и не способствуют интересу, но вполне, однако, могут дать общее представление о предмете), и, во-вторых, трудность выделения военного дела служилых татар на фоне большой схожести его у народов Восточной Европы данного времени. Тем не менее, тема эта с самого начала затрагивалась в историографии. Уже в ранних исследованиях [2; 3, с. 334–347], помимо перечисления фактов участия служилых татар в войнах Московии, имеются попытки охарактеризовать в самых общих чертах их функции и особенности ведения боя, численность и проблему мифологизации образа татар в западных источниках. Последующие десятилетия, однако, не дали кардинально новых исследований в этой области. Так же рассматривались численность, их функции в войнах, отмечался вспомогательный характер татарских подразделений [4; 5]. При всём этом набор источников оставался в основном тот же – западноевропейские (дневники, произведения по истории) и русские (документы приказов, раз-

рядные книги). В конце XX – начале XXI вв. в историографии складывается определённое представление о служилых татарах [6]. Сведения, имеющиеся главным образом в западноевропейских источниках, рисуют образ лёгковооружённых конных лучников, основными функциями которых в течение большей части их существования в составе армии Московского государства были разведка, нарушение коммуникаций противника, подрыв его материальной базы путём грабежей и угона населения в плен. Создаются графические реконструкции [7; 8], сделанные, скорее, умозрительно, по имеющимся не самым конкретным сведениям о вооружении восточноевропейских воинов того времени. Пристальное рассмотрение имеющихся источников и сведений о военном деле восточноевропейских народов XV–XVII вв. показало, что в основном эти реконструкции соответствуют реалиям того времени.

В ряде статей (ещё не вышедших на момент написания данной статьи) мы рассмотрели вопросы о тактике, защитном и наступательном вооружении служилых татар¹. Здесь же подробнее рассмотрим вопрос об использовании ими ручного огнестрельного оружия.

Немногочисленность источников приводит к необходимости привлекать к решению рассматриваемого вопроса аналогии, обращать пристальное внимание на основные функции служилых татар, их тактику, и, осмысливая имеющиеся данные в совокупности, делать определённые выводы по конкретному вопросу. Тем самым восполняется фрагментарность источников.

Служилые татары выходили на службу со своим оружием (как и дворяне) – тем, что они привезли при «выезде» на Русь, что досталось в наследство или же куплено у купцов и ремесленников. О практике снабжения служилых татар оружием за счёт казны практически никаких свидетельств нет, поэтому можно предположить, что вооружение служилых татар не отличалось от такового у воинов ханств и орд. Письменные источники рассматриваемого периода единогласно отмечают отсутствие у татар пистолетов и пищалей². Их главным оружием оставался лук. По словам С. Герберштейна, оружие татар – «лук и стрелы, сабля у них редка»³. То же самое писал о крымских татарах П. Йовио (П. Джовио): татары при отражении врага полагаются «на одни только стрелы», но ниже добавляет, что при подготовке к набегу на европейские страны их правители закупают у персов, помимо

¹ Приняты к печати: *Илюшин Б.А. Оружейный комплекс российских служилых татар XV–XVII веков // Вестник РУДН; К вопросу о тактике российских служилых татар второй половине XV – начале XVII веков // журнал «Родина»; Он же. Военное дело служилых татар европейской части Московского государства в XV–XVII вв. // Сборник материалов VII Международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». Звенигород, 20–22 ноября 2013.*

² За исключением позднего времени, в первую очередь касательно крымских татар.

³ *Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988. С. 168.*

прочего, и сабли⁴. Опять же, видим преобладание дистанционного боя и лука как основного оружия. На картине «Битва под Оршей» литовские служилые татары вооружены луками и саблями. Они стреляют по москвитам на скаку.

Д. Флетчер писал о гуляй-городе так: «Эта крепость представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел»⁵. Ж. Маржерет отмечает сходство вооружения казаков и татар: «Казаки с древности были конными и вооружались, как Татары, и [ныне] продолжают также, разве только с недавнего времени большинство их пользуется аркебузами, но они не носят никакого оборонительного оружия, если не считать таковым кривую саблю»⁶. П. Петрей также сообщает, что оружие татар – луки, стрелы, сабли: «Когда обратятся в бегство, а неприятель погонится за ними, они бросают все, что только есть с ними, кроме сабель, которыми и рубят во все стороны, сколько хватит силы»⁷.

Касательно непосредственно российских служилых татар можно привести несколько письменных свидетельств времён Ливонской войны и Смуты. По сообщению Я. Ульфельдта, встреченные им служилые татары, участвовавшие в Ливонской войне, не имели никакого другого воинского снаряжения, кроме луков⁸.

Важную информацию о служилых татарах содержит «Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким». Так, в нём имеется пространное описание стычки с татарами, произошедшей 17 августа 1580 г. в лесах на территории нынешней Смоленской области. Отряд из двухсот пеших гайдуков (авангард крупных королевских сил) расположился среди леса, возле реки Полонной, и большая часть воинства отправилась рубить деревья для наведения моста. В это время их начальник Выбрановский с поручиком поехали дальше осмотреться и наткнулись на трёх татар. Те кинулись было на них, но при виде ружей отступили и принялись звать своих. Выбрановский с поручиком бросились к гайдукам, и так навели на лагерь крупный татарский отряд. Как сообщает автор, «наших случилось тут только 8 человек, которые лежали; все другие рубили лес для моста, вот почему наши не могли достать так скоро огня для фитилей, а татары уже ворвались. Несколько наших выскочили с топорами,

⁴ *Йовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII. / Пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 289.

⁵ *Флетчер Д.* О государстве русском / пер. М.А. Оболенского. М., 2002. С. 94.

⁶ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи / пер. П.Ю. Уваров, А. Берелович. М., 2007. С. 169.

⁷ *Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997, С. 207.

⁸ *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой. М., 2002. С. 295.

копьями, саблями, вооружившись чем кто мог на скорую руку. В это время один татарин кинулся впереди других с саблей на Выбрановского, но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок, так что татарин свалился с коня; тогда солдат копьем проколол его насквозь, так что тот тут же и умер. Другие татары вмиг подхватили его труп на лошадь; наши стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стрелять; убитого двое взяли с собою и, положив его поперек коня ускакали так поспешно, что растеряли стрелы и шапки и оставили один лук. ... Таким образом, татары ускакали; не сделав никакого вреда, даже не ранив никого из наших, а между тем потеряли одного из своих». Кроме того, ниже отмечено, что татары имели 57 хороших лошадей и были богато одеты, что говорило об их силе («были людьми отборными») и находящихся поблизости их крупных сил⁹. Из этого отрывка можно сделать следующие выводы. Во-первых, видно основное оружие татар – лук и сабля. Во-вторых, их нежелание связываться с воинами, вооружёнными огнестрельным оружием.

Непривычность татар и их лошадей к «огненному бою» видна и из другого случая, произошедшего 22 августа. Тогда служившим королю казакам удалось взять в плен знатного татарина, предводительствовавшего татарским отрядом в триста воинов. Случилось это при случайной стычке, когда татары атаковали уступавшие численно силы казаков, в которой, однако, никто не погиб, а их командующий попал в плен оттого, что когда казаки открыли огонь, его лошадь испугалась, понесла и сбросила его, после чего он и был пленён казаками¹⁰.

В кратком описании одной стычки с татарами при осаде Пскова опять видно, что татары пользовались луками, но не огнестрельным оружием. Источник сообщает, что 24 августа 1581 г. поляки и венгры решили выманить защитников из Пскова на бой, для чего сделали засаду напротив ворот, а часть своих сил направил прямо к воротам. «Из города выехала толпа татар, пан воевода начал отступать к кустарнику [где была засада – Б.И.], а венгерцы не выдержали и выскочили вперед; тогда со стен открыли частый огонь, под защиту которого и стали татары, не подвигаясь далее. Одному венгерцу из лука прострелили ногу, Собоцкому – красную накидку, в которой засела стрела, да убили еще чьего-то коня»¹¹.

⁹ Дзялынскый Л. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким / пер. О.Н. Милевского // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897, С. 28–30.

¹⁰ Дзялынскый Л. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 32–33.

¹¹ Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / ред. О.Н. Милевский. Псков, 1882. С. 92–93.

Г. Парле в своих записках о пребывании в Московии в Смутное время писал, что против мятежников Шуйский в мае 1610 г. послал огромную армию (якобы свыше 150 000 чел.). «Кто не видал своими глазами этого войска, тот не поверит, что за народ собрал Шуйский: оно состояло большею частью из Татар Казанских, которые не только не умели стрелять, но и ружья никогда в руки не брали»¹². «Они [татары начала XVII в. – Б.И.] не употребляют ни пороха, ни дробы, не умеют обращаться ни с полевыми, ни с большими пушками» – сообщает П. Петрей¹³. Имеются некоторые упоминания об использовании огнестрельного оружия татарами, но они явно не меняют общую картину.

Как и многие другие авторы, Петрей приводит рассказ об убийстве Лжедмитрия II татарским князем Урусовым за нанесённую ему обиду. Как известно, П. Урусов (Урак бин Джан-Арслан) застрелил самозванца во время охоты (по Петрею из ружья) и отрубил саблей голову¹⁴. Можно подчеркнуть, что в данном случае служилый мурза воспользовался огнестрельным оружием, и что в отдельных случаях служилые татары могли применять самопалы и мушкеты, но это лишь единичное сообщение. Так же известна опись имущества сибирского царевича Азима б. Кучума за 1615 г., среди которого отмечен самопал шведский [6, с. 132]. Разумеется, у знатных служилых татар могло иметься огнестрельное оружие, особенно удобные самопалы, подходящие для самообороны, в том числе с коня, но они не являлись массовым боевым оружием (по крайней мере, этого не видно по другим источникам).

В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера приводится рассказ об основании г. Тара в 1594 г., со ссылкой на наказ и роспись, по этому случаю составленные. К воеводе князю А.В. Елецкому с товарищами были присланы из Москвы 145 стрельцов, а из Казани и Уфы – 554 воина под предводительством М. Мальцева. В число последних входили сто казанских и свияжских татар самого Мальцева, триста башкир, четверо детей боярских каждый с сотней татар и башкир, а также около сотни пленных поляков. В Тюмени и Тобольске к отряду также присоединились служилые из черкасов, литовцев, русских, а также татар – 50 тюменцев, верхотурцев, андреевских, белаковцев, зырянцев, 30 табаринских татар, 100 тобольских татар, а также 450 ясных татар, из которых 150 – для работы на судах. Последние были пешими и вооружены огнестрельным оружием [9, с. 288–289]. В дан-

¹² Паерле Г. Описание путешествия Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургского, с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом Младшим, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков, с 19 марта 1606 по 15 декабря 1608 / ред. Н.Г. Устрялов // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 219.

¹³ Петрей П. О начале войн и смут в Московии... С. 207–208.

¹⁴ Там же. С. 357–358.

ном случае вооружение татар (очевидно, за казенный счёт) нельзя считать свидетельством частого использования служилыми татарами огнестрельного оружия. Во-первых, вооружили ясачных татар, только недавно завоёванных, использование которых диктовалось и условиями Сибири, малочисленностью русских сил. Во-вторых, это были пешие татары, которые, очевидно, помимо неких работ на судах, должны были принимать участие и в возведении и защите острога, для чего как раз и подходило огнестрельное оружие, тем более, что такового не было у их противников. В данном случае речь идёт об использовании новых подданных в качестве гарнизонного войска, для «осадного сидения», чем служилые татары обычно не занимались. Остальные татары, как отмечается, были конными, и, очевидно, вооружены луками, что было гораздо эффективнее для конного боя.

А. Олеарий (1633–1635 гг.) описывает ногайцев и астраханских татар (то есть тоже ногайцев). Отмечено, что они враждуют с калмыками и терпят от них притеснения (особенно в холодное время года, когда реки замерзают). Для защиты от калмыков русские выдавали татарам во временное пользование ружья и другое военное снаряжение; его в начале лета те должны были вернуть – как отмечает Олеарий, другого оружия (огнестрельного?) татары не имеют права держать¹⁵. Отсюда можно сделать вывод: татары в XVII в. начали осваивать огнестрельное оружие. Прежде всего, оно использовалось для защиты от калмыков. Однако оружие необходимо было возвращать, и в целом, широкого распространения и влияния на тактику ногайцев и татар огнестрельное оружие не имело.

Исследованные разборные десятины 1622 г. отражают ту же картину для первой половины XVII века. В десятине по Московскому уезду все пять татар разного материального достатка вооружены саадаком. Ничего кроме него и коня у них не отмечено¹⁶, как и у основной массы русских. Десятня по Боровску свидетельствует о том же: семеро татар вооружены саадаком (трое на конях, четверо на меринах)¹⁷. Стоит отметить, что и среди русских дворян огнестрельное оружие распространялось медленно, и только после Смуты окончательно вытеснило лук и стрелы [4, с. 79–81; 10, с. 34–35], но и то не везде [11, с. 196].

Ввиду рассмотренных выше свидетельств и с учётом всего, что нам известно о тактике, функциях на войне, происхождении служилых татар Московии, можно поставить вопрос несколько иначе: имела ли сама возможность у служилых татар использовать ручное огнестрельное оружие, эффективно ли оно было?

¹⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. А.М. Ловягина. М., 2003. С. 349.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. К. 112. Л. 1–18.

¹⁷ Там же. К. 177. Л. 1–56. Л. 47 об.

Одним из значимых «фронтов» службы татар была защита степного приграничья от набегов кочевников – крымских татар и ногаев. В рассматриваемый период военное дело этих этносов зиждилось на эффективном использовании не обременённой доспехами быстрой конницы, зачастую единственным вооружением которой были лук и стрелы. При этом достаточно многочисленные отряды крымцев и ногаев ещё в первой трети XVII в., а отчасти и позже, составляли достаточно внушительную силу, что отмечалось и европейцами¹⁸. Основной задачей небольших отрядов, тревоживших российское пограничье, был захват пленных и их угон. Соответственно, крайне важно было сохранить подвижность, скорость и избежать ближнего боя. Для противостояния и причинения урона такому противнику имело смысл выставлять такую же лёгкую конницу, которую и составляли служилые татары. Как уже отмечалось, русские дворяне, служившие на степной границе, также почти не имели огнестрельного оружия.

Татарские отряды широко использовались для разведки, диверсий, поимки языков – тут также было принципиально важно сохранить мобильность и не вступать в ближний бой. Так, участник Ливонской войны Л. Дзялынский передаёт сообщение одного пленного татарина, что «великий князь не велел татарам ни сидеть в засадах, ни вступать в битву, но поручил им всюду отступать перед королем, а между тем всячески тревожить его войско»¹⁹.

Участвовали татары и в полевых сражениях. При этом они полагались на древнюю тактику кочевников, заключающуюся в охвате противника по возможности со всех сторон и нанесении ему максимального ущерба за счёт обстрела из лука с дальней дистанции. Рукопашной татары старались избегать. С. Герберштейн писал: «Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полёта стрелы,

¹⁸ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / под ред. А.Л. Хорошкевич, пер. В.И. Матузовой. М., 1994. С. 66; Маржерет Ж. Состояние Российской империи / пер. П.Ю. Уваров, А. Берелович. М., 2007. С. 148; Петрей П. О начале войн и смут... С. 202.

¹⁹ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким / пер. О.Н. Милевского // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897. С. 32–33.

то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтоб тем вернее и удобнее стрелять во врага»²⁰.

Понятно, что использовать тут громоздкие тяжёлые пищали, на перезарядку которых уходило много времени, и требовались десятки движений (притом в положении стоя), было нельзя. Самопалы также отличались неудобством перезарядки, а, кроме того – низкой точностью, и больше подходили для ближнего боя, чего татары избегали. Лук же в разы превосходил пищаль по скорострельности и точности. Его можно было эффективно использовать для стрельбы с лошади, притом на скаку.

Таким образом, рассмотренный нами материал с учётом того, что нам известно о тактике служилых татар и их боевых задачах, не позволяет считать ручное огнестрельное оружие характерной частью вооружения служилых татар в XVI–XVII веках. Отдельные случаи использования его не меняют общей картины. Господство лучного боя было обусловлено его эффективностью, удобством для ведения маневренного дистанционного боя лёгкой конницей, занятой, прежде всего, в разведке, захвате языков, диверсионных операциях и в пограничной службе против таких же лёгковооружённых конников, какими были ногаи и крымские татары. Этим служилые татары не сильно отличались от русских дворян, также весьма долго, до Смуты, предпочитавших лук и стрелы. Можно предполагать по косвенным данным, что в XVII в. огнестрельное оружие значительно чаще использовалось служилыми татарами (хотя бы по причине всё увеличивающегося его значения на поле боя), но всё же не получило повсеместного распространения. С учётом особенностей тактики, отсутствия защитного вооружения и основных боевых задач служилых татар в XVI–XVII вв., можно считать, что отсутствие ручного огнестрельного оружия нельзя считать признаком отсталости военного дела и низкого военного значения этой категории служилых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Илюшин Б.А.* Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов III Всероссийской молодёжной конференции (21–24 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 46–54.

2. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб, 1863; Ч. II. СПб, 1864; Ч. III. СПб, 1866; Ч. IV, Вып. 1. СПб., 1887.

3. *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth» как исторический источник. СПб, 1891.

²⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Маленина и А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988. С. 168–169.

4. *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954.
5. *Павлов Н.П.* Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. Т. IX. Вып. 1. Красноярск, 1957.
6. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
7. *История России и ее ближайших соседей.* Т. 5. От древних славян до Петра Великого (под ред. М.Д. Аксеновой). М., 1995. (иллюстрация М.В. Горелика).
8. *Васин П.* Касимовские татары // "Империя истории". 2006. № 4. С. 98–104.
9. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Л., 1937.
10. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
11. *Смирнов Н.В.* Тверские «служилые города» в XVII веке. СПб, 2002.

B.A. ILUSHIN

**ON THE ISSUE OF USING THE FIREARMS BY RUSSIAN
SERVITORS TATAR (XVI–XVII CENTURIES).**

The author considers possibility of wide using of hand guns by the Tatar servitors of the Moscow state in XVI–XVII centuries. In particular the information of written sources were reviewed, and their information considered in the context of the main aims of the Tatar servitors and the features of their tactics. The author comes to conclusion that handgun was not a characteristic element for the weapon complex of Russian serving Tatars of XVI–XVII centuries. This question was not the subject of scientific research, although it is a part of the research on warfare of the Tatar servitors.

Keywords: Tatar servitors, warfare, handgun, history of Medieval Russia, the army of the Moscow state.

УДК 94(571) «16/18»

А. В. ДМИТРИЕВ

**УСЛОВИЯ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ
АБОРИГЕНОВ СИБИРИ В ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СТОРОНЕ
РУССКИХ ВЛАСТЕЙ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВВ. ***

канд. ист. наук
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: khaldeus@academ.org

В статье рассмотрены различные примеры использования отрядов сибирских аборигенов в качестве вооруженной силы в ходе тех или иных военных предприятий русских властей на протяжении конца XVI – начала XVIII веков. Автором установлено, что практика привлечения аборигенов Сибири к участию в боевых действиях на стороне русских складывалась из нескольких форм и далеко не всегда оказывалась инициативой властей. Хотя на лояльность таких союзников отнюдь не всегда можно было положиться, их использование оказывалось одним из необходимых факторов включения территории Сибири в военно-политическую структуру Российского государства, а в среде самих аборигенов политические и социально-экономические интересы могли превалировать над принципами этнической общности.

Ключевые слова: Сибирь, аборигены, боевые действия, межэтническое взаимодействие, военные конфликты.

Вопрос о той роли, которую сыграли сибирские аборигены в продвижении русских по территории Сибири и ее подчинения власти Московского царства редко рассматривается специально. Лишь недавно в ряде публикаций были выделены особенности взаимодействия русских и аборигенов в военной сфере – использование вооруженных отрядов, составленных из представителей коренного населения, в качестве «союзников-федератов» в ходе тех или иных боевых действий или продвижения русских казаков и промышленников по еще не подчиненным Москве землям [1, с. 61; 2, с. 211–215; 3]. А между тем, во множестве конкретных эпизодов сибирской истории конца XVI – начала XVIII вв. мы можем увидеть, что военная поддержка аборигенов оказывалась весьма значимым фактором, обеспечивавшим успех в достижении целей, поставленных русской властью. Поэтому мы ставим

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

© Дмитриев А.В., 2014

своей задачей проанализировать степень вовлеченности сибирских аборигенов в процесс подчинения русской государственной власти территорий к востоку от Урала и постараться оценить, насколько успешным оказывалось использование военных отрядов аборигенов в ходе русского продвижения по Сибири, и какими условиями определялось участие последних в боевых действиях на стороне московских властей.

Примеры использования автохтонного населения в качестве вооруженной силы при подчинении тех или иных территорий политической власти европейских государств мы обнаруживаем и в мировой истории. Достаточно вспомнить, что главной силой, поддержавшей горстку испанцев во главе с Э. Кортесом при завоевании мексиканской империи ацтеков в начале XVI в., стали именно вооруженные отряды, выставленные индейскими племенами, ранее покоренными ацтеками, а теперь воспользовавшимися подходящим случаем, чтобы избавиться от владычества последних [4]¹. Да и впоследствии, в эпоху строительства грандиозных колониальных империй европейских держав (в Азии и в Африке) немаловажную роль в утверждении там европейцев играло именно использование местного населения в качестве доступного военного ресурса. Классическим примером являются в этом смысле войска сипаев в Британской Индии первой половины XIX в. [5; 6] Если говорить о территориях Сибири и северо-востока Азии, то сразу необходимо отметить, что инициатива в сфере военного сотрудничества между русскими и аборигенами оказывалась двусторонней: с одной стороны, малочисленность собственных военных ресурсов вынуждала русские власти прибегать к помощи местного населения, с другой – появление русских отрядов в регионах, охваченных межэтническими столкновениями (что было отнюдь не редкостью в сибирских условиях), могло подтолкнуть те или иные родоплеменные группы к установлению союзнических отношений с пришельцами и попыткам использовать их в собственных интересах.

В данной статье мы уделяем специальное внимание именно условиям, формам и механизмам вовлечения военных ресурсов аборигенов Сибири в предприятия русских властей на всем протяжении рассматриваемого периода, с 90-х годов XVI по вторую декаду XVIII веков. Рассмотрим, как реализовывались эти условия, формы и механизмы в различных регионах Западной и Южной Сибири, а также на крайнем северо-востоке. В каждом из этих крупных регионов практика использования аборигенов в качестве вооруженной силы имела свои особенности, поэтому мы считаем необходимым проанализировать их в порядке следования с запада на восток и выявить, в каких условиях начиналось сотрудничество обеих сторон в военной сфере,

¹ *Берналь Диас де Кастильо*. Правдивая история завоевания Новой Испании. М., 2000.

каковы были масштабы вовлечения аборигенов в боевые действия совместно с русскими, и в каких формах осуществлялось это вовлечение.

Привлечение аборигенов к участию в военных походах вместе с отрядами русских служилых людей берет начало в конце XVI веке. Известно, что в походе 1598 г. против так и не покорившегося московским властям сибирского хана Кучума было задействовано, согласно отписке тарского воеводы А. Воейкова, «тарских... юртовских служилых татар тридцать человек, да волостных ясачных людей шестьдесят человек... да юртовских тобольских татар сто человек, да тюменских... татар десять человек»². Таким образом, из 400 чел., двинувшихся на поиски Кучума, почти половину составляли сибирские татары. Интерес представляет, прежде всего, упоминание о том, что в поход отправились не только юртовские служилые татары, с самого начала фактически приравнявшиеся русской властью к собственно служилым людям, но и «волостные ясачные люди». Скорее всего эти последние могли выступать в качестве вспомогательной силы, отвечая за снабжение отряда всем необходимым, но не участвуя в сражениях. И в дальнейшем отряды татар непременно использовались в ходе боевых действий на южных границах русских владений в Сибири. Так, в 1660 г. тобольскому воеводе кн. И.А. Хилкову царской грамотой предписывалось направлять против совершавших набеги отрядов «Кучумовых царевичей» и калмыков «служилых русских людей и татар, сколько пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям»³.

В первой половине XVII в. московские власти зачастую даже предпочитали сохранять у ряда этнических групп сибирских аборигенов их собственную политическую организацию, если она позволяла успешно мобилизовать силы последних для ведения боевых действий. В Западной Сибири, скажем, именно при участии хантов – воинов так называемого Кодского княжества происходило подчинение русской администрации их соседей. С.В. Бахрушин выдвинул гипотезу о том, что «под покровительством Москвы, воспользовавшейся в своих целях их воинственностью и страстью к грабежу, кодские остяки, вероятно, завоевали примыкавшую с юга к их земле Емдырскую волость... во время походов с русскими на Сургут и Нарым они проникли на Вах» [7, с. 41]. Более того, именно кодские ханты были освобождены от уплаты ясака: «Все кодские остяки... были служилыми в противоположность жителям присоединенных впоследствии волостей, плативших ясак... Взамен ясака служилые остяки обязаны были нести военную службу. Они составляют войско князей Алачевых, с которым последние служат московским государям... Вооружение – панцири, шлемы и остальное – князь выдавал из

² *Акты исторические* (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 1. С. 1.

³ *Дополнения к актам историческим* (далее – ДАИ). СПб., 1851. Т. 4. № 71. С. 188, 189.

своего арсенала; он же снабжал их деньгами и провиантом... За это князь получали львиную часть военной добычи и тем покрывали свои военные расходы» [7, с. 41]⁴.

По мнению С.В. Бахрушина, «при содействии, а может быть, по инициативе князя Игичея было завершено покорение Пелымского княжества... причем им были взяты в плен кондинский князь Агай и его семья» в 1594 г. [7, с. 49]. Еще перед этим в 1593 г. князь Игичей и его люди вместе с Н. Траханиотовым строили г. Березов. В 1607 г. пытавшиеся выйти из-под власти русских князья В. Обдорский и Ш. Лугуев были захвачены и доставлены в Березов отрядом кодских хантов [8, с. 24, 25; 9, с. 42]. На протяжении 1618–1627 гг. воины кодского князя М. Алачева численностью до нескольких десятков человек даже принимали участие в походах русских отрядов против «изменников-тунгусов» на восток, вплоть до Енисея и Нижней Тунгуски [7, с. 50]. В дальнейшем по мере укрепления здесь русской власти к услугам военных отрядов хантов обращались все реже, хотя участие аборигенов Северо-Западной Сибири в ряде событий прослеживается на всем протяжении XVII века.

В 1678 г. происходили конфликты между самоедами Мангазейского уезда. Воевода И. Савелов доносил, что «яратская самоедь, князец Коручня с родом своим со многими людьми» пытались взять Хантайское зимовье, после чего «поехала таж яратская самоедь грабить и побивать... ясашных людей, хантайскую и тагицкую самоедь»⁵. В ответ он выслал отряд служилого человека, поляка К. Моря в погоню, подкрепив его силы также теми «ясачными иноземцами», чьи роды пострадали от набега. Одновременно с этими событиями отряды «воровской самоеди» осаждали Обдорск, «многих остяков и самоедь ранили, и ясачных остяков, которые были в юртах и на промыслех и у рыбной ловли, убили... и над ними наругались, носы и урук персты резали, а жон их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон»⁶. В данном случае межэтнический конфликт в аборигенной среде приобрел серьезные формы, вдобавок осложняясь необходимостью для властей защищать своих подданных. Более того, предводитель восставших, «вор Маулка Посев», якобы собирался убить князца обдорских ясачных хантов Г. Моликова и разорить его соплеменников, грозя: «Которые де остяки и самоедь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют». Березовский воевода кн. В.М. Гагарин получил царскую грамоту с распоряжением посылать против «воровской самоеди» не только служилых людей, но и хантов

⁴ Эту оценку разделяют и современные исследователи. Сведения об участии кодских отрядов в военных операциях см.: [8].

⁵ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 44. С. 161.

⁶ Там же. С. 166.

из Обдорских городков «по сколку человек пристойно», хотя упомянутый Г. Моликов и пытался отговориться тем, что у хантов отогнали оленей, без которых организовать преследование было невозможно⁷. В 1683 г. березовский воевода М. Алфимов был встревожен слухами о том, что «хотят де идти на Обдорскую яшашную самуюдь войною Сургуцкого уезду... яшашные остяки и побить насмерть». Однако тревога оказалась ложной – сургутские ханты в ходе расспросов объявили тамошнему воеводе Л. Вельяминову, что войной на обдорских ясачных идти не думали, хотя не преминули подчеркнуть: «А они де березовская самаядь по многия времена к ним... прихаживали, и многих ясачных остяков побивали, и жен их и детей в полон имали и животы их грабили»⁸.

Можно вспомнить и привлечение в первой четверти XVII в. к участию в военных походах телеутов, тогда даже не являвшихся подданными Московского государства. В 1609 г. телеутский князь Абак со своими подданными взял на себя обязательство «служить своими головами, куда царь ни пошлет... на своих непослушников воевать». В том же году Абак отбил у кужегетов стада еуштинцев, уже подчинившихся русским, в 1615 г. выставил отряд из 400 воинов для совместных с русскими действий против енисейских киргизов. Аналогичные случаи отмечены и в 1621–1622 гг. [10, с. 17, 22, 39, 42]. Правда, в дальнейшем телеуты вышли из сферы русского влияния. Однако начало политике использования вооруженных сил аборигенов при продвижении по сибирским землям в Западной и Северо-Западной Сибири было положено, и она успешно осуществлялась вплоть до середины столетия.

На протяжении XVII в. русские воеводы в Сибири при попытках завязать контакты с теми этническими и политическими образованиями, которые находились вне досягаемости московских властей, часто ссылались на свои возможности использовать для военных походов не только служилых людей, но и ясачных аборигенов. Апелляция к использованию вооруженных сил аборигенов выступала в данном случае в качестве одновременно аргумента в пользу подчинения русским и прямой угрозы. Многочисленные примеры подобного рода мы находим в ходе подчинения Москве Южной Сибири, Забайкалья и (временно) Приамурья. Так, в грамоте, адресованной даурскому «царю» Шамшакану в 1649 г., якутский воевода Д. Францбеков и дьяк О. Степанов грозили последнему, если он не прекратит сопротивление,

⁷ В следующем 1679 г. Г. Моликов побывал в Москве и выхлопотал для себя жалованную царскую грамоту, не только подтверждавшую его право на сбор ясака, но и разрешавшую обращаться напрямую в Москву, минуя Тобольск, в случае необходимости обороны от враждебных соседей. Его сын положил начало фамилии князей Тайшиных, продолжавшейся еще в XIX в. См. об этом: [9, с. 54–55].

⁸ ДАИ. СПб., 1869. Т. 11. № 28. С. 87.

отправить на него «ратных русских людей многое множество», а также уверяли, что подчинившиеся русским «якуты, и тунгусы, и юкагиры, многие люди... ратному бою навычны, и... на изменников и на непослушных людей в походы готовы и ради биться за государя нашего честь, не щадя голов своих»⁹.

В 1637 г. атаман М. Кольцов предпринял поход на «кыштымов» (зависимых) братских князцов по просьбе канских князей Таяна и Именека, поскольку упомянутые кыштымы тревожили и разоряли своими набегами канские земли. Канские предводители согласились выставить своих воинов в состав объединенного отряда. Однако инициатива Кольцова провалилась, поскольку в ходе продвижения на восток служилые люди взбунтовались против атамана и заставили его повернуть обратно. Аборигены также «стали мняться и говорить, уж то де государевы люди государю служить не хотят», и многие разошлись по своим улусам» [11, с. 42–43]. Зато в 1645 г. был достигнут успех, когда воевода Баскаков снарядил большую военную экспедицию против братского князца Оилана. Под началом того же М. Кольцова и Е. Тюменцева в поход вышли 210 служилых людей и 120 аринцев и качинцев¹⁰. Напротив имен многих из этих последних в послужном списке встречаются фразы: «Бился явственно, мужика убил». А в 1652 г. красноярский воевода А. Бунаков сформировал крупный отряд для похода против братских князцов Узуна, Чиначая и Абакала, в составе которого находились 120 русских служилых людей во главе с племянником воеводы К. Бунаковым, а также не менее 210 чел. из числа качинцев, аринцев, тубинцев и других групп аборигенов¹¹.

Правда, на лояльность таких союзников воеводы полагались далеко не всегда. Например, в 1652 г. второй красноярский воевода М. Скрябин, ожидая нашествия монгольского Алтын-хана, жаловался: «А которые подгородные татаровя, качинцы и арынцы и ястынцы, кочуют под Красноярским острогом, и в приход воинских людей от тех подгородных татар добра ждать нечего, потому что они киргизам и тубинцам в руду и в племяни, и сами у них женятца и дочерей своих за них выдают, и мысль у них с ними одна, и в воинское время верить им потомуж не чем»¹². А в 1665 г. его преемник Г. Никитин опасался прямой измены со стороны качинцев и аринцев, поскольку те «посада в Красноярском остроге аманат своих, уехали из-под Красноярского острогу на низ в степь, в далные места, где прежь сего

⁹ АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 31. С. 73.

¹⁰ Там же. Л. 90.

¹¹ Там же. Л. 265. Послужной список с перечислением всех участников похода из числа аборигенов см.: Там же. Л. 274–281. О результатах этих экспедиций см.: [11, с. 43–44].

¹² ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 108. С. 384.

не кочевывали... и ссылаютца с киргизы и с калмаки безпрестанно»¹³. Как отмечал в свое время С.В. Бахрушин, «подвижность туземного населения Красноярского уезда выражалась в беспрестанных перекочевках из пределов русских владений «в киргизы» или в Тубу и обратно. Всякий набег киргизов или калмыков на Красноярск сопровождался уходом с ними подгородных татар с женами и с детьми, рогатым скотом, лошадьми и со всеми «животами», а через несколько лет, не ужившись на новых местах, татары опять «выбегали» на старые свои кочевья» [11, с. 35]. С другой стороны, ниже он справедливо указывал, что на помощь русскому гарнизону «в минуту опасности подгородных татар являлось человек с полтора»¹⁴, хотя «во избежание измены, с подгородных татар, участвовавших в дальних походах, брали в аманаты жен и детей, по крайней мере в первое время, пока не убедились в их лояльности» [11, с. 85].

Впрочем, уже в 1667 г., когда пришлось отражать набеги на Красноярский уезд киргизского князца Е. Ишеева, подгородные татары сражались вместе с русскими служилыми людьми. В частности, из них были ранены 12 чел., «побито» (то есть убиты) 20 человек¹⁴. В 1679 г. во время нового набега Ереняка его воины «служилых татар в полон взяли 16 человек, ясашных 161 человек, опричь жен и детей, а иных побили до смерти и скот всякой отогнали»¹⁵. Да и сами служилые татары временами предпринимали по собственной инициативе ответные действия против враждебных русской власти соседей. К примеру, в 1678 г. тарский воевода Н. Наумов доносил в Москву, что на телеутов «пошли де войною, без нашего великого государя указу... ясашные татаровя Каим с товарищи». В ходе предпринятого расследования выяснилось, что там действовали князцы ясачных татар Барабинской и Аялынской волостей К. Бичугиев и И. Змеев. Последние оправдывались тем, что еще начиная с 1672–1673 гг. телеуты неоднократно грабили ясачных: «Звериными их промыслы завладели, и живут меж их пашен и деревень... и для ясашного промыслу выехать им некуда». Признавая свою вину, князцы просили у московских властей защиты от агрессивных соседей. Решением царя Федора Алексеевича было велено «для их иноземства... вины их отдать и из-за порук освободить... а впредь барабинским и иным ясашным и служилым татаром... на калмыков войною, без нашего великого государя указу и без тобольских отписок, однолично не ходить и задоров с ними никаких не всчинать, и жить с великим береженьем, чтоб от воинских людей порухи какие не учинилось»¹⁶.

¹³ ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. № 4. С. 39.

¹⁴ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 44. С. 148.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Там же. С. 155–156.

В феврале 1681 г. к новому тарскому воеводе М. Лодыгину пришли ясачные татары из трех волостей и «просили... государевых ратных людей идти с ними войною на калмыцких людей», поскольку им от калмыков (то есть телеутов. – *А. Д.*) «чинитца раззоренье, и на зверовых промыслах грабят и побивают до смерти, и ясашного лутчего человека Учкоя Акбелякова с сыном убили до смерти, и за него де мы идем войною»¹⁷. Воевода отказал им, потребовав, чтобы они «самоволством сами одне на калмыцких людей войною не ходили и задору никакого с ними не чинили», однако татары ему «говорили встрешно: хотя де ты нам великого государя ратных людей и не дал, и мы де пойдем и сами собою на калмыков». Как видим, в некоторых случаях аборигены были способны сами проявлять военную инициативу, так что русской администрации приходилось сдерживать их рвение.

Впрочем, не редкостью были эпизоды, когда ясачные аборигены сначала все-таки просили у властей помощи для обороны от враждебных соседей. В 1644 г. князец барабинских татар Кулубердей жаловался на беглых «черных колмаков» (телеутов), от которых барабинцам происходило «великое утеснение», а когда в 1646 г. телеуты перекочевали из Тарского в Томский уезд, заняв уголья «чатских мурз и татар», томский воевода кн. О.И. Щербатов поручил изгнать телеутов сыну боярскому П. Сабанскому. В составе его отряда численностью 200 чел. находились, помимо томских конных и пеших казаков, также 58 «чатских и еуштинских мурз и татар»¹⁸. А во второй половине XVII в., когда в Томском уезде уже образовалась довольно значительная по своей численности группа «белых калмыков» (выезжих телеутов, перешедших под власть русского царя), эти последние были непременными участниками столкновений со своими бывшими соплеменниками при отражении их набегов на русские поселения. А.П. Уманский приводил краткую сводку сведений об участии выезжих телеутов в боевых действиях: в 1673–1675 гг. они участвовали в обороне Кузнецкого острога; зимой 1679–1680 гг. в составе сводного отряда томских и кузнецких служилых людей ходили «в Киргизскую землю»; в 1682 г. принимали участие в неудачном походе И. Суворова на киргизов [10, с. 251, 258]. Ряд аналогичных эпизодов мы обнаруживаем и на протяжении первых десятилетий XVIII в. «Выезжие белые калмыки» обороняли Кузнецк от киргизов в 1700 г., сами совершали походы на последних вместе с русскими в 1703 и 1708 гг. (в последнем случае более 60 чел.), строили Бикатунскую крепость в 1709 г. и Белоярскую крепость в 1717 г. (были задействованы 150 «выезжих телеутов» и абинцев) [10, с. 259].

¹⁷ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 44. С. 177.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 114–117. Послужной список чатских и томских татар см.: Там же. Л. 140–143.

К услугам аборигенов прибегали также в ходе объясачивания ранее неизвестных с русской властью территорий. В 1643 г. кузнецкий воевода Д. Кафтырев направил вверх по р. Кондоме служилого человека Ш. Яковлева, придав ему 20 русских людей и троих «подгородных юртовских татар». Из отчета Яковлева следует, что именно этих последних он направлял для ведения переговоров о «призыве» в ясачный платеж некоторых телесских родов¹⁹. А в 1647 г. воевода А. Зубов выслал из Кузнецка против телесского князца Айдара отряд из 106 чел., в составе которого, помимо служилых людей во главе с пятидесятником П. Ивановым, числились десять подгородных татар и четверо кондомских ясачных: князец Бакчетай, есаул С. Кууруш, К. Казанаков и «лутчей человек» Алтын. Первые трое были ранены, а последний «был на бою убит до смерти, остались от него в государеве ясаке два сына»²⁰. Как видим, в Южной Сибири на всем протяжении XVII в. не только русские власти постоянно прибегали к военной помощи со стороны автохтонного населения, но и сами аборигены не редко готовы были действовать самостоятельно, при этом заручившись поддержкой местных воевод и отрядов служилых, хотя полным доверием русской стороны они пользовались не всегда.

Особенно часто факты использования в военных целях отрядов аборигенов встречались на северо-востоке Сибири. Понятно, что вызвано это было, прежде всего, крайней немногочисленностью (в сравнении с другими регионами) русских служилых людей на территории Якутского воеводства и прилегавших к нему земель. Поэтому здесь изначально инициативу проявляли, как правило, сами аборигены. Уже при покорении Якутии мы можем отметить первые эпизоды, когда одни якутские роды старались воспользоваться военной помощью русских отрядов в борьбе с другими своими соседями. Еще в 1636 г., когда кангаласцами был ограблен борогонский тойон Логуй, с самого начала перешедший на сторону русских, атаман И. Галкин выслал за ними в погоню из Ленского острога отряд под начальством своего брата, вместе с которым пошли улусные люди того же Логуя – якуты, «которые государю послушны» [12, с. 37]²¹. С другой стороны, имели место даже столкновения между различными отрядами русских ясачных сборщиков, конкурировавших между собой за контроль над новооткрытыми обширными территориями, в которых также оказывались задействованы аборигены. В частности, в 1639 г. отряд томских служилых людей Ю. Петрова по просьбе нюрюптейского и мегинского князцов «погромил» сыланцев, с которыми

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 209 и далее.

²⁰ Там же. Л. 237–239, 250.

²¹ В.Н. Иванов, анализируя данный эпизод, задавался вопросом: «Не отсюда ли началась осознанная ориентация на Россию, ставшая впоследствии тенденцией?» [13, с. 46].

у последних шла война. Однако с сыланцев как раз собирал ясак сын боярский П. Ходырев, который «отомстил» за своих «подопечных», перехватив отряд Петрова и перебив действовавших с ним якутов. Более того, если верить свидетельствам людей Ходырева, он побуждал верных ему якутов убить тех из томичей, которые были отпущены после победы, но не встретил поддержки у своих русских подчиненных: «Не гораздо де ты, Парфен Васильевич, говоришь, что велишь иноземцам якутам... побить служивых людей, ты де их сам побей, чтоб не столь было позорно государскому имени» [Цит.: 12, с. 44].

В 1681 г. сын боярский Л. Трифонов, пытаясь усмирить тунгусов «Годниканского роду Конашанку с товарищи», за год перед тем перебивших отряд стольника Д. Бибикова и разграбивших ясачную казну, которую тот вез в Якутск, выступил из Охотска «с служилыми людьми, 93 человека, да иноземцов оленных и пеших тунгусов 70 человек, и... с служилыми людьми и с ясачными тунгусами смирял их ратным боем»²². В том же году казачий сотник И. Курбатов был осажден двумя сотнями юкагиров в Анадырском остроге, где ему и еще 12 казакам угрожала голодная смерть. На счастье казаков, им пришел на помощь другой юкагирский предводитель, остававшийся лояльным к русской власти: «Услышав про нас, что мы сидим в осаде... Чюванского роду лутчей юкагир Мотора, приехав со своими родниками, тех юкагирей от острожку отбил и государеву казну и меня с служилыми людьми из острожку выручил и провел от тех юкагирей»²³. В 1682 г. казачий пятидесятник Ф. Щербаков посылал из Удского зимовья казака И. Бессонова «с ясачными тунгусами Муягирского уезду с Камкою да с Малетою Гумго-тинными на Амгунь реку к немирным неясачным иноземцом... для призыву под... царскую высокую руку, чтобы они... ясак платили и аманатов с себя дали»²⁴. Миссия его увенчалась лишь частичным успехом: аманатов Бессонову не дали, а в ясак он смог получить лишь семь соболей.

Не редкостью были и такие ситуации, когда те или иные объединения аборигенов могли сначала выступать с оружием в руках против русских отрядов, а спустя непродолжительное время объединяться с ними при походах на собственных же соплеменников. В 1682 г. ясачные юкагиры «Косой с братом и с родниками, да Лакиева роду Кабачко с братьями и с родниками... побили приказчика и служивых и торговых людей». Чтобы загладить свою вину, в 1684 г. они приняли участие в походе, организованном приказчиком Нижне-Колымского зимовья И. Голыгиным, на Анадырский хребет к верховьям р. Анюй против «неясачных юкагирей изменников Ходын-

²² ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 44. С. 179–180.

²³ Там же. С. 180–181. См. также: [14, с. 221–222].

²⁴ ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. № 78. С. 342.

ских» [14, с. 222]²⁵. В том же 1684 г. якутский воевода И. Приклонский отправлял в погоню за взбунтовавшимися несколькими якутскими родами Батулинской волости, бежавшими к тунгусам на р. Оймякон, сына боярского С. Крупецкого во главе отряда из 30 служилых людей и казаков, распорядившись также «взять с собою ясачных якутов лутчих людей человек с 50 и болши»²⁶. А в 1702 г. приказчик Анадырского острога сын боярский Г. Чернышевский высылал против «немирных чукчей» казаков и промышленников (24 чел.) при поддержке 110 ясачных юкагиров и коряков. Впрочем, эта мера не помогла: оказавшие активное сопротивление чукчи минимум в несколько раз превосходили численностью союзников, так что объединенный отряд вынужден был вернуться ни с чем [14, с. 235]²⁷.

Это были далеко не единственные случаи, когда аборигены-союзники численно превосходили действовавшие совместно с ними русские контингенты. Понятно, что происходило подобное зачастую вследствие межродовых распрей, в ходе которых «изменники», пытавшиеся выйти из подчинения русской власти, нередко при этом грабили и убивали оставшихся верными ясачных. Вместе с тем, такие случаи обещали надежду на добычу или вознаграждение при достижении успеха, хотя эти надежды оправдывались не всегда. В 1684 г. князцы нескольких тунгусских ясачных родов из окрестностей Удского острога подавали челобитную, в которой перечисляли свои заслуги: «Ходили мы на Маймакан по хлебные казачьи запасы... пятидесятник казачей Гарасим Цыпандин имал нас в поход на изменников на Биярских тунгусов... да он же посылал нас на Тугур реку Албазинского острогу по казну и по служилых людех». В этих походах ясачные понесли заметные потери, «изменники Биярские тунгусы убили у нас три человека лутчих да отгонили 20 оленей», а в посылке к Албазину «в тех подводках и дорогах пропало у нас 40 оленей»²⁸. При этом соседние роды, которые также были обязаны помогать русским отрядам в походах, «силны учинились и не подмогают». Челобитчики просили заставить своих соседей наравне с ними нести эти «походные и подводные повинности», особенно в части предоставления вьючных оленей для передвижения, «чтобы нам впредь от тех подвод не разоритца и вконец не погинуть».

Подробная сводка всех известий об участии аборигенов в военных предприятиях русских на крайнем северо-востоке Сибири вплоть до первых десятилетий XVIII в. содержится в одной из работ А.С. Зуева. Всего им были выявлены более двух десятков эпизодов, относящихся к указанному хроно-

²⁵ ДАИ. СПб., 1869. Т. 11. № 44. С. 132–133.

²⁶ Там же. № 49. С. 155–156.

²⁷ *Памятники сибирской истории*. СПб., 1885. Кн. 2. № 122. С. 524–525.

²⁸ ДАИ. СПб., 1869. Т. 11. № 71. С. 203–204.

логическому промежутку. Приведем здесь некоторые характерные примеры. В 1642 г. отряд казака А. Горелого, насчитывавший 18 казаков и 20 якутов, был отправлен на р. Охоту к ламутам (эвенам). Как справедливо отметил В.Н. Иванов, «трудно предположить», что эта группа якутов использовалась в качестве проводников: «Предпочтительнее говорить о том, что они были необходимы для приведения под власть московского государя жителей неизведанных еще земель» [13, с. 106; 14, с. 191]. То есть это были именно якутские воины. В 1659 г. приказчик Нижне-Колымского зимовья И. Ерастов ходил на чукчей с 19 служилыми людьми и 150 юкагирами. А в 1696 г. с отрядом Л. Морозко совершили поход на Камчатку 40 юкагирских воинов [14, с. 212, 229].

При этом следует учитывать, что аборигены отнюдь не всегда оставались лояльными союзниками русских. Не редкостью были случаи «измены» союзников уже в ходе боевых действий. Так, в 1669 г. юкагиры, сопровождавшие двигавшийся на р. Пенжину к корякам отряд И. Ермолина «великому государю изменили, служилых людей побили... оружейную и всякую казну, и хлебные запасы... отбили» [Цит. по: 14, с. 217]. Самый же известный случай подобного рода произошел во время похода по Камчатке казачьего пятидесятника В. Атласова в 1697 году. Изначально с ним отправились 60 юкагирских воинов, но после разделения отряда надвое, когда с Атласовым осталась лишь половина аборигенов, на р. Палане последние «впали в измену». Часть казаков и промышленников были убиты и ранены, однако уничтожить весь отряд восставшим юкагирам не удалось, так что некоторые из них бежали, а оставшиеся принесли повинную и были сурово наказаны Атласовым. Достигнув затем р. Еловки, русско-юкагирский отряд, соединившись с обитавшими там ительменами, совершил по просьбе последних (и при их непосредственном участии) рейд вниз по р. Камчатке, «погромив» встречавшиеся селения. При возвращении Атласова на Анадырь еще шедшие с ним юкагиры вновь подняли бунт и, убив двоих из его русских спутников, бежали²⁹.

Целый ряд примеров того, как действия русских отрядов перерастали в межэтнические конфликты с участием многочисленных групп аборигенов северо-восточных территорий, относятся к первым десятилетиям XVIII века. Около 70 ясачных ительменов принимали участие на стороне казаков в столкновениях со своими соплеменниками у Авачинской губы в 1707 году. В конце 1708 г. вместе с людьми сына боярского П. Чирикова и анадырского

²⁹ См. об этих событиях: [14, с. 231–234]. Заметим, что в ряде работ факты использования воинов-аборигенов при покорении «немирных иноземцев» вообще не упоминались. Скажем, С.Е. Мостахов просто констатировал, что отряд Атласова «состоял из 60 русских и такого же количества юкагиров», ничего не говоря о характере действий этого отряда [15, с. 49].

приказчика Е. Петрова действовала против коряков группа юкаги-ров. В 1709 г. приказчик Охотского острога И. Мухоплев совместно с тунгусами ходил на «немирных» коряков. В 1711 г. отправившегося для сбора ясака с чукчей якутского служилого П. Попова сопровождали юкагиры во главе со своим крещеным соплеменником И. Терешкиным. В 1712 г. П. Гуторов из Охотского острога предпринял поход на коряков к северу от Тауйского острога вместе со 130 ясачными пешими тунгусами. В экспедиции И. Козыревского с Камчатки на Курильские острова в 1713 г. были задействованы более десятка ясачных ительменов, а карательный отряд Н. Дурынина, высланный тогда же против авачинцев, сопровождали не менее 150 ительменов³⁰.

Последним крупным эпизодом подобного рода следует, видимо, считать события 1714 года. Зимой в поход против олюторских коряков отправился анадырский приказчик дворянин А. Петров с отрядом служилых, которых сопровождали юкагиры. Кампания прошла успешно, были взяты штурмом ряд корякских острожков, однако присоединившийся к Петрову бывший камчатский приказчик В. Колесов на обратном пути довел союзников-юкагиров до бунта. Колесов вымогал у них соборей, забрал всех оленей, как ездовых, так и предназначенных для пропитания. В результате восставшими юкагирами были убиты несколько десятков служилых, в том числе сам А. Петров, а уцелевшие пытались укрыться в Акланском острожке. Однако последний также был взят юкагирами и поддержавшими их коряками в 1715 году. «Успокоить» и вернуть в русское подданство юкагиров и коряков властям удалось лишь к 1718 г. [14, с. 256–261]

Из всех рассмотренных выше данных мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, практика использования сибирских аборигенов в качестве военных союзников была распространена широко и повсеместно в Сибири на всем протяжении рассматриваемого периода, с конца XVI до первой четверти XVIII в. включительно. Форм, которые принимала такая практика, по источникам прослеживается две: это привлечение довольно многочисленных контингентов аборигенов как реальной вооруженной силы, с участием в боевых столкновениях наравне с русскими, или же помощь со стороны ясачных людей (то есть не обязательно воинов) при продвижении по еще не исследованной территории, выражавшаяся в обеспечении транспортом, продовольствием и другими материальными ресурсами. Сохранялась, впрочем, и вероятность выхода таких союзников из повиновения. Временная общность интересов, заставлявшая те или иные группы аборигенов объединять силы с русскими, не могла гарантировать стопроцентной лояльности с их стороны.

³⁰ Данные по: [14, с. 240–255].

Во-вторых, далеко не всегда эта практика являлась проявлением инициативы именно со стороны русских властей. Ряд примеров, приведенных выше, свидетельствуют, что не редкостью были именно активные выступления самих аборигенов против своих враждебно настроенных соседей, в ходе которых расчет делался как раз на заступничество со стороны властей и возможность привлечь отряды русских служилых людей себе на помощь. Наконец, в-третьих, участие сибирских аборигенов в вооруженных конфликтах отмечено не только на уровне межэтнических столкновений. События в Якутии при утверждении там русской государственной власти до середины XVII в. или феномен «выезжих телеутов», оборонявших русские владения в Южной Сибири от своих же соплеменников на протяжении второй половины XVII – начала XVIII вв. показывают, что политические и социально-экономические интересы могли временами брать верх над принципами этнической общности в среде аборигенов Сибири.

Возвращаясь к тезису, сформулированному в начале статьи, мы можем отметить, что на всем протяжении рассматриваемого периода этот «аборигенный фактор» играл достаточно существенную роль в деле укрепления власти Российского государства на сибирских территориях. Вместе с тем, буквально сопоставлять данный пример с процессами утверждения колониального режима европейских держав в Испанской Америке или Британской Индии, все же вряд ли возможно, в первую очередь потому, что соотношение численности пришельцев и автохтонного населения там оказывалось другим. Известно, что к началу XVIII в. русское население Сибири численно превосходило коренных жителей, в некоторых местностях уже в несколько раз. Поэтому с течением времени необходимость прибегать к военной помощи аборигенов постепенно сокращалась. Хотя и на протяжении XVIII в. сохранялись контингенты служилых татар в Западной Сибири, а в Забайкалье были сформированы казачьи полки из бурят и тунгусов. Таким образом, хотя рассмотренные нами явления имели свои аналоги в мировой истории, но ситуация, складывавшаяся на сибирских землях, имела ряд отличительных особенностей, которые мы постарались выявить и проанализировать в рамках настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зуев А.С., Люцидарская А.А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 52–69.
2. *Дмитриев А. В.* Военное сотрудничество русской государственной власти и народов Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.: типовые модели и их практическая реализация // Исторический ежегодник. 2013: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. Вып. 7. С. 210–223.
3. *Худяков Ю.С.* Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 63–66.
4. *Гуляев В.И.* По следам конкистадоров. М., 1976. 160 с.
5. *Bruce G.* Six battles for India. London, 1969. 336 p.
6. *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977. 256 с.
7. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935. 90 с.
8. *Вершинин Е.В., Шашков А.Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 12–26.
9. *Перевалова Е.В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 413 с.
10. *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.
11. *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Науч. тр. М., 1959. Т. 4. С. 7–192.
12. Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. 442 с.
13. *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. 198 с.
14. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. 330 с.
15. *Мостахов С. Е.* Сподвижники путешественников и исследователей (Участие местного населения в географическом изучении Северо-Востока Сибири в XVII – начале XX в.). Якутск, 1966. 211 с.

A.V. DMITRIEV

**CONDITIONS, FORMS AND MECHANISMS OF INVOLVING OF THE
SIBERIAN ABORIGINALS INTO MILITARY OPERATIONS
OF RUSSIAN AUTHORITIES AT THE END OF THE XVITH – THE
BEGINNING OF XVIITH CENTURIES**

The article deals with the consideration of various examples of using the Siberian aboriginals' troops as armed forces during those or other military actions of the Russian authorities in the end of the XVIth – beginning of the XVIIIth centuries. The author has established that the practice of involving of the Siberian aboriginals to participation in combat operations on the Russian side consisted of several forms and it was not always initiated by the authorities. Although the loyalty of such allies not always had been stable, their using was one of the essential factors for incorporation of the Siberian territory into military-political structure of the Russian state. By the way it is necessary to note that political, social and economical interests could prevail over the principles of the ethnic community.

Keywords: Siberia, aboriginals, combat operations cross-ethnic interaction, military conflicts.

Список сокращений

АИ	Акты исторические
ВДНХ	Выставка достижений народного хозяйства
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАКО	Государственный архив Кемеровской области
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГИАОО	Государственный исторический архив Омской области
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ИТР	инженерно-технические работники
МАрхИ	Московский архитектурный институт
МОСХ	Московский союз художников
МУ МГА	Муниципальное учреждение Магнитогорский городской архив
НКБ	Наркомат боеприпасов
НКВД	Наркомат внутренних дел
ОРС	Отдел рабочего снабжения
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
ПСР	Партия социалистов-революционеров
РГАВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВА	Российский государственный военный архив
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РУДН	Российский университет дружбы народов
СНК СССР	Совет народных комиссаров СССР
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
УПСР	Украинская партия социалистов-революционеров
УРС	Управление рабочего снабжения
УЦР	Украинская центральная рада
ЦДА	Центральный дом архитектора
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦНТБ	Центральная научно-техническая библиотека
ЦСУ	Центральное статистическое управление

К сведению авторов

Исторический Ежегодник издается на базе Института истории Сибирского отделения РАН. В рецензировании статей участвуют специалисты из академических институтов и вузов. Работы принимаются к публикации на конкурсной основе. К участию приглашаются молодые исследователи – не старше 35 лет на момент подачи статьи. Ежегодник открыт для участников из любых стран и регионов.

Тексты принимаются в электронном виде. Требования к оформлению: объем не более 1,0 авторского листа (40 тыс. знаков, включая сноски и пробелы), сноски на источники автоматические (сквозные), на литературу – оформляются в квадратных скобках, например [1, с. 1], с указанием автора, названия и полных выходных данных издания в конце статьи. К статье прилагается аннотация на русском и английском языках. Схема аннотации: 1) название статьи и автор; 2) цель статьи; 3) характеристика проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье; 4) вклад автора; 5) ключевые слова (не более 10). Объем аннотации – 700–850 знаков с пробелами.

Одновременно необходимо представить заявку, в которой указываются следующие данные: фамилия, имя и отчество; дата рождения; место работы или учебы, должность; ученая степень и звание; название статьи; фамилия имя, отчество научного руководителя (для аспирантов), адрес электронной почты, почтовый адрес (включая индекс), телефон.

Предлагая статью на рассмотрение редколлегии, автор тем самым дает согласие на ее размещение в Интернете (www.history.nsc.ru/snm) после выхода Ежегодника из печати.

Адрес редакции:

E-mail: istoriki@list.ru

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, Институт истории СО РАН, к. 309.

Телефоны:

+7 (383) 330-54-41 (Романов Роман Евгеньевич)

Факс: +7 (383) 333-24-37 (с пометкой: для Р.Е. Романова)

Научное издание

Исторический ежегодник

Адрес редколлегии: istoriki@list.ru

Вёрстка: Р.Е. Романов
Английский перевод: О.Н. Калинина
Корректурa: Р.Е. Романов

Подписано в печать: 25.09.2014
Формат: 60x84/16
Гарнитура: Times New Roman.
Уч.-изд. л. 10. Усл. печ. л. 9,5
Тираж 150 экз. Заказ № 9252014

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, д. 39